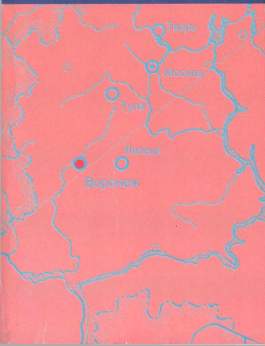

МИОН

Межрегиональные
исследования
в общественных
науках

монографии

Консерватизм
в России и мире
Часть III

Воронежский
Межрегиональный Институт
Общественных наук

В

**Межрегиональные
исследования
в общественных науках**

Министерство
образования и науки
Российской
Федерации

«ИНОЦЕНТР
(Информация. Наука.
Образование)»

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д. и
Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Данное издание осуществлено в рамках программы „Межрегиональные исследования в общественных науках“, реализуемой совместно Министерством образования РФ, „ИНОЦЕНТРОм (Информация. Наука. Образование)“ и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

Консерватизм
в России и мире
Часть III

Воронежский государственный университет

2004

УДК 32 001 (091)

ББК 62.3

К 65

Редакционная коллегия:

А. Ю. Минаков (отв. редактор), С. Г. Алленов, М. Д. Долбилов, М. Д. Карпачев, А. В. Макушин, А. В. Ретников, С. В. Хатунцев

Авторы:

Алленов С. Г. (глава 4, приложение 3 – перевод, предисловие к публикации, комментарий), *Байсвенгер М.* (глава 3), *Вишленкова Е. А.* (приложение 1 – комментарий), *Кретикин С. В.* (глава 5), *Минаков А. Ю.* (приложение 1 – предисловие к публикации), *Мягкова Е. М.* (глава 2), *Ретников А. В.* (приложение 2 – публикация и комментарий, совместно с *Христофоровым В. С.*), *Федорова М. М.* (глава 1), *Христофоров В. С.* (приложение 2 – публикация и комментарий, совместно с *Ретниковым А. В.*

Печатается по решению Совета научных кураторов программы
«Межрегиональные исследования в общественных науках»

К 65 **Консерватизм в России и мире** : в 3 ч. / редкол.: А. Ю. Минаков (отв. ред.) и др. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. (Серия «Монографии»; вып. 3). – ISBN 5-9273-0627-6.

Ч. III – 222 с.

ISBN 5-9273-0630-6 (ч. III)

В коллективной монографии «Консерватизм в России и мире» исследуются актуальные вопросы истории традиционализма, консерватизма и правых идеологий в России и в Европе. Показывая пример сотрудничества исследователей разных школ, поколений и специализаций, эта книга отличается тематическим и жанровым разнообразием, но при этом обладает хорошо продуманной структурой и не всегда присущей подобным изданиям цельностью содержания. Многоплановость монографии позволила авторам и составителям наглядно показать богатство проявлений консерватизма как исторического феномена, а также широкий спектр новейших подходов к его изучению.

Монография ориентирована на научных работников, аспирантов, студентов, а также на всех интересующихся проблемами развития российской государственности и общества.

УДК 32 001 (091)

ББК 62.3

Книга распространяется бесплатно

ISBN 5-9273-0630-6 (ч. III)

ISBN 5-9273-0627-6

© Воронежский МИОН, 2004

© Воронежский государственный университет, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел IV. Феномен консерватизма в западноевропейской истории XVIII–XX вв.

- Глава 1. Консерватизм и романтизм
(политико-философские аспекты
немецкого романтизма) (Федорова М. М.)..... 9
- Глава 2. Вандейское восстание 1793 г. и традиция
политического консерватизма на Западе Франции
в середине XIX – начале XX вв. (Мягкова Е. М.)..... 29
- Глава 3. «Консервативная революция» в Германии
и движение «евразийцев»: точки соприкосновения
(Байсвенгер М.)..... 49
- Глава 4. К вопросу о содержании понятия
«консервативной революции» и ее связи
с традицией немецкого консерватизма
(историографический обзор) (Алленов С. Г.)..... 74
- Глава 5. «Единый фронт между красным и черным»?
К вопросу о контактах между немецкими
правоконсервативными силами и судето-немецкими
социал-демократами в 1937–1938 гг. (Кретинин С. В.) 107

Публикации

<i>Минаков А.Ю.</i> «Погром» или ревизия? (предисловие к публикации архивного документа «Отчет по обозрению Казанского университета» Магницкого М. Л.)	122
<i>Магницкий М.Л.</i> Отчет по обозрению Казанского университета.....	126
Из архивного следственного дела № Р-48956 в отношении Шульгина Василия Витальевича (публикация и комментарии <i>А. В. Репникова</i> <i>и В. С. Христофорова</i>)	162
<i>Аленов С.Г.</i> Предисловие к публикации Артура Меллера ван ден Брука «Третий Рейх»	183
<i>Меллер ван ден Брук А.</i> Третий Рейх. Мы должны иметь силы жить среди противоположностей	189
Сведения об авторах	218

Раздел IV

Феномен консерватизма
в западноевропейской
истории XVIII–XX вв.

Глава 1

Консерватизм и романтизм (политико-философские аспекты немецкого романтизма)

Введение

1.1. Консерватизм

1.2. Романтизм

1.3. Заключение

1.4. Литература

1.5. Приложение

1.6. Заключение

1.7. Литература

1.8. Приложение

1.9. Заключение

1.10. Литература

1.11. Приложение

1.12. Заключение

1.13. Литература

1.14. Приложение

1.15. Заключение

1.16. Литература

1.17. Приложение

1.18. Заключение

1.19. Литература

1.20. Приложение

1.21. Заключение

1.22. Литература

1.23. Приложение

1.24. Заключение

1.25. Литература

1.26. Приложение

1.27. Заключение

1.28. Литература

1.29. Приложение

1.30. Заключение

1.31. Литература

1.32. Приложение

1.33. Заключение

В отличие от своей английской и французской разновидностей немецкий консерватизм начала XIX в. приобрел особую, специфическую форму. Немецкие консерваторы этого периода были философами-романтиками. Романтиком был и английский консерватор Колридж, а известный французский писатель-романтик Шатобриан в книге «Гений христианства» (1802) также развивал идеи, созвучные по духу консервативным теориям. Можно ли установить однозначную связь между двумя этими явлениями духовной культуры?

Романтизм, нашедший свое воплощение в самых разных областях человеческой культуры – в литературе и музыке, живописи и пластическом искусстве, в философии – чаще всего определяют как особое мировоззрение, основанное на отказе от ценностей буржуазной цивилизации, как бунт против «духа капитализма», рожденного вместе с протестантской Реформацией и ставшего господствующим благодаря промышленной революции. Вскормленный ностальгией по прошлому, в котором люди жили в гармонии с природой и самими собой, романтизм склонен к религиозности, мифотворчеству, символизму, воспеванию традиции, окруженной магической аурой. При этом он неизменно демонстрирует свое пессимистическое отношение к существующей реальности.

Романтическое сомнение, родившееся из кризиса доверия людей к обществу, отразило подлинную «болезнь века». Этот термин,

принадлежавший французскому Сен-Беву и бывший одним из самых популярных в первой половине XIX столетия, вобрал в себя специфику мировосприятия и мироощущения самых разных людей этого исторического периода. Поэтому романтизм XIX в. был социально разнороден: наряду с аристократическим романтизмом салонов существовал и так называемый «народный романтизм», и романтизм социалистического толка. Поэтому однозначно поставить знак равенства между романтизмом и консерватизмом нельзя. Так, в Италии романтики придерживались скорее либеральных взглядов, в Англии приверженцы романтизма занимали разные политические позиции (Байрон, например, тяготел скорее к либерализму, тогда как Колридж слыл приверженцем традиции), во Франции это соотношение также было подвижным и динамичным. И, пожалуй, нигде, кроме Германии, это движение не выходило далеко за пределы искусства и не соединялось с обширным религиозно-философским течением, глубоко проникая в социально-политическую область.

Именно в Германии сложилось и оформилось специфическое явление *политического романтизма*, во многом созвучное общему романтическому пафосу эпохи, но имеющее вместе с тем свои особые черты. Мировоззренческие основы его, отчасти связанные с критикой просвещенческого рационализма и индивидуализма, а отчасти обусловленные внутренними тенденциями развития самого философского знания, были заложены в XVIII в. в философии Гердера, раннего Шеллинга, Шлейермахера и др. Возникает новый способ интерпретации прошлого, происходит реабилитация смысла исторического. Шарль Монтескье в знаменитой работе «О духе законов» (1748) высказал идею о том, что все нации обладают собственным неповторимым характером и культурой, что законы каждой страны должны соответствовать этому характеру и этой культуре. Шотландец Адам Фергюсон в «Опыте истории гражданского общества» (1767) говорил о необходимости проникнуть в «гений каждого народа», дабы убедиться, что каждая нация имеет свое особое счастье и что существует своего рода автаркия – самостоятельность и самодостаточность культур.

Но самой главной фигурой в плане осмысления истории является, без сомнения, немецкий историк Иоанн Готфрид Гердер, утвердивший плюралистический взгляд на историю как череду естественных организмов, каждый из которых вырастает, подобно дереву, проходит все стадии жизни любого живого существа от рождения до смерти, обладая при этом своей спецификой и неповторимостью. Душа нации, по мнению Гердера, – особый, необъяснимый, невыразимый дух, проявляющийся во всех формах культуры, не подвластный сухому разуму и постигаемый только интуицией.

С развивающимися идеями *историцизма* была связана и теория *органицизма*. Постепенно, под воздействием естественных наук – открытия животного магнетизма, гальванизма, исследования электричества – механистическая и атомарная картина мира уступает место более динамичной органицистской гипотезе, в соответствии с которой природа представляет собой живой организм, бесконечный цикл, и каждое единичное существование имеет смысл лишь благодаря подчиненности всей системе в целом и обретает контакт с универсальным организмом только через неосознаваемое. Эти идеи мы находим у Франца Баадера, религиозного немецкого мыслителя, выступавшего с резкой критикой европейского индивидуализма и усматривавшего в последнем источник кризиса всей европейской культуры. Но пальма первенства здесь принадлежит, несомненно, Фридриху Шеллингу, который в своих работах «Идея философии природы» (1796) и «Душа мира» (1797) устанавливал параллелизм между физическим миром и миром идей, утверждая, что природа – это видимый дух, тогда как дух – невидимая природа. С его точки зрения общество представляет собой не просто арифметическую сумму равных между собой индивидов, но новый творческий синтез, обладающий мистическим существованием, независимым от существования составляющих его индивидов.

Можно выделить следующие особенности, присущие политическому романтизму начала XIX в.:

– склонность к драматизации политической истории, прославление героизма, жертвенности, величия нации, пролитой крови предков;

– сентиментальное и экспрессивное понимание политики: воспринимавшаяся ранее как искусство возможного, политика превращается в призыв к идеалу; речь идет уже не столько об организации правильного правления, сколько о том, чтобы убедить, увлечь за собой; отсюда и особое значение искусства слова, особая роль, которую играют писатели и литераторы на политическом поприще;

– политический романтизм всегда выражал сомнение, порожденное долгим и болезненным осознанием людьми первой половины XIX в. своего места в революционируемом обществе; это сомнение всегда было обращено против основ буржуазного общества – как политических, так и идеологических; поэтому политический романтизм обычно занимал крайние левые или правые позиции, избегая центризма.

Но главной в философском отношении для политического романтизма можно считать выросшую из поэтической романтизации философской мистики идею теснейшей связи индивида и мира, идею целостного организма, находящегося в процессе становления и развития [1]. Не случайно немецкий романтик Адам Мюллер говорил о необходимости осуществить синтез политических идей Берка с поэтикой Гете.

Новизна романтического подхода к социально-политическим проблемам состояла еще и в новой манере мыслить и выражать свои мысли. Этот новый язык был отличен от языка науки и закона. Не проза, но поэзия способна открыть тайны универсума, считали романтики. Поэтический подход к реальности доходит до выявления противоречий, не позволительных с научной точки зрения. «Поэзия растворяет чуждое бытие в своем», – писал Новалис [2]. Исследователем должны двигать не столько логические аргументы, сколько впечатления и аналогии. Поэтическая манера изложения позволяет быть неопределенным и неточным, выражать свои намерения путем аллюзий и намеков.

Философский романтизм противопоставляет рационализму образное видение мира, способное постичь чудесное, таинственное. Природа не может быть понята, если принять допущение о ее всеобщей правильности и единообразии. Она настолько разнообразна, что к ней не применимы всеобщие законы. Внимание

философа должно быть сконцентрировано на особых, уникальных примерах, которые, однако, не способны просветить нас относительно других таких же уникальных отдельных примеров, если мы не будем воспринимать их в качестве символа, который может быть постигнут только воображением, в образах. Причем чем больше пример или событие поражают наше воображение, тем больше могут они рассказать нам о сущности вещей и процессов. Отсюда – культ великих событий, великих людей, великой нации.

Эти настроения, характерные для романтизма в целом, будучи перенесенными в политическую плоскость, дают совершенно новые результаты. Если природа не следует единообразному образцу, а соткана из разнообразия, то и общество не состоит из равных и единообразных индивидов. Если художественный гений и талантливый политик в большей степени развили свою индивидуальность, то они способны изменить общество в соответствии со своей волей. Политик способен на великие дела, которые сродни художественному творчеству.

Романтическую идею о значении индивидуальности в обществе и в политике известный политолог XX в. Ф. Хайек назвал «ложным индивидуализмом», утверждающим, что человек способен изменить развитие общества в зависимости от власти своего интеллекта и своей интуиции. «Истинный индивидуализм» признает, что общество во всем его многообразии есть не продукт сознательного намерения и плана, но результат спонтанного взаимодействия составляющих его индивидов. Романтики же в своем стремлении к сохранению социальной стабильности и гармонии подчинили развитие личности высшему единству – сообществу или традиции. В этом органическом единстве особняком стоит только гений, открытый к безграничному развитию своей индивидуальности [3].

Одним из первых мыслителей, в чьем творчестве отчетливо прослеживаются мотивы политического романтизма, был *Новалис* (Фридрих фон Гарденберг, 1772 – 1801). Новалис известен в первую очередь как поэт-романтик (автор циклов «Гимны к ночи» и «Духовные песни», а также романа «Генрих фон Офтердинген» и повести «Ученики в Саисе») и создатель так называемой филосо-

фии «магического идеализма». Его политические взгляды нашли выражение в сравнительно небольшой по объему работе «Христианство или Европа» (1799, опубликовано в 1826).

В ней Новалис высказывает идеи и положения, которые впоследствии будут развиты Фридрихом Шлегелем, Адамом Мюллером, Герресом и др. По Новалису, заложенные Просвещением принципы ложны, поскольку исходят из существования для человека некоего стандарта, который не может быть реализован в конечном временном отрезке, каковым предстает человеческая жизнь. Политическая теория должна в первую очередь иметь дело с воображением и эмоциональной стороной человеческой жизни, она должна обращаться к уникальным событиям истории, которые не могут быть поняты по рациональным образцам. С этой точки зрения Новалис противопоставляет Новому времени Средневековую Европу как символ духовного единения и гармонии. То была подлинная духовная империя, управляемая одним сувереном, наделенным огромной политической силой, но она была устроена «сообразно внутренней природе человека», о чем свидетельствовал «могучий подъем всех прочих сил человеческих, гармоничное развитие всех способностей» [4].

Однако, размышляет мыслитель, средневековая христианская Европа была своего рода «первой любовью», которая умерла, не выдержав гнета духа коммерциализации и эгоистических интересов. Сама Церковь оказалась подвержена коррупции, что привело к появлению реформаторов, зашедших слишком далеко и обусловивших раскол единой католической Церкви. Реформация принесла с собой дух постоянного бунтарства, что стало существенной преградой на пути установления социального единства. Религия, которая была одним из столпов государства, превратилась в его служанку. Символом нового мышления и новой политики стала мельница, не знающая ни строителя, ни мельника, — *мельница, перемалывающая сама себя* [5]. Но этот конфликт имел и политические последствия: в обществе воцарилась анархия, так как государство приносит свои благотворные плоды только в том случае, если оно основано на вере.

Государство может быть истинным и справедливым только тогда, если в основе его лежит религиозный принцип. В таком государстве любой индивид готов пожертвовать своими интересами и самим собой ради всеобщего интереса. Государство Новалиса всеобъемлюще, в нем нет места личному интересу, ибо только полный отказ от всего индивидуального способен сделать государство могущественным и сильным. Это органическое государство, в котором все индивиды и классы действуют подобно взаимозависимым частям организма, выполняя каждый свою функцию. Любой гражданин здесь действует лишь как подданный государства, и только монарху дозволено возвышаться над массой подданных, поскольку он представляет собой символ, воплощающий живую идею государственности. Предупредить хаос и вновь объединить Европу, считает Новалис, способно только возвращение к прошлому, и первый шаг на этом пути – религиозное и духовное возрождение Германии. Таким образом, Новалис был одним из первых немецких мыслителей, высказавших, хотя еще и не в отчетливой форме, веру в духовную миссию немецкой нации.

Из романтических политических идей Новалиса, сформулированных им в очерке «Христианство или Европа», дальнейшее развитие получили в первую очередь два принципиально важных положения. Это, во-первых, концепция сильного могущественного государства, представляющего собой ядро всей общественной жизни, и, во-вторых, идея особой роли немецкой нации в культурном и политическом пространстве Европы. Названные идеи разрабатывались прежде всего такими видными представителями немецкого романтизма, как Фридрих Шлегель и Адам Мюллер.

Фридрих Шлегель (1772 – 1829), однако, первоначально не разделял идей Новалиса в отношении Реформации и даже отказался напечатать «Христианство или Европа» в издаваемом им вместе с братом Августом-Вильгельмом Шлегелем журнале «Атеней». Исходным моментом при формировании политических взглядов Ф. Шлегеля стала идея «культурной нации» (*Kulturnation*), сформулированная в конце XVIII в. Гумбольдтом и Шиллером. Суть этой идеи заключалась в том, что Германия должна отказаться от притязаний на роль великой политической державы, но при этом

должна занять ведущее место в духовной эволюции человечества. В йенский период своего творчества, период активной работы в «Атенеум», молодой Ф. Шлегель утверждает, что Германия должна возродить в веках славу эллинизма, когда каждый человек мог достичь самых больших высот духовного и интеллектуального развития. Однако постепенно этот космополитический национализм, апофеозом которого выступало стихотворение Ф. Шлегеля «К немцам» (1801), эволюционировал к немецкому патриотизму: мыслитель начинает говорить о несправедливости невнимательного отношения к политическому могуществу немцев. При этом он апеллирует к Средним векам, когда германцы играли ведущую политическую роль в Европе.

Шлегель восхищается средневековым чувством справедливости, уважения к чести и верности. Именно «чувство чести, привязанности, смелости и верности» позволило немцам занять главенствующее положение в Европе, тогда как их врожденная любовь к свободе не позволила подчинить себя чужому влиянию. Германский народ, по его мнению, не утратил живой связи с этими изначальными добродетелями. Так Ф. Шлегель через специфическое восприятие средневековой истории приходит от идеи «культурной нации» к понятию «земного отечества», играющему ключевую роль в немецком политическом романтизме.

На этой основе Ф. Шлегель создает свою романтическую теорию государства, в основе которой лежит надежда на восстановление религиозного единства западного мира. «Некогда великое и прекрасное разрушено сейчас настолько, – пишет он, – что я и не знаю, как в этом смысле можно было бы просто утверждать, что Европа существует как целое...». Однако «в самой испорченности Европы видны зачатки высшего назначения», здесь «открыто место для чего-то нового», здесь «доброе начало земли ожесточеннее всего борется со злым», поэтому именно здесь «должна решаться в конечном итоге судьба человечества» [6]. Шлегель выдвигает три основных требования эпохи:

– в противовес духовной разобщенности современного мира необходимо создать новую науку и новое искусство, которые были бы направлены на развитие «высших способностей разума, фан-

тазии и чувства». Эта новая культура должна всецело опираться на духовный багаж прошлого, ибо «великие поэты, философы и государственные деятели прошлого составляют подлинно великий мир». Благодаря общению с ними «мы переносимся из этого дурного и падшего мира в возвышенный и обретаем силы переносить вульгарное, печальное окружение» [7];

— необходимо восстановить христианскую религию, «столь долго попираемую»;

— необходимо возродить царство чести, свободы, верности обычаям, всецело присущие древней германской конституции.

При этом Шлегель приходит к очень важному для немецкого романтизма выводу, что глубинная сила нации заключается не столько в деятельности великих и образованных людей, сколько в самом народе, и в первую очередь в народе, живущем на берегах Рейна, сумевшем вопреки всем испытаниям сохранить верность католической вере своих предков.

Впоследствии, порывая с космополитизмом своих ранних работ, Шлегель утверждает необходимость для каждой нации идти своим собственным путем. Сильное государство может быть основано только на национальных традициях. Особую роль здесь, по его мнению, играет единство языка, которое представляет собой самую крепкую связующую нить, самое естественное основание нации. Вместе с особым национальным характером и совокупностью национальных нравов язык следует рассматривать как самую прочную, длительную связь, обеспечивающую единство нации на протяжении столетий. Ведь «языковой мир» – это «зеркало сознания и внутренней мыслительной способности». «Различные эпохи в древнейшем языковом созидании образуют именно различные системы культуры в процессе развития человеческого духа. И язык вообще как нить воспоминания и традиции, соединяющая народы друг с другом в их последовательности, это как бы общая память и великий орган воспоминания всего человеческого рода» [8].

Каковы общие принципы построения государства в теории Шлегеля?

Во-первых, национальное государство может быть только *словным* (*Ständische Verfassung*). Гарантируя свободу граждан на

протяжении длительного времени, оно в наибольшей степени способствует развитию человеческого рода. Это государство сильно своим внутренним единством, ослабление которого ведет к испорченности нравов, угасанию патриотизма и национальной энергии, разрушению могущества и благосостояния. Такое государственное устройство должно быть иерархическим и корпоративным.

Во-вторых, во главе его стоит могущественный *монарх*, не допускающий никакого разделения властей, ведущего либо к анархии, либо к деспотизму. Только монархия в качестве незыблемого государственного устройства способна противостоять «войне всех против всех», стать основой длительного всеобщего гражданского мира, порядка и безопасности и, поддерживая согласие в умах, способствовать приближению человечества к его высшему призванию. Подобно Новалису, Шлегель видит в Монархе единственного представителя нации, чья власть ничем не ограничена, за исключением соображений общего блага, но в то же время полагает, что решения должны приниматься Монархом лишь после консультаций с представителями всех сословий нации.

В-третьих, построенное таким образом государство, по Шлегелю, будет основано на *вере*. Ошибочно строить его на страхе или общественном договоре. А поскольку предметом веры может быть только «Бог или Божественное», то и государство должно в первую очередь взаимодействовать с Церковью. Отношения между государством и Церковью рассматриваются немецким философом одновременно как отношения сотрудничества (Церковь не может воспитать гражданина, точно так же, как государство не способно воспитать человека) и взаимозависимости: вмешательство государства в дела духовной власти приводит к формированию моральных уродов, тогда как вмешательство Церкви в государственные дела ведет к секуляризации.

В-четвертых, *экономика* такого государства также должна быть основана на христианских принципах. Государство должно остерегаться чрезмерного прогресса промышленности и торговли, способного привести к торжеству опасного принципа индивидуализма. Современное развитие экономики, по Шлегелю, порождает растущее непонимание между бедными и богатыми, что в конечном

итоге приводит к ослаблению всех гражданских и юридических связей. Эта фатальная ситуация неизбежно порождает неразрешимые классовые конфликты. Истинным же создателем богатства является только *труд*. Вслед за «Закрытым торговым государством» Фихте Шлегель утверждает, что одно только государство может судить о национальных интересах и обладать монополией на внешнюю торговлю. Более того: государство должно сохранить за собой контроль за движением собственности, ибо «движение собственности должно быть тщательно выверено и ограничено в соответствии с моральными требованиями и учетом интересов как современного, так и грядущего общества». Для него, как и для Фихте, собственность есть лишь «право на определенную свободную деятельность». Таким образом, государство будет контролировать экономическую жизнь, а сословное устройство обеспечит системе обмена стабильность и честность.

Наконец, в-пятых, Шлегель видит опору христианского сословного государства в аристократии. В «Лекциях о современной истории» (1809) он пишет, что дворянство и свобода – два главных фактора самого древнего германского государства. Но немецкая аристократия – совершенно особая, ничем не сравнимая с деспотичной, угнетающей аристократией древней Спарты или античного Рима, с яростными демократиями греческих полисов. В истории Германии, утверждал Шлегель, мы обнаруживаем вместо химерического естественного состояния государство, во всем, и прежде всего в своем институте дворянства, соответствующее природе.

Такова в самых общих чертах теория государства Фридриха Шлегеля. В основе ее лежат два принципа – реставрации средневековых ценностей и добродетелей и пробуждение чувства немецкого патриотизма.

К проблеме особенности немецкого духа в контексте политической теории обращается и другой представитель немецкого романтизма – *Адам Генрих Мюллер фон Ниттерсдорф* (1779 – 1829). Никогда еще не возникало такой необходимости в пробуждении национального чувства, в оживлении нашего сознания спектаклем немецкого величия, как сегодня, пишет он в «Лекциях о немецкой науке и литературе» (1806). Германия не погибнет до

тех пор, пока она будет хранить культ своей индивидуальности и пребывать в законной гордости за плоды деятельности своего духа. Оригинальность германского гения, считает Мюллер, – в его способности ассимилировать вклад в мировую культуру других наций, но он не воспаряет над другими народами, а является как бы «вечным посредником», толерантным по отношению к иным культурам: «Германия желает царствовать, прислуживая». И именно в этом качестве миссия ее носит универсальный характер. Но, замечает Мюллер, немцы должны оставить пацифистские иллюзии и научиться с оружием в руках защищать традиции своего отечества. Среди этих традиций он называет в первую очередь германское понятие о государстве. Государство, с его точки зрения, – это не «безжизненная машина», не «страховая компания, ограниченная материальными целями, но живой организм, в котором интегрированы различные социальные силы, это непрерывная цепь поколений, неделимое целое, объединенное общностью языка и вековых традиций.

В наиболее систематическом виде взгляды Адама Мюллера изложены в его двухтомном труде «Элементы политического искусства» (1809), представляющем своего рода компендиум политической теории немецкого романтизма. Основная цель, которую ставит перед собой философ, – доказать, что «государство, как и все великое, что есть в делах человеческих, может иметь не определение, но только Идею». Ошибка всех современных теоретиков, по мнению немецкого романтика, состоит в их попытках дать ограниченное определение государства. На самом же деле государство включает в себя все формы человеческой общности, политические институты, гражданское общество, народ, нацию. Другая ошибка – подход к государству как некоему статичному предмету, как к «мертвой материи», застывшей в какой-либо окончательной форме. Государство же следует рассматривать в его вечном движении и становлении: «Государство пребывает в движении, изменяется в каждое мгновение, насмехается над нашими системами и хохочет над нашей геометрией» [9].

Подобно другим мыслителям консервативного толка, Адам Мюллер развивает идею естественного происхождения государ-

ства. Индивида нельзя представить себе вне государства, утверждает он. Государство – столь же древний институт, как и весь род человеческий, «оно с необходимостью существовало с тех самых времен, как были созданы люди, оно неизбежно, ибо основано на природе человека». Оно включает в себя всю совокупность дел человеческих, всю «совокупность физических и моральных благ». К государству нельзя подходить как к орудию для управления людьми, ибо оно есть «идея всех идей», оно полностью поглощает индивида, который «не может более покинуть сообщество, где родился, подобно тому, как правая рука не может отделиться от тела». Его нельзя изменить произвольно, в соответствии с человеческим замыслом подобно тому, как плотник изменяет в ходе своей работы мебель, которую он строит. Государства нет без веры, без любви, без жертвы. Человек живет только ради государства, и «свобода гражданина состоит вовсе не в способности по окончании своей повседневной работы использовать свободное время для того, чтобы мыслить или любить по своему усмотрению».

Мюллер развивает идею, высказанную представителем политической мысли эпохи Возрождения Жаном Боденом о том, что государство есть подлинное осуществление суверенитета. Государь не обладает суверенитетом, он лишь воплощает суверенитет и наделен миссией «возбуждать любовь и осуществлять принуждение». Он не является первым из чиновников, как это полагал Фридрих II, но и не выражает личный интерес, независимый от государства, как считал Макиавелли. Государь – представитель постоянно возобновляемого договора, связывающего между собой поколения людей, он – «временной блюститель живого Закона».

Государственное устройство видится Адаму Мюллеру, конечно же, монархическим, однако, в отличие от Шлегеля и Новалиса, он ратует за *монархию республиканскую*, ибо, как показала история, ни чистая монархия, ни чистая республика не приносят своих плодов и недолговечны. Монархический и республиканский – два важнейших компонента государственного устройства, первый из них благодаря личности монарха делает само государство видимым и значимым в глазах его подданных; второй же способствует созданию у всех граждан заинтересованности в судьбе государства. В

таким государстве нет и не может быть разделения властей – этой «алхимии», способной превратить любой политический институт в «связку» юридических, финансовых и т. п. понятий и тем самым заменить застывшими формулами «великий Закон Любви».

Если творчество Адама Мюллера было сосредоточено главным образом на теоретической разработке понятия государства, то другой представитель немецкого романтизма – *Людвиг Ахим фон Арним* (1781 – 1831) вводит в научный оборот понятие народа и народного государства, оказавшее очень серьезное влияние на последующее развитие всей немецкой общественно-политической мысли.

Понятие «народ» (*Volk*), долгое время смешиваемое с понятием «чернь» (*Pöbel*), было введено в политическую рефлексию Гердером, показавшим, что каждый народ обладает своей оригинальностью, внутренне присущей ему индивидуальностью, которые определяются языком, традициями, «духом» и должны тщательно оберегаться от внешних влияний. С другой стороны, Й. Мезер в тот же период изучает народ как некую целостность, тесно связанную с землей и способную выжить только благодаря этой основополагающей традиции. Однако попытки этих мыслителей определить дух отечества, государства через проявления народной самобытности уступили место в творчестве других романтиков того же периода (Вакенродер, Тик) стремлению видеть в народном духе лишь его примитивную и наивную сторону, лишь его привязанность к некоторым спонтанным формам цивилизации, которые противопоставлялись «ученой» и в какой-то степени декадентской культуре современного мира. Так, старший брат Фридриха Шлегеля, Август-Вильгельм Шлегель, в своих Берлинских лекциях утверждал, что нельзя говорить о собственной литературе образованных классов, так как она находит свое выражение только в «народных книгах», что подлинная поэзия рождается из «внутренней жизни народа», из «общего корня этой жизни-религии». С другой стороны, наиболее известные представители немецкого идеализма – Шиллер и Гумбольдт, а вслед за ними и Ф. Шлегель – определяли немецкий народ как высшее выражение универсальной культуры, как общность, подобно древним грекам, способную привести к облагораживанию всего человечества.

Заслуга Арнима состоит в том, что он попытался примирить оба указанных определения понятия «народ». Для Арнима, так же, как и для Тика, народ представляет собой малообразованный класс, который как бы светится изнутри светом наивного неведения и обладает таинственной силой, отразившейся, в частности, в средневековом гении. Но, с другой стороны, он полагает также, что народ действительно способен превратиться в нацию только тогда, когда будут сняты или, по крайней мере, ослаблены перегородки между различными социальными классами. Для этого очень важно, считает он, чтобы все классы общества были пронизаны «внутренней радостью жизни», общались бы в одной интеллектуальной и моральной традиции. Подлинная народная общность покоится на тождестве духовных ценностей: в этом случае каждый причастен к «богатству всего народа», и настоящий художник лишь выражает то, что ощущает каждый [10]. Если это взаимодействие оказывается разрушенным искусственным разделением на классы и противопоставлением образованных людей необразованным, нация рискует погибнуть: скептическим и бесплодным интеллектуалам противостоит охваченный тоской и злобой пролетарий. И наоборот, если нация сумела развить в себе «живой народный дух», то этот дух устоит против любых чужеродных влияний, и тогда она обретет в истории цивилизации всеобщую роль, станет универсальной.

По Арниму, индивид способен преодолеть убогость своего повседневного существования и во всей полноте реализовать свою сущность только в рамках сообщества. Только народная культура, заботливо сберегаемая и передаваемая через историю, дает индивиду смысл и основание бытия; и тот, кто пытается вырваться за рамки окружающего его сообщества, грешит против самого Бога. В романе «Графиня Долорес» (1810), воспевающим смысл жизни человека в его служении обществу, Арним пишет о том, что человек, с легкостью забывающий свой народ в счастье или покидающий его в нищете, будет оставлен Богом в трудные моменты своей жизни, а счастье его превратится в пустую побрякушку.

Центральная для политической философии проблема соотношения индивида и сообщества у Арнима находит более глубокое

решение, чем в раннем романтизме Новалиса и Ф. Шлегеля. Жизнь индивида возможна только в рамках общества, и только здесь она обретает подлинный смысл; вне общества все искусственно и мертво. Только *народный дух* (*Volksgeist*) наполняет индивидуальную жизнь смыслом и светом. И на тезис знаменитого сказочника Якоба Гримма, противопоставлявшего естественную поэзию как выражение народного гения поэзии искусственной как выражению современного индивидуализма, Арним отвечает, что существует только одна поэзия – поэзия, связанная с народом, способным постичь коллективный гений.

Понятия народа, народной души, народного духа находились в центре политических размышлений *Иоганна-Йозефа Герреса* (1776 – 1848). Геррес сравнительно поздно примкнул к течению политического романтизма, хотя уже к 1800 г. разочаровался в идеях французской революции. В своих статьях 1806 – 1808 гг., свидетельствующих о серьезном влиянии идей Новалиса и Ф. Шлегеля, он обращается к разработке проблем государства и нации. Следуя в русле характерного для немецкого романтизма органицизма, Геррес рассматривает государство как организм, во всем схожий с организмом человека. Подобно тому, как в организме человека отчетливо вырисовываются две тенденции – пассивная и активная, рецептивная и рефлексивная – так и в государстве можно констатировать комбинацию деспотизма, поддерживающего порядок, и республиканизма. Политическое искусство состоит в поддержании устойчивого равновесия между этими тенденциями, в сохранении естественной иерархии классов, одни из которых предназначены для повиновения, другие – для управления. Так же, как и для других романтиков, образцом политического устройства для Герреса выступала средневековая Европа, выражавшая единство Церкви и государства.

Романтическому видению истории и государства у Герреса сопутствовало и углубление понятия «народ», почерпнутое им из сочинений Арнима. Геррес воспринимает идеи гейдельбергской школы (Арним, Brentano и др.) о том, что популяризация и распространение шедевров народного творчества должны способствовать пробуждению национального самосознания немцев. Но сами эти

идеи подчинены у него другой, более важной теме – теме политического возрождения Германии. В работе «О крушении Германии и условиях ее возрождения» (1810) он пишет о тяжелой полосе испытаний, выпавших на долю его страны, о том, что своей политической раздробленности она должна противопоставить свои традиции, самобытную душу своего народа. Будущее Германии представляется ему еще неясным, но он понимает, что пока Германия не добьется единства, она будет оставаться в подчиненном и униженном положении. Но если она сумеет сохранить свою самобытность, то есть еще надежда на возрождение былого величия.

В статьях на страницах издаваемого им журнала «Рейнский Меркурий», пользовавшегося популярностью и бывшего, по мнению современников, «устами нации и ушами государей», Геррес открыто высказывается в пользу единства немецкой нации, которому вредит разрыв между правящими и беднейшими классами. Нужно вернуться к подлинному национальному единству, вбирающему в себя все народные силы, основанному на кровном союзе, единстве исторического прошлого, нравов и языка, т. е. совокупности этнических данных, объединяемых Герресом в понятии *Stammgefühl*. Каждая нация, пишет Геррес, есть «закрытое целое, замкнутый круг; общность крови объединяет всех ее членов; и точно так же, как они говорят на одном языке, они должны иметь и одно сознание и держаться как один человек – таково основополагающее правило». Абсолютный долг нации – следить за теми, кто пытается отойти от единого ствола, чтобы сразу же вернуть их в сообщество; нация не имеет право увеличиваться за счет поглощения других народов (с этой точки зрения Геррес осуждает разделы Польши, австрийскую экспансию в Италию и т. п.). «Каждая этническая группа имеет право и обязана ревностно оберегать свое историческое наименование, с которым связаны все ее воспоминания о прошлом. Все легенды, передаваемые еще с колыбели, равно как и все сбереженные строгими хрониками документы, все, что некогда вибрировало и пело в народной душе, факты и жесты, а значит привязанности и неприятие, – все зафиксировано в этом имени. Одновременно все то, что составляет оригинальность данной группы, что является продуктом ее внутреннего роста и раз-

вития – сборники ее законов, обряды и обычаи... – все это требует уважения, и всякий, кто пытается посягать на это, больно ранит свой народ, который рано или поздно отвергнет его и его тиранию» [11]. Тем самым Геррес ставит оригинальные достижения гейдельбергской школы в области изучения народной духовной культуры на службу возрождения Германии.

Из этого экзальтированного описания народной души и ее значения в жизни общества и государства Геррес выводит три политических следствия:

– во-первых, любое произвольное вмешательство в естественную эволюцию нации он считает предосудительным;

– во-вторых, подобно другим консерваторам, он считает неприемлемой писаную конституцию и урегулирование отношений между государствами на основе какого бы то ни было письменного документа; конституция должна соответствовать традициям народной жизни;

– в-третьих, народ в его представлении есть священное существо, чьи потребности нуждаются в понимании и уважении; он обладает «правами» и ему должно быть позволено выражать свои чувства и чаяния в разного рода представительных органах.

Еще одним важным моментом политической концепции Герреса является *доктрина сословий (Stände)*, которая в политическом плане выражает естественное государство гражданского общества. Но эти сословия следует понимать не в средневековом, а в современном духе. В соответствии с новыми требованиями времени, по Герресу, общество должно состоять из трех классов или сословий: класс воспитывающий, класс военный и класс кормящий. Первый класс подразделяется на священнослужителей, ответственных за духовное воспитание, и класс, несущий светское просвещение. Военный класс составлен из наследственного дворянства, исторической миссией которого была защита отечества, но в настоящее время дворяне должны оставить службу при дворе и вернуться в свои родовые поместья к земле. Кормящее же сословие состоит из крестьян, ремесленников и коммерсантов. По сути, Геррес воспроизводит здесь, с некоторыми оговорками, традиционную средневековую социальную структуру, тем более, что дальше он

добавляет: «каждое из этих сословий должно представлять собой замкнутое целое, как того требует органическое устройство, но в то же время оно открыто для других членов общества, как то полагается каждому элементу живой целостности. <...> Сословия не должны вести изолированного существования; будучи похожими на различные органы, составляющие человеческое тело и играющие свою определенную роль, но включенные в связную неразрывную систему посредством нервов и артерий, приводящих их во взаимодействие, они должны быть связаны друг с другом – снаружи арматурой государства, изнутри – гармоничным согласием, рожденным из мощного чувства единения» [12].

Таким образом, Геррес попытался адаптировать основные положения романтизма в отношении государства и нации к потребностям современного ему мира. В своем увлечении средневековой историей он стремился дистанцироваться от романтизма Адама Мюллера и Фридриха Шлегеля, чтобы создать инструмент, способный служить возрождению Германии. Для него были важнее всего национальные интересы, и он делал ставку в большей степени на «народ», нежели на аристократию и высшие классы, чтобы обеспечить триумф унитарных идей. Вследствие своего негативного отношения к французской революции он негативно относился к идеям демократии, но в равной степени он был враждебен и по отношению к авторитарным формам просвещенного деспотизма. При этом Геррес выступал за идеалы свободы, адаптированной к традиционным формам национальной жизни, за величие нации, основанное на уважении к народным чаяниям.

Позднее, разочаровавшись в итогах Венского конгресса и в связи с усилением реакции в Пруссии, Геррес выступит с идеей демократизации двух высших сословий, за необходимость свободы мысли и признание важности научных достижений. Однако в его последних работах – «Германия и Революция» (1819) и «Европа и Революция» (1821) – можно констатировать переход на сугубо религиозные позиции. Этому способствовало, в частности, сближение Герреса с Францем Баадером, чей католицизм был пронизан теософскими идеями Парацельса и Беме, а также мистикой Экхарта.

Итак, политический романтизм в Германии был одной из форм консервативного протеста против идеалов Просвещения, против либеральной и революционной идеологии. Специфика этого консервативного движения заключена в его особой поэтико-литературной форме и в его связи через эзотеризм и теософию с различными религиозными группировками, чье влияние было достаточно сильным в тот период. Широко используя последние достижения исторической мысли и литературно-художественного творчества, романтизм дал этому спонтанному движению политическую доктрину, благодаря чему немецкая мысль первой трети девятнадцатого столетия нашла свой ответ на вопросы, поставленные революционной эпохой. Таким образом, хотя в Германии и не было консервативной партии как таковой, консерватизм составлял серьезную силу, с которой либералы были вынуждены считаться и, более того, чьи принципы им иногда приходилось заимствовать для придания большей эффективности их деятельности.

1. См.: *Трельч Э.* Историзм и его проблемы. М., Юрист, 1994. С. 238.
2. *Новалис.* Фрагменты. СПб., 1994. С. 146.
3. *Hayek F. A.* Individualism: True and False // *Individualism and Economic Order.* L., 1949. P. 1 – 32.
4. Христианство или Европа // *Новалис.* Гимны к ночи. М., Энигма, 1996. С. 157.
5. Там же. С.162, 172 – 173.
6. *Ф. Шлегель.* Эстетика. Философия. Критика. Т. 2. М., Искусство, 1983. С. 18 – 19.
7. Там же. С. 36.
8. Там же. С. 364.
9. *Political Thought of German Romantics.* Texts. Oxford, 1955. P. 133.
10. *Von Volksliedern // Sämtliche Werke,* Т. II. S. 460, 479.
11. *Sachens Pflicht und Pecht // Rheinischer Merkur.* 1814. № 91.
12. *Die Künftige deutsche Verfassung // Rheinischer Merkur.* 1814. № 104 – 106.

Глава 2

Вандейское восстание 1793 г. и традиция политического консерватизма на западе Франции в середине XIX – начале XX вв.

Предреволюционная Франция представляла собой, по образному замечанию современников и историков, «агломерат», бессвязное сосуществование самых разнообразных частей, «неорганизованный агрегат разъединенных народов» [1]. В XVI–XVIII вв. здесь продолжало сохраняться и даже стало более отчетливым деление на две главные зоны (северную и южную) с различными парадигмами экономического и социокультурного развития [2]. Условной границей оставалась Луара в среднем и нижнем течении, Сена и Сона в их верхних течениях. В широкой исторической перспективе такое противостояние неизбежно приобретало и важнейшее общественно-политическое значение.

Гражданская война в Вандее, вспыхнувшая в марте 1793 г., послужила, по мнению Ш. Сеньобоса, отправной точкой формирования главного водораздела французской политической истории между «патриотическим» Востоком и «контрреволюционным» Западом [3]. Констатируя сохранение этой традиции на протяжении многих поколений, А. Зигфрид высказал идею о существовании своеобразных политических регионов, подобных геологическим, климатическим и экономическим областям отдельного государства. Автор демонстрирует поразительное совпадение на территории южного Анжу границ самого различного свойства: идеологического (голосование преимущественно «демократического» или «реакционного» типа), экономического (преобладание крупной

собственности и животноводства или мелкой собственности и возделывания зерновых), социального (рассеянное поселение или агломерация) и геологического (равнины или осадочные породы). Основное же влияние на политические симпатии населения оказывали, с его точки зрения, форма собственности и склонность к клерикализму [4]. Подобные утверждения встретили возражения П. Буа, явно отдававшего предпочтение в этом процессе феномену «народной культуры». Исследования Ж. Мейе, Р. Дюпюи и М. Лагре, исходящие из принципа структур большой длительности (*la longue durée*), идут дальше: эта тенденция, основанная на глубинных ментальных структурах, может быть прослежена задолго до начала Революции [5].

Исследуя распространение волны дехристианизации II года, М. Вовель справедливо отмечает множество контрастов. «Поразмыслить над этой картой, – пишет он, – это означает обнаружить Францию «алтарей старого», которая сопротивлялась гигантскому культурному воздействию революции, возможно – периферийную Францию диалектов и местных наречий или Францию очень сильных религиозных традиций... Если наложить одна на другую столь различные карты, как карта присяги Конституции 1791 г., карта революционной топонимики и карта показателей выборов III, IV, и V годов, то «география контрастов» будет в них примерно совпадать» [6]. Д. Сазерленд указывает, что очаги «единодушной» присяги совпадали также с очагами более высокого распространения письменной культуры, революционной дехристианизации и лучшими системами коммуникации [7]. Американский историк Т. Тэкетт видел в оппозиционном поведении крестьян сопротивление периферии королевства курсу жесткой централизации, чему способствовало сохранение местных особенностей языка, прежде всего письменного [8].

Вместе с тем детальное изучение социокультурных аспектов в рамках микроистории дало несколько неожиданные, на первый взгляд, результаты. Несмотря на сохранение общей консервативной традиции, не все западные регионы страны «вели себя» одинаково, а совпадения между константами геологического, экономического, социального и культурного свойства оказались несколько

преувеличенными [9]. Специфические ритмы поведения электората на выборах XIX–XX вв. позволяют выделить даже в границах отдельного департамента элементы противостояния различных его областей («патриотических» и «контрреволюционных»), наличия в них заметных «сезонных» колебаний в зависимости от конкретной социальной ситуации [10].

Данные, касающиеся провинции Нижнего Пуату (будущий департамент Вандея), в целом подтверждают отмеченную закономерность. На протяжении нескольких столетий здесь прослеживается явное несходство между землями Бокажей (Bocage, лесная местность), поднявшимися в 1793 г. за честь короля, и регионом Плэн (Plaine, равнина), оставшимся верным Республике. Эта оппозиция в последующие годы только усилилась, отчетливо проявляясь вновь и вновь при каждой избирательной кампании [11]. Следовательно, генерализирующий взгляд на проблемы политического континуитета должен быть максимально нюансирован, дополнен анализом множества локальных особенностей.

Первой попыткой подобного рода стало фундаментальное исследование П. Буа. Проследив поведение крестьян в предвыборных кампаниях революционного периода, он пришел к выводу, что раскол между сторонниками и противниками новых ценностей выражался, с одной стороны, в политической активности и социальном происхождении выборщиков, с другой, – в оппозициях город/деревня, локальное/национальное [12]. Однако более поздние работы французских историков опровергают возможность объяснения крестьянских умонастроений предлагаемой выше схемой и констатируют наличие прямо противоположных явлений в других департаментах Запада [13].

Выборы мая 1790 г. отражали, согласно Буа, будущее поведение крестьян в гражданской войне. Характеризуясь очень высокой активностью избирателей, они продемонстрировали более резкую политическую сознательность среди крестьян в районах близящейся шуанерии в противовес явной пассивности «республиканцев». Доказательством тому служит социальный состав выборщиков обеих зон: 40 % имели крестьянское происхождение в первой и лишь 19 % – во второй. «Республиканские» регионы, таким

образом, доверяли городу, отдавая предпочтение представителям урбанизированных центров провинции, тогда как «контрреволюционные» сделали выбор в пользу сельской элиты [14]. Согласно исследованию французского историка Ж.-Л. Ормьера, поведение электората в департаментах Майенн и Мэн-и-Луара вовсе не совпадало с границами будущих крестьянских выступлений [15]. В департаменте же Вандея процентные соотношения в социальном составе выборщиков противоположны данным Буа: «контрреволюционный» Бокаж отдал свои голоса представителям «судейского сословия» и богатым землевладельцам-буржуа (70 % против 19 % крестьян), тогда как «республиканская» Плэн делегировала 37 % крестьян против 45 % городской элиты [16].

В этом, на наш взгляд, нет ничего удивительного. Система заполнения бланка, опускаемого в урну, имела явное сходство с процедурой военного набора (милиция), вызывавшей столько ненависти в среде крестьян; она выбивала неграмотных, большинство которых и находилось на территории Бокажа. Декларируемая Буа ненависть крестьян чисто аграрных местностей к представителям буржуазии не может быть доказана и социальным происхождением председателей избирательных ассамблей на кантональном уровне: из 64 человек в Майенн и Мэн-и-Луара 31 были представителями «судейского сословия», а 30 – приходскими священниками [17]. Подобное соотношение сохранялось и на территории Вандеи, являя собой, по мнению краеведов-историков, возврат к распадавшейся сельской солидарности, традициям «ассамблеи всех глав домохозяйств», организующим звеном которой и становились, как правило, местные нотабли и сельские кюре [18].

В подтверждение своего основного тезиса о непримиримом противоречии города и деревни П. Буа приводит цифры, доказывающие этот своеобразный крестьянский остракизм: пост президента Генерального Совета департамента и должность главного прокурора-синдика усилиями деревенской массы выборщиков оказались за представителями сельских кантонов [19]. Однако выборы в департаментах Майенн, Мэн-и-Луара, Вандея имели противоположные результаты [20]. Антагонизм город/деревня, согласно Буа, был ярче выражен в тех регионах, которые вскоре

поднимут оружие против Республики. Вместе с тем в области Сомюр (на территории бывшей провинции Анжу), оставшейся верной революции, разворачивались столь же жестокие антигородские выступления, что и в контрреволюционной области Мож [21]. Крестьянская агрессивность по отношению к городам имела проявления в большинстве департаментов страны и составляла, по мнению английского историка А. Коббэна, одну из главных констант первого этапа Революции [22].

Специфика поведения сельского электората зависела, согласно анализу П. Буа, от характера проводимых выборов. Выборы в местные органы власти отличались высокой активностью крестьян; напротив, голосование на общегосударственном уровне сопровождалось их практически повсеместным абсентеизмом [23]. Это утверждение оказывается весьма спорным для департамента Мэн-и-Луара, где число подавших свои голоса в предвыборной кампании 1791 г. превышало 50 %, но вместе с тем находит необходимые доказательства на территории соседней Вандеи: первичные ассамблеи здесь собрали лишь 10 – 33 % от общего числа выборщиков [24]. Таким образом, тезис о сознательном бойкоте крестьянами национального голосования должен быть пересмотрен в самом своем принципе. Локальные выборы 1790 г. еще не нарушали сложившихся традиций приходского общества, обладавшего определенной административной самостоятельностью. Вмешательство государственной власти как таковой было минимальным, визуально не воспринимаемым крестьянами. Но уже с июня 1790 г. участники голосования должны были собираться в главном городе кантона для назначения выборщиков «второго» состава (1 на 100 активных граждан), наделяемых полномочиями непосредственного избрания администрации. Все это явно контрастировало со сложившимися представлениями крестьян об организации органов местного самоуправления. Введение системы представительной демократии и института выборщиков «второго» состава не являлось простой сменой масштаба. Отныне община должна была «открываться» вовне, говорить по-французски, интегрироваться в процесс циркуляции новых идей, разбивающих локальные барьеры, вводить, наконец, новую систему ценностей.

Идея нации как политического и идеологического целого была несовместима с местной, региональной автономией, понимаемой в духе изоляционизма и партикуляристского эгоизма определенного сообщества людей. Положение, на момент 1790 г., осложнялось еще и тем, что новая предвыборная кампания была намечена на самое время сенокоса.

Результат не замедлил сказаться. В период с 1790 по 1792 гг. властные полномочия в департаменте Вандея оказались полностью под контролем городской элиты, «судейского сословия», буржуа-землевладельцев, породив своеобразный феномен «конфискации мест» [25]. Сопоставление процентного соотношения избранных на должности местной администрации (если судить об этом в значительной временной перспективе) очень красноречиво: в 1788 г. среди исполнявших обязанности чиновников 58 % происходили из семей зажиточных крестьян-пахарей (*laboueurs*) и лишь 8 % – из семей крестьян-арендаторов. Представители «судейского сословия» и буржуа-землевладельцев составляли 21 %, что при учете традиций приходского общества весьма показательно. В 1790 г. это соотношение радикально изменяется в пользу немногочисленной городской элиты, которая представляет теперь 63 % в аппарате местного самоуправления против 23 % «людей земли». Наконец, выборы V года Республики (1797 г.) располагают эти проценты в пропорции 12:1 (83 % и 7 % соответственно) [26]. Революция, таким образом, все более принимала облик этих городских буржуа, для которых административная деятельность мало-помалу становилась профессиональным занятием. Облекаясь в их плоть и кровь, она говорила их языком, принимала законы, соответствующие их рационалистическому мировоззрению, основанному на идеях Просвещения. Однако такое положение дел таило в себе реальную опасность для крестьян Бокажа, оставшихся в стороне от идейного брожения века и замкнутых в границах общины-прихода, практически изолированной от внешнего мира.

Период 1815 – 1848 гг. почти ничего не изменил в расстановке политических сил. Новые избирательные законы (1817, 1821, 1830 гг.) способствовали закреплению в стране жесткой цензитарной системы, исключавшей право голоса для большинства

крестьян, составлявших в 1846 г. 75 % всего населения Франции. Сильно пострадавшие от бесконечных военных действий и разрушительных акций революционного правительства («адские колонны» Тюрро), коммуны Бокажа находились в состоянии крайней нищеты: в 1836 г. в среднем 35 % жителей этого региона уплачивало налогов на сумму менее 25 франков в год при минимальном избирательном цензе в 200 франков прямого обложения. Напротив, «республиканская» Плэн значительно обогатилась: число представителей округа Фонтене, имевших право быть избранными (500 фр. ежегодных налогов) увеличилось с 356 в 1834 г. до 455 в 1846 г. [27].

Основная масса арендаторов играла весьма незначительную роль и в формировании института общественного мнения. Оказавшись под давлением крупных провинциальных городов и политики парижского централизма, они тем не менее оставались важнейшим объектом новых буржуазных преобразований, своеобразной ставкой в споре правительственных группировок. Мировоззрение сельского населения, таким образом, ярко проявляется лишь через оппозицию к действиям администрации на местах и касается, как правило, попыток изменения привычного уклада жизни. Однако происходившие беспорядки, с точки зрения французских историков, имели по преимуществу социальный характер [28]. Использование актов народного протеста в политических целях (радикалами или легитимистами) происходило намного позднее и не имело прямого отношения к причинам их возникновения.

В сложившейся кризисной ситуации убедительная победа легитимистов на выборах 1848 г. «читалась» на территории вандейского Бокажа задолго до революционных событий [29]. Право голоса получили 104 486 избирателей против 1 772 в 1846 г., цифра же принявших участие в голосовании красноречиво поднялась до 83 % [30]. С другой стороны, историческое наследие I Республики, ее радикальная антицерковная политика и жестокая расправа с восставшими в 1794 г. вызывали чувство недоверия и опасения среди крестьян по отношению к новому режиму. Следует также заметить, что их насущные интересы в период цензитарной монархии защищались по преимуществу ультраправыми или

консервативными лидерами парламента [31]. Повсеместный интерес к трагическим событиям локальной истории, презираемой республиканской традицией, вновь обозначил немаловажную роль сельских кюре в формировании общественного мнения деревни и выборе политической позиции прихожан [32].

Структура властных полномочий имела здесь качественно иные законы функционирования. В противовес «классическим» связям господства и подчинения, административный универсум крестьянской общины строился на основании клиентурно-патерналистских отношений. Неформально существовавшие сельские «кланы», неизбежно выпадавшие из рамок либерально-демократических теорий, часто оказывали непосредственное давление на выборщиков нежелательных кандидатов. Другими словами, если государственные чиновники прибегали к рычагам политической коррупции, их оппоненты действовали методами шантажа и запугивания [33].

Успех вандейских легитимистов (7 мест из 9), согласно новейшим исследованиям, был обусловлен не столько их реальным влиянием, сколько благоприятной конъюнктурной ситуацией. Отдавая решающую роль представителям духовенства в вопросе назначения своих кандидатов, они вынуждены были признать, что результаты выборов 1848 г. есть лишь плод деятельности «крестьян и кюре» [34]. Этой точки зрения придерживались и многие современники, называвшие епископа Люсона (Mgr. Bailles) «главным выборщиком Вандеи». Так, несмотря на общий провал республиканцев, отдельные их депутаты, имевшие среди населения репутацию «добрых католиков», все же получили заметное число голосов (случай с Ф. Буше, предтечей христианского социализма) [35].

Ярко обозначившийся диморфизм (республиканская Плэн и легитимистский Бокаж) зафиксировал, таким образом, политическую географию Вандеи, просуществовавшую с незначительными колебаниями вплоть до середины XX столетия. Действительно, на выборах 1848 – 1910 гг. 13 из 19 коммун Бокажа во всех 11 случаях голосовали за «правых», одна коммуна (Ole d'Yeu) – в 10 из 11 (91 %) и еще 5 дают общий показатель примерно в 50 %. Напротив, 2 из 5 коммун Плэн стабильно (100 %) отдадут предпочтение

«левым», одна (Chaillé) – в 10 случаях из 11 (91 %) и оставшиеся 2 в среднем в 55 % [36].

Период с 1890 по 1910 гг. стал, по мнению Ж.-К. Мартена, своеобразным пиком «вандейской мобилизации» перед лицом враждебной Республики: формирование отмеченного выше противоречия вошло в свою завершающую фазу и отлилось в законченные структурные механизмы. Главными мобилизующими факторами становились те социальные слои, чье объективное положение в недрах сельского общества обеспечивало им непререкаемый авторитет в глазах крестьян. Опиравшиеся на свои земельные владения дворяне и державшие в руках практически всю духовную и светскую жизнь прихода кюре оказывали непосредственное влияние на политическую ориентацию региона. С другой стороны, специфика вандейского Бокажа (большие многоуровневые семьи и дух сельской солидарности, высокий процент прироста населения и слабый уровень миграции, резко выделявшая его традиционность на фоне происходивших в стране изменений) способствовала усилению их позиций [37].

Размышляя над этим поразительным феноменом французской политической истории, А. Зигфрид использовал метод социологической картографии. Для максимальной наглядности и убедительности графиков им были «опущены» 10 вандейских коммун, относящихся по преимуществу к так называемой переходной зоне: их «нестабильное» поведение (соответственно дихотомии «правые/левые» – 33/67 %) делало не совсем четкой границу между «прогрессивной» Плэн и «реакционным» Бокажем [38]. Однако их реинтеграция в общий процентный показатель департамента, по сути, ничего не меняет в предложенной автором концепции. С другой стороны, эта необходимая нюансировка делает ситуацию более реалистичной, более соответствующей разноликости исторической действительности и оберегает в конечном итоге от неоправданной схематизации в построении общих теорий. Так, в частности, исследователями было замечено, что пресловутый «раскол» в политических ориентациях населения располагался не только по природно-географической линии Плэн/Бокаж, но и внутри каждого из регионов в соответствии с уровнем урбанизации

и агломерированности населенных пунктов [39]. Противостояние города и деревни, следовательно, существенно дополняет нарисованную Зигфридом картину Западной Франции.

Вековая традиция политического континуитета заставила впоследствии констатировать и феномен вандейской «неподвижности»: оставаясь одним из оплотов Старого порядка, Бокаж был обречен самим ходом истории на застой и стагнацию. Трансформация этого наследия не может быть осуществлена без тотального разрушения крупной собственности и «всеобщего восстания» против «избирательных полномочий» священников [40]. Работы современных историков формально подтверждают существование определенной зависимости политической ориентации населения от социальной структуры и формы собственности [41], а колебания 10 «сомнительных» коммун являются своеобразным индикатором в их отношении к вопросам религиозной политики властей. Так, наиболее четко противостояние Плэн и Бокажа обнаруживалось лишь на выборах 1885, 1893, 1902 и 1906 гг. (*elections de combat*), т. е. в период самого решительного наступления республиканского правительства на положение церкви в общей системе государственного устройства [42].

С другой стороны, с этих позиций остается необъяснимым сохранение стойкого политического диморфизма на протяжении всего XX в. при одновременном «распылении» крупной земельной собственности и потере влияния духовенства на светскую жизнь общества. Если, согласно Зигфриду, народ органически не может голосовать за правых, кроме как из-за страха перед юре и могущественным землевладельцем, то существование консервативной традиции на северо-востоке Бокажа вплоть до 1988 г. оборачивается большой загадкой: с середины XX в. этот регион стал настоящей индустриальной зоной с высоким процентом рабочего населения, характеризующегося, как правило, особой симпатией к различного рода леворадикальным теориям [43]. Следует, видимо, допустить, что за внешне неизменной оболочкой явлений происходила глубокая реконструкция их внутреннего сущностного наполнения. В результате 1960-е годы ознаменовались в Вандее беспрецедентным «экономическим чудом», перебросившим департамент из конца XIX в. сразу в финал XX столетия [44].

Раскрестьянивание в марксистской схеме исторического процесса трактовалось как неизбежность не только в количественном (сокращение численности), но и в качественном (упразднение типа работающего собственника, его эволюция к крупному капиталистическому фермеру, распоряжающемуся наемным трудом батраков) плане. Эта концепция имела более или менее очевидным историческим основанием судьбу крестьянства в одной стране – Англии. Но сколь бы ни был важен ее опыт для раскрытия логики становления капитализма в сельском хозяйстве, он не может быть назван исчерпывающим вариантом решения аграрно-крестьянского вопроса. Так, наиболее существенной коррекцией, на наш взгляд, является изменение соотношения «французского» и «английского» вариантов [45]. Вопреки тому, что виделось в середине XIX – начале XX вв., преобладание в аграрной панораме получил не капиталистический фермер, а так называемая семейная ферма. При всей значимости произошедших сдвигов речь, видимо, должна идти не об окончательном раскрестьянивании, а об эволюции крестьянственности или ее трансформации на собственной основе.

Процессы, происходившие во Франции на протяжении XVIII в., больше напоминали именно раскрестьянивание по образцу «классической эволюции»: земельный голод, контраступление крупной собственности, ростовщическая кабала и мародерство перекупщиков продукции, а как следствие – утрата хозяйственной самостоятельности различными группами крестьянства, пополнение ими армии наемного труда, рост пауперизованных слоев, распространение «отхожих промыслов», наконец, миграция в город. Однако эти процессы были характерны не для всей территории страны: на Юге испольщина усиливала его сходство со средиземноморскими странами, в то время как на Севере развивалось капиталистическое фермерство. Четкий агропромышленный дуализм сохранялся и в границах вандейского департамента.

Действительно, регион Плэн характеризовался преобладанием мелкой и мельчайшей крестьянской собственности с одной стороны, крупных арендаторов – с другой. Быстро разоряясь, слой микроземлевладельцев пополнял ряды сельского «пролетариата», подтверждая в целом отмеченную выше закономерность. Напро-

тив, отличительной чертой Бокажа в области аграрных отношений стала испольщина (метерия), предупреждавшая «распыление» крупных хозяйств и, как следствие, пауперизацию населения. В области социальной организации следует отметить слабую дифференциацию населения, способствовавшую сохранению относительной гомогенности сельского общества, его ярко выраженной солидарности; многоуровневую семью (семью-коммуну), открывавшую возможность для создания «расширенных» или компактных хозяйств, необходимых в условиях сложившейся формы землепользования [46]. Отмеченные выше факторы объективно вели к формированию сельского «изоляционизма», сохранению духа местничества (*esprit de clocher*), чему отчасти содействовала и позиция церковных властей.

Деятельность представителей духовенства в сфере воспитания и образования молодежи (средние школы к началу XX в. почти полностью находились в руках служителей культа), организации досуга (спортивные общества, общества любителей театра, музыки и т. д.) и предпринимательства (общества и кассы взаимопомощи, сбор пожертвований) [47] делала весьма затруднительным разрыв индивида с «приходским обществом» субъективно и психологически. В результате процессы миграции/урбанизации здесь были сильно ослаблены и проявились достаточно поздно (лишь с 1919 г.), а уровень прироста населения в несколько раз превышал общефранцузский показатель (+3,3/-0,5 % соответственно). Еще в 1946 г. 80 % жителей департамента было занято в сельском хозяйстве [48].

Описанная нами ситуация резко контрастировала с общим социально-экономическим положением страны. Начиная с 1960-х годов правительство, перед лицом нараставших трудностей, вынуждено было обратиться к проблеме «возрождения» аграрного сектора, развитию мелкого промышленного производства в целях остановки миграции и трудоустройства «избыточного» населения внутри сельских коммун. Традиционная структура вандейской деревни оказалась наиболее благоприятной средой для подобных нововведений, дав мощный толчок ускоренному становлению современной инфраструктуры на территории Бокажа [49]. Идео-

логия католического вероучения («клерикализм» А. Зигфрида) и исполнительная система ведения хозяйства (метерия) оказались, таким образом, вопреки мнению большинства современников, реальными факторами модернизации и прогресса.

Обозначившийся, как следствие, с середины XX в. процесс медленного размывания сельской солидарности неизбежно привел к ослаблению политического противостояния вандейских регионов. Депрессивная экономика Плэн породила стагнацию левых сил, упадок их общего влияния. Напротив, период 1919 – 1970 гг. характеризовался, по мнению Ж.-К. Мартена, всеобщим наступлением правого альянса. Предложенная его лидерами программа уже не имела ничего общего с ориентацией легитимистов XIX в.: вопросы религии, школьного образования и форм собственности перестали быть определяющими в поведении сельского электората. Остававшаяся еще в силе политическая «линия Зигфрида» оказалась более подвижной и проницаемой для компромиссных течений [50].

Политическая карта департамента потеряла прежнюю гомогенность и однозначность. Нюансировка общих позиций была вызвана и целым рядом дополнительных факторов: появление многочисленных фракций внутри каждого из движений, противостояние «старых» и «новых» элит (пророялистских и христианско-демократических ценностей соответственно), возросшей самостоятельностью крестьян (дух «профессиональной независимости») в парламентско-конституционной системе государства [51]. Однако «размывание» четких границ не может быть воспринято как «искажение» модели или «отклонение» от нормы. Наметившиеся политические сдвиги, напротив, отражают естественное состояние «неустойчивого равновесия». Соотношение вандейской «неподвижности» и «мобильности», учет сложных процессов эволюции, в целом – диалектический анализ констант и изменений есть важная методологическая проблема. Так, несмотря на произошедшую трансформацию, образ Вандеи в национальном сознании французов остался прежним.

Устойчивость этих представлений, по мнению Ж.-К. Мартена, не может быть полностью выведена лишь из своеобразия

вандейского региона. Многие соседние департаменты (точнее – бывшие провинции) аналогичным образом продолжали сохранять аутентичность своего социального универсума. Оставаясь по преимуществу аграрными зонами, они имели множество общих структурных черт, определявших существо их политических (консерватизм) и религиозных (клерикализм) традиций. Возникшие очаги антиправительственных крестьянских выступлений институционно напоминали вандейскую контрреволюцию. Уникальное стечение обстоятельств (случайных и закономерных) сделало события 1793 г. своеобразной точкой отсчета для всех последующих преобразований, их абсолютным «негативным определением». Настойчивые попытки самоидентификации через соотнесение с эпохой гражданских войн предельно активизировали мировоззренческий архетип Вандеи [52]. С другой стороны, официальная республиканская историография конца XIX – начала XX вв. способствовала формированию «французской национальной легенды», противопоставлявшей Францию просвещенную (Свобода, Прогресс, Революция) Франции мракобесия («*Анти-Франция*», контрреволюция, Вандея) [53]. Возможность постепенной «аккультурации» незаурядного факта региональной истории оказалась сведенной к минимуму. Вандея как имя нарицательное была, таким образом, *создана* двухсотлетней практикой ожесточенного политического дискурса, а оппозиция Плэн и Бокажа оставалась во многом формальной [54].

Принципиальные споры и разногласия, оглушительные дебаты и непримиримая вражда оказались уделом ограниченного круга экзальтированных политиков, отдельных аристократов и благочестивых ревнителей веры. Соперничество «враждовавших» коммун проявлялось лишь в пышности национальных празднеств (14 июля) и показательной благотворительности властей. По образному замечанию П. Буа, дело обстоит так, будто республиканская идеология может существовать только в атмосфере религиозного остракизма. Это отсутствие толерантности (дух городского свободомыслия и неприятие сельской «набожности») в гораздо большей степени, чем *клерикализм*, может быть названа первопричиной поразительной стабильности политических ориентаций и сохра-

нения четких границ [55]. В результате Вандея, по мнению А. Жерара, является не только наследницей политического дискурса, но и результатом малообъяснимого парадокса: почему модернизация «по-французски» не может мыслить себя без тотального отрицания католицизма? [56].

Неудача многих историков, искавших ключ к разгадке «вандейского феномена», объясняется, на наш взгляд, сугубо политическим подходом к идеологии консерватизма. Действительно, противостояние общественному прогрессу (в том виде, в котором он виделся современникам) оставалось одним из наиболее устойчивых его элементов на протяжении двух столетий. Вместе с тем авторы явно не учитывали те сущностные компоненты, которые расширяли его содержание до целого комплекса концепций, социально-философских теорий, ориентаций и ценностей относительно общества, государственной системы, места в них отдельного индивида. С другой стороны, очевидно, что важнейшие положения консерватизма складывались и эволюционировали в качестве ответной реакции на изменения в оппозиционных политических течениях, перестраивались в зависимости от конкретных обстоятельств, определяя тем самым и другие его особенности – поливариантность и противоречивость. Только приняв облик этого своеобразного идеологического хамелеона, идентифицируемого лишь в соответствии с природой своего врага, вандейский традиционализм смог сохранить устойчивость и влияние на предвыборные симпатии населения.

В отличие от либерализма и социализма, обладающих четкой базовой структурой, консерватизм отражает ценностные ориентации самых различных социальных групп, положение которых подрывается объективными тенденциями общественного развития. Неопределенность, реальное ухудшение статуса и страх перед будущим уподобляли их выбор защитной реакции, возникавшей, как правило, в контексте религиозной философии, претендующей на «внеклассовость». Эта концепция отчасти нашла свое отражение в работах французского историка А. Бенджеббара, предложившего осмыслить восстание 1793 г. в рамках теории «политических альянсов» и давшего объяснение «алхимической природе вандейской

контрреволюции... объединявшей в единый сплав несовместимые в принципе металлы» [57]. Вандейский консерватизм, в основе которого находился долговременный эффект этого «основополагающего события», консолидировался общим настойчивым желанием противостоять попыткам республиканских властей «забыть прошлое». Так, если, согласно О. Шпенглеру, история представляет собой одновременно «становление и ставшее», то из этих двух начал консерваторы явно отдавали предпочтение второму, делая акцент на необходимости сохранения традиционных для крестьян правил, норм, иерархии власти, социальных и политических институтов (семья, община, церковь).

В обширной исследовательской литературе [58] выделяются три основных парадигмы в объяснении описанного явления. Консервативная ориентация в целом может быть рассмотрена как результат, порождаемый структурными факторами (отношение к собственности, место жительства, вероисповедание), совокупность которых приводит к формированию «политического темперамента» (А. Зигфрид). Учет этих компонентов, как мы видели, является необходимым, но остается недостаточным для ответа на поставленный нами вопрос.

В результате внимание историков стало все более обращаться на «краеугольные», драматические события, оставившие след в семейных воспоминаниях, проложивших водораздел между противоположными лагерями. В сферу исследований были вовлечены религиозные войны, эпоха Французской революции, конфликты Второй республики, поэтапное развертывание кризиса в отношениях между церковью и государством, две мировые войны, Соппротивление. При таком подходе дата основополагающего события может рассматриваться как исходная точка формирования интересующего нас явления. Наконец, политические традиции могут быть «изобретены» под воздействием «сверху». Однако отмеченные три варианта, на наш взгляд, не столько противоречат, сколько дополняют друг друга, позволяя исследователю выйти за рамки неизбежных противоречий одномерных концепций.

1. *Кропоткин П. А.* Хлеб и воля. Пр.; М., 1922. С. 8; *Матъез А.* Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995. С. 31.
2. *Fleury M., Valmary P.* Les progrès de l'instruction élémentaire de Louis XIV a Napoléon III. D'après l'enquête de Louis Maggiolo // *Population*. Paris, 1957. № 1, P. 71 – 92; *Histoire de la France rurale*. Sous la direction de G. Duby et A. Wallon. Tome 2. Paris, 1975, P. 430.
3. *Seignobos Ch.* Études de politique et d'histoire. Paris, 1934, P. 359.
4. *Siegfried A.* Tableau politique de la France de l'Ouest sous la troisième République. Paris, 1913.
5. *Bois P.* Paysans de l'Ouest. Des structures économiques et sociales aux options politiques depuis l'époque révolutionnaire dans la Sarthe. Le Mans, 1960; *Meyer J., Dupuy R.* Bonnets rouges et blancs bonnets // *Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest*. Rennes, 1975. Tome 82. № 4, P. 405 – 426; *Lagrée M.* La structure pérenne, événement et histoire en Bretagne orientale, XVI – XX-e siècles // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1976. Tome 23, janvier-décembre. P. 394 – 407.
6. *Vovelle M.* К истории общественного сознания эпохи Великой французской революции // *Французский ежегодник 1984*. М., 1986. С. 123. См.: *Vovelle M.* La mentalité révolutionnaire. Société et mentalité sous la Révolution française. Paris, 1985.
7. *Sutherland D.* France 1789 – 1815: Revolution and Counterrevolution. London, 1985, P. 98 – 99.
8. *Tackett T.* La Révolution, l'Eglise, la France: le serment de 1791. Paris, 1986.
9. *Gérard A.* La Vendée cléricale et nobiliaire d'André Siegfried // *Christianisme et Vendée*. La création au XIX-e siècle d'un foyer du catholicisme. Actes du Colloque de La Roche-sur-Yon. CVRH, 2000, P. 563 – 597.
10. *Bois P.* Op. cit.; *Tilly Ch.* The Vendée. Cambridge, 1964; *Sutherland D.* Dans le sillage d'André Siegfried: Chouannerie et légitimisme populaire dans l'Ouest, 1793 – 1906 // *Les résistances a la Révolution*. Actes du Colloque de Rennes (17 – 21 septembre 1985). Paris, 1987, P. 399 – 405.
11. Отношение современников к этому феномену напрямую было связано с философией Просвещения, для которой Природа «производит» людей точно так же, как она «производит» растения и животных (*Viguerie J. de.* La Vendée et les Lumières: les origines intellectuelles de l'extermination // *La Vendée dans l'Histoire*. Actes du Colloque tenu a La Roche-sur-Yon (avril 1993). Paris, 1994, P. 36 – 51). Это убеждение, оформленное усилиями Ш. Монтескье в так называемую «теорию климатов», способствовало появлению концепции своеобразного географического детерминизма в объяснении гражданской войны на Западе Франции. Существовало, с одной стороны, население Бокажей, упорно стремящееся к прошлому, с другой – население равнин, открытое революционным нововведениям (*Cavoleau J.-A.* Annuaire statistique du département de

la Vendée pour l'an XII. Statistique ou description générale du département de la Vendée. Nantes, 1818, P. 345). Спустя несколько десятилетий после Революции префект департамента Мэн-и-Луара констатировал все те же поразительные контрасты в моральном, интеллектуальном и политическом облике крестьян Мож и Сомюр (регионы, подобные Плэн и Бокажу, на территории бывшей провинции Анжу) (*Physionomie morale, intellectuelle et politique du département de Maine-et-Loire en 1834* / Ed. par F. Uzureau // *Anjou historique*, XX-e année, Angers, 1919, P. 89). В начале XX в. известный французский политолог А. Зигфрид вынужден был снова признать этот «мистицизм этнических регионов» (*Siegfried A. Op. cit.*, P. 364, 376).

12. *Bois P. Op. cit.*, P. 221 – 291.

13. *Ormières J.-L.* Les scrutins de 1790 et 1791 et le soulèvement de 1793: interprétation du comportement électoral // *Les résistances a la Révolution. Actes du Colloque de Rennes...* P. 82 – 86.

14. *Bois P. Op. cit.*, P. 257 – 261.

15. *Ormières J.-L. Op. cit.*, P. 83.

16. *Gérard A.* Pourquoi la Vendée? Paris, 1990, P. 185.

17. *Ormières J.-L. Op. cit.*, 83.

18. La Vendée des origines a nos jours. Collection «L'Histoire par les documents». La mise en œuvre de l'ouvrage a été assurée par J.-L. Sarrazin. Saint-Jeand'Angely, 1982, P. 243 – 244.

19. *Bois P. Op. cit.*, P. 254 – 256.

20. *Ormières J.-L. Op. cit.*, P. 83 – 84; La Vendée des origines... P. 245.

21. *Ormières J.-L. Op. cit.*, 84.

22. *Cobban A.* The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge, 1964, P. 104 – 106.

23. *Bois P. Op. cit.*, P. 261 – 266.

24. *Chassin Ch.-L.* Études documentaires sur la Révolution française. La préparation de la Guerre de Vendée 1789 – 1793. 3 vol. Paris, 1892. T.1, P. 110; T. 2, P. 65 – 71; T. 3, P. 48-56; *Ormières J.-L. Op. cit.*, 84; La Vendée des origines... P. 245.

25. La Vendée des origines... P. 245 – 246.

26. *Gérard A.* Pourquoi la Vendée?.. P. 183 – 185.

27. La Vendée des origines... P. 294 – 300, 307 – 308.

28. *Tudesq A.-J.* Le monde paysan dans le système politique censitaire: un absent ou un enjeu? // *Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest*. Rennes, 1982. Tome 89, № 2, P. 225.

29. О различного рода пророялистских выступлениях см.: La Vendée des origines... P. 301-307; *Martin J.-Cl.* La duchesse de Berry et le légitimisme // *Une région nommée Vendée entre politique et mémoire, XVIII – XX-e siècles*. Geste éditions, 1996, P. 89 – 104.

30. La Vendée des origines... P. 310 – 311.

31: *Tudesq A.-J. Op. cit.*, P. 224.

32. Heckmann Th. Dieu et Roi! La Vendée légitimiste au milieu du XIX siècle // Christianisme et Vendée... P. 458.
33. Lucas C. Résistances populaires a la Révolution dans le sud-est // Mouvements populaires et conscience sociale XVI-XIX-e siècles. Actes du Colloque recueillis et présentés par J. Nicolas. Paris, 24 – 26 mai 1984. Maloine, 1985, P. 478 – 481; Tudesq A.-J. Op. cit., P. 222 – 223.
34. Heckmann Th. Op. cit., P. 465 – 466, 476 – 478.
35. La Vendée des origines... P. 311.
36. Gérard A. La Vendée cléricale et nobiliaire... P. 574 – 576.
37. Martin J.-Cl. La Mobilisation sociale en Vendée, réalités et limites (fin XIX début XX-e siècles) // Une région nommée Vendée... P. 129 – 139.
38. Siegfried A. Op. cit., P. 32.
39. См.: Heckmann Th. Op. cit., P. 469; Martin J.-Cl. Significations des votes et comportement social en Vendée, XIX – XX-e siècles // Une région nommée Vendée... P. 157 – 177.
40. Siegfried A. Op. cit., P. 11, 36.
41. Sutherland D. Dans le sillage d'André Siegfried... P. 400 – 402. Мелкая крестьянская собственность, слабые связи с рынком и психологическая независимость одних областей резко отрывали их от монархической идеи. Крупная земельная аренда, товарно-денежные отношения, влияние церкви и ее институтов в других – наоборот, давали повод для рождения пророялистской идеологии. Основной вывод автора выглядит следующим образом: число мелких собственников на территории отдельных регионов обратно пропорционально консервативному голосованию на выборах (P. 403).
42. Martin J.-Cl. Significations des votes et comportement social... P. 161; La Vendée des origines... P. 316 – 334.
43. Siegfried A. Op. cit., P. 29; La Vendée des origines... P. 436 – 440.
44. Gérard A. La Vendée cléricale et nobiliaire... P. 595 – 596.
45. Comminel G. C. English Feudalism and the Origins of Capitalism // The Journal of Peasant Studies. Vol. 27. № 4. London, 2000, P. 1 – 53.
46. Gérard A. Pourquoi la Vendée?.. P. 37 – 56.
47. Briffaud M. Aux sources du développement vendéen // Christianisme et Vendée... P. 547 – 562; Gérard A. La Vendée cléricale et nobiliaire... P. 593 – 595; Martin J.-Cl. La Mobilisation sociale en Vendée... P. 134; La Vendée des origines... P. 385 – 394.
48. La Vendée des origines... P. 347 – 348.
49. Barbarit L.-M., Clénet L.-M. La nouvelle Vendée. Voyage dans la Vendée industrielle. 1990; Renard J. Géopolitique des Pays de la Loire. A la recherche d'une région perdue et retrouvée. Nantes, 1988.
50. Martin J.-Cl. Significations des votes et comportement social... P. 166 – 168, 173 – 174.

51. *Martin J.-Cl.* La Mobilisation sociale en Vendée... P. 142 – 148; *Idem.* Significations des votes et comportement social... P. 174 – 175.

52. *Martin J.-Cl.* La tradition politique de la Vendée // Une région nommée Vendée... P. 109 – 113.

53. *Girardet R.* La Vendée dans le légendaire national français // La Vendée dans l'Histoire. Actes du Colloque... P. 161 – 168.

54. *Martin J.-Cl.* La tradition politique de la Vendée... P. 113; *Idem.* Significations des votes et comportement social... P. 168 – 170.

55. *Bois P.* Op. cit., P. 42.

56. *Gérard A.* La Vendée cléricale et nobiliaire... P. 597.

57. *Bendjebbar A.* Les problèmes des alliances politiques, sociales et économiques dans la contre-révolution angevine 1787 – 1799 // Les résistances à la Révolution... P. 87.

58. См. об этом: *Юар P.* Политические традиции в истории Франции // Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 59 – 72.

Глава 3

«Консервативная революция» в Германии и движение «евразийцев»: точки соприкосновения

Немецкие интеллектуалы 1920 – начала 1930-х гг., идеи которых вошли в историографию под названием «консервативной революции», занимают безусловно важное место в истории консерватизма в Германии [1]. Эти интеллектуалы проповедовали отказ от «отживших» политических и культурных ценностей «Запада» и требовали возрождения сильной и независимой Германии на основе исконно немецких традиций и в форме «органичной» и «народной» государственности. При всех различиях во взглядах, представителей «консервативной революции» объединяла антидемократическая направленность их идей, распространением которых они содействовали дестабилизации и разрушению политической системы Веймарской республики. Таким образом, они безусловно несут определенную долю ответственности за кризис демократии в Германии, ее окончательное уничтожение в 1933 г. и последовавшие события [2].

Интеллектуальное движение так называемых евразийцев, возникшее в среде русских эмигрантов в Европе и действовавшее в 1920 и 1930-е гг., не оказало такого воздействия на политическую обстановку в собственной стране, однако в истории русского консервативного мышления оно, без сомнения, занимает место, аналогичное тому, которое занимали «консервативные революционеры» в Германии. Евразийцы определяли Россию как «особый мир» на основе ее географии, истории, культуры и религии (православия).

Подчеркивая эту «уникальность» России, они, подобно немецким «консервативным революционерам», также отвергали «западную цивилизацию» и связанную с ней политическую систему, либерализм и демократию, и, в свою очередь, противопоставляли ей своеобразную «евразийскую цивилизацию», которой должно было принадлежать будущее. В этой связи евразийцы благопринято восприняли Октябрьскую революцию, в которой они видели «здоровую» реакцию на «ошибочную» европеизацию России. Их конечной целью была попытка заменить коммунистическую идеологию «евразийской» [3].

Очевидное сходство во взглядах евразийцев и «консервативных революционеров» в плане их «антизападной» и антидемократической направленности вызвало вопрос об их возможном взаимном влиянии. Этот вопрос не раз дискутировался в научной литературе. Так, например, немецкий историк О. Е. Шюддекопф пишет, что «консервативные революционеры» находились под сильным воздействием политических взглядов евразийцев, в частности в суждениях о Советском Союзе [4]. Но он не приводит дальнейших доказательств, ссылаясь в этом вопросе на статью А. М. Липянского, который, однако, дал лишь общую характеристику одной консервативной немецкой группировки, и только попутно и весьма поверхностно упомянул определенное сходство их взглядов с евразийцами [5]. Таким образом, утверждения о влиянии евразийцев на «консервативных революционеров» не подкрепляются достаточными доказательствами.

Более убедительно выглядит позиция Л. Люкса, который пишет не о взаимном влиянии, но о параллельном развитии этих идейных течений [6]. Оба движения, указывает Люкс, сложились под впечатлением катастрофических событий прошлого – Первой мировой войны или русской революции. Они действовали одновременно в 1920-е гг., когда политическая обстановка в обеих странах представлялась нестабильной и, таким образом, казалась идеальной для «идеократических» движений, желавших изменить мир посредством идей вместо неповоротливых аппаратов или трудно управляемых массовых движений. Оба движения можно также рассматривать как восстание молодежи против идей и целей

старших поколений. Люкс выявляет сходство обоих течений и в идейном отношении: они критиковали «западную цивилизацию», противопоставляли «внутренне разорванному», «механическому» Западу идеал «гармоничного» или «органичного» государства. Они следовали схожей политической тактике, желая «захватить» мощную тоталитарную партию изнутри и использовать ее сторонников в собственных целях. Организационная структура этих групп также имела сходные черты и строилась по элитарному принципу. Они верили во всемогущество идей и, следовательно, отводили в своих идейных и политических концепциях центральное место вопросам идеологии.

Несмотря на ряд различий между евразийским движением и «консервативными революционерами» [7], оба движения, с точки зрения Люкса, отражали общеевропейские процессы. В этом смысле культурпессимистические элементы евразийской идеологии также отражали, по существу, западноевропейские процессы и были симптомом не только русского, но и всеобщего европейского кризиса, чем сами, не желая этого, евразийцы косвенно утверждали принадлежность России к Европе [8]. Таким образом, для Люкса все эти факты свидетельствуют об одновременном феномене, основанном на схожих политических и общественных предпосылках. Однако в данном случае, по мнению Люкса, речь должна идти о «параллелях без соприкосновений» [9].

Вывод Люкса, с нашей точки зрения, в целом правильно определяет суть проблемы. Однако, по крайней мере в начале 1930-х гг., евразийцы живо интересовались идеями «консервативных революционеров», о чем свидетельствует выпущенная тогда статья евразийца А. П. Антипова о немецких консервативных группировках [10]. Этот интерес был не случайным и не поверхностным. Более того, как свидетельствуют неизвестные ранее архивные документы, в указанный период евразийцы даже предпринимали попытки наладить действенный контакт с немецкими консерваторами. Следовательно, применительно к началу 1930-х гг. нельзя уже говорить о «параллелях без соприкосновений». Что вызывало такой живой интерес евразийцев, с какими именно немецкими группировками они пытались вступить в контакт, какие

цели они этим преследовали и почему эти попытки приходится именно на начало 1930-х гг.? В данной статье попытаемся дать ответы на эти вопросы.

По-видимому, главным инициатором в налаживании контактов с немецкими консерваторами был именно Антипов, составивший в первой половине 1932 г. записку председателю «ЦК» евразийской организации П. Н. Савицкому «О возможности связей с германскими группировками» [11]. Эта записка была Савицким подробно законспектирована, как и уже упомянутая статья Антипова, которая была написана позже и опубликована в 1933 г. в сокращенном виде в очередном евразийском сборнике. Савицкий в этот период сам начинает более пристально интересоваться идеями немецких группировок, о чем свидетельствуют его конспекты опубликованных ими статей, а также сохранившиеся в его записных книжках многочисленные выписки из все тех же статей [12].

Как в работах Антипова, так и в записках Савицкого речь идет об установлении контактов с четырьмя немецкими группами: «Гегнер», «Ди Тат», «Шварце Фронт» и «Видерштандсбевергунг» [13]. Чтобы понять, почему именно они привлекли внимание евразийцев, рассмотрим вкратце, что представляли собой эти группировки в указанный период.

Группировка «Гегнер» сложилась вокруг журнала с таким же названием в начале 1932 г., когда редактором журнала стал Харро Шульце-Бойзен. Он же являлся и интеллектуальным лидером этого кружка [14]. Сформулированная им новая концепция журнала отличалась обобщенностью: «У нас нет программы. Мы не знаем каменных правд. Единственное, что нам свято – это жизнь, единственное, что нам кажется ценным – это движение» [15]. Помимо подобных абстрактных лозунгов, в публикациях «Гегнера» можно выявить ряд центральных идей. Члены кружка выступали против капитализма, однако считали, что борьба с ним должна вестись не посредством рабочих партий СДПГ и КПГ, а «орденом социалистической революции», т. е. избранным меньшинством [16]. Шульце-Бойзен пропагандировал «внутреннюю» революцию, в смысле создания человека «нового типа». Особую роль в этом он отводил молодому поколению, олицетворявшему для Шуль-

це-Бойзена тот «третий фронт», который стоял бы над партиями и в котором выражался «народ» [17]. Различные политические убеждения и партийная принадлежность молодых людей, в его представлении, не являлись препятствием: «Мы... должны стоять вместе против старых догм. За новую жизнь. Противники из всех лагерей, соединяйтесь!» [18]

В экономическом плане сотрудники «Гегнера» высказывались за социализм, под которым понимали плановое хозяйство, экономическую автаркию и перераспределение собственности. В политическом плане их идеалом было государство, построенное на основе «народного единения» (Volksgemeinschaft).

В этой связи огромное впечатление на Шульце-Бойзена и его соратников произвели достижения в экономическом и общественном строительстве в СССР. Они предполагали, что в СССР удалось объединить национальную мобилизацию и планово-хозяйственную интеграцию страны. Им казалось, что в СССР совпали национальная и социалистическая революции, что привело к полной мобилизации всех общественных сил и экономических ресурсов. Поэтому они выступали против возможной западной интервенции в СССР [19].

Принципиальная политическая открытость «Гегнера» стала причиной того, что журнал первоначально не выступал против национал-социалистов, но в начале 1933 г. полагал возможным «форсирование» национал-социалистической «революции» к настоящему социализму. Тем не менее, полиция считала сотрудников «Гегнера» «радикально коммунистически» настроенными. В апреле 1933 г. редакция журнала была разгромлена штурмовыми отрядами национал-социалистической партии, один его сотрудник был убит, а сам Шульце-Бойзен арестован и тяжело избит. Видимо, это способствовало тому, что Шульце-Бойзен стал впоследствии одним из деятелей сопротивления против национал-социалистов. Он состоял в руководстве антифашистской группировки, известной под названием «Красная капелла», и передавал военную информацию советской разведке. В 1942 г. он был арестован гестапо и казнен [20].

Если отличительным признаком «Гегнера» являлось отсутствие четко сформулированной программы и принципиально от-

крытое отношение к своим идейным противникам, то группировка, сложившаяся вокруг журнала «Ди Тат», выдвинула более определенную экономическую и политическую концепцию и ставила перед собой конкретные политические цели [21]. Главной фигурой в «Ди Тат» был журналист Ханс Церер. В октябре 1929 г. он стал фактическим редактором журнала, имевшего к тому моменту уже определенную репутацию проводника «духовного обновления» Германии. Видными сотрудниками Церера были Фердинанд Фрид (настоящее имя Фердинанд Фридрих Циммерманн) и Гизелхер Вирзинг. Именно они составили ядро кружка «Тат-Крайс», сложившегося вокруг журнала, который тут же после их прихода приобрел широкую известность и популярность. «Тат-Крайс» не был обширной организацией и состоял, по существу, только из сотрудников журнала.

Резко возросшая популярность журнала объяснялась тем, что его редакторы предлагали своим читателям как будто готовые ответы на все болезненные вопросы текущего дня, демонстрируя полную уверенность в знании дела и собственной правоте [22]. За обличающей критикой действительности первоначально слабо угадывалась собственная позитивная концепция журнала, который при этом демонстративно объявлял о своем невмешательстве в конкретную политику. Однако со временем «Ди Тат» все более детально развивает собственную программу и одновременно предпринимает попытки участвовать в политике, что совпало с некоторым ослаблением его критики существующей системы. В конце концов, его сотрудники попытались полностью утвердить себя как политики, претендующие на то, чтобы творить историю [23].

Практически все статьи «Ди Тат» были проникнуты страстным отрицанием существующего экономического и политического строя Веймарской республики. Современное положение характеризовалось им не иначе как «кризис», «катастрофа» или «хаос». Авторы журнала связывали эти явления с кризисом капитализма и всего существования «бюргерского человека». По их мнению, общий хаос острее всего сказывался на положении «среднего слоя» общества. Под воздействием давления двух полюсов – капиталистической элиты и масс – шла экономическая деградация

«середины». Они считали это выражением конца частного капитализма. Доказательством и выражением этого конца для них являлся экономический кризис, который разразился в 1929 г. В политическом плане, критикуя «Веймарскую систему», которая для них была синонимом «либерализма», они атаковали все «западные ценности». В целом их критика носила достаточно популистский, поверхностный характер и имела пророческий пафос [24].

Собственная позитивная концепция авторов журнала «Ди Тат» была пропитана иррациональными мифами, в ней превозносились такие абстрактные понятия, как «вера», и проповедовался культ молодежи как силы будущего. В политическом плане они придавали особое значение «среднему» слою общества, который должен был выступать как носитель власти в будущем государстве. Правление должно было осуществляться «лучшими» в лице «бюргерской интеллигенции». Историческим призванием «среднего» слоя, по их мнению, являлось создание «национального социализма». Авторы «Ди Тат» требовали народного единения (Volksgemeinschaft) в рамках авторитарного государства, а также построения сильной империи. Необходимым условием для этого они считали установление автаркии, т. е. освобождение от политической и экономической зависимости от Запада. Они мечтали о перестройке мира. В этом смысле особую роль они отводили России как стратегическому партнеру, стоящему вне «Версальской системы». В то же время их имперские амбиции также направлялись на восточную и юго-восточную Европу, которую они считали сферой влияния Германии и где они видели выход из политического и экономического «окружения» Запада [25].

Постепенное усиление политической пропаганды сотрудников «Ди Тат» и все более активные попытки вмешиваться в реальную политику выразились, в частности, в том, что они поддержали генерала К. фон Шлейхера при его продвижении к власти. Его канцлерство при поддержке президента П. фон Гинденбурга, начиная с декабря 1932 г., они считали воплощением их идеала политического господства, представленного в виде объединения авторитета президента – «*autoritas*» – и власти армии – «*potestas*». Несмотря на то, что их «идеал» скоро был смещен Гитлером, они быстро

примирились с новой властью, и некоторые члены кружка, такие как Ф. Фрид и Г. Вирзинг, сделали при новом режиме неплохую карьеру в СС [26].

Консервативное объединение «Шварце фронт» находилось в определенной связи с кружком «Ди Тат», хотя, в отличие от него, обладало значительно меньшим влиянием [27]. Центральной фигурой и организатором «Шварце фронт» был Отто Штрассер, лейтенант армии, юрист, одно время член СДПГ, работавший в государственных структурах и промышленности. Штрассер с 1925 г. состоял членом НСДАП. Будучи пропагандистом «социалистических» лозунгов и борцом за «настоящий» национал-социализм, он оказался в противоречии с партийным руководством в лице Гитлера, чем и было вызвано его исключение из партии в 1930 г. [28]. После разрыва с Гитлером он создал «боевое содружество революционных национал-социалистов», на основе которого в 1931 г. попытался организовать более широкое объединение под названием «Шварце фронт». Название было связано с тем, что, по его убеждению, существовало два двойных политических фронта: во-первых, «реакционный» фронт, в котором слились «консервативный» и «либеральный» фронты, и, во-вторых, «фронты революции», т. е. «красный», коммунистический, и «черный», национал-революционный, фронт [29]. Для пропаганды своих идей О. Штрассер организовал издание журнала под названием «Шварце фронт». Однако, несмотря на его претензии объединить ряд национал-революционных организаций, относившихся отрицательно к партии Гитлера, весь «Шварце фронт» состоял лишь из группы бывших членов НСДАП – активистов «боевого содружества» Штрассера. Его личные контакты с другими группировками не привели к созданию единой организации, что не позволило «Шварце фронт» приобрести какое-либо заметное влияние [30].

Программой «Шварце фронт» был выдвинутый в августе 1931 г. обобщающий манифест этого объединения, который призывал к «тотальной революции». Под последней подразумевалась революция, которая должна была быть одновременно и «социалистической», и «национальной», и «народной» (*völkisch*). Эта революция представляла бы собой «возвращение» к истокам бытия,

природы, истории, судьбы и бога. Она мыслилась как «тотальная» и в том отношении, что она должна была быть и экономической, и политической, и культурной [31]. Дальнейшие лозунги «Шварце фронт» во многом напоминали уже известную нам программу «Ди Тат». Они говорили о всеобъемлющем кризисе, о необходимости народного единения (Volksgemeinschaft), сочувственно относились к идее создания закрытого экономического пространства (автаркии), к системе ленной собственности и сословному государственному строю. Связь «Шварце фронт» с «Ди Тат» не ограничивалась только идейным сходством, но выражалась и в заинтересованных личных контактах между О. Штрассером и Х. Церером, руководителем «Ди Тат». Последний даже присутствовал на учредительном конгрессе «Шварце фронт» в октябре 1931 г. Контакт, однако, вскоре прервался в связи с тем, что Церер в 1932 г. отошел от революционных идей и увлекся реальной политикой [32]. Сам Штрассер, будучи открытым противником Гитлера, в 1933 г. был вынужден эмигрировать, но и в эмиграции продолжал вести пропаганду против Гитлера [33].

Последняя из рассматриваемых здесь немецких консервативных группировок – «Видерштандсбевеугунг» – сложилась вокруг Эрнста Никиша и его журнала «Видерштанд» [34]. Никиш был в 1918 – 1919 гг. членом Центрального совета Советской республики в Мюнхене, а после некоторое время являлся членом СПГ, откуда вышел в связи с политическими разногласиями. В 1926 г. он основал журнал «Видерштанд», в котором изложил свою политическую концепцию «сопротивления» (Widerstand) против Версальского договора и против всех связанных с ним обязательств Германии [35]. Он выступал за «освобождение» рабочего класса Германии, которое, по его мнению, было возможно только после того, как сама Германия освободится от обязательств договора. Освобождение должна была принести не открытая борьба, но рост сопротивленческого настроения населения.

В одной из главных программных статей «Видерштанда» под названием «Политика немецкого сопротивления», вышедшей в апреле 1930 г., Никиш подробно изложил свою историософскую и политическую концепцию. Он проповедовал отказ от «идей 1789

года», т. е. от просвещения и гуманизма, которые, как он считал, выражались в индивидуализме, бюргерском представлении о мире и экономике, в марксизме, парламентаризме и демократии. Источником этих идей, с его точки зрения, являлись романские страны, в первую очередь, Франция и Италия, союзником которых был «политический католицизм». В форме «Веймарской системы» этим странам и идеям подчинялась и Германия. Самым радикальным протестом против этих идей, против гуманизма и цивилизаторских ценностей Никиш считал русский большевизм, так как современная ему Россия, в отличие от «Запада», была не индивидуалистична и не либеральна, в ней политика ставилась выше экономики. Однако он не считал, что Германии надо позаимствовать большевизм, но полагал, что она должна развивать собственную сущность, которая была противоположна «идеям 1789 года». Тем не менее, в борьбе против превосходящих сил победителей первой мировой войны Германия должна была опираться на поддержку России.

В целом, Никиш требовал, чтобы Германия отошла от «Запада» и повернулась на Восток, чтобы она вышла из всемирной экономики, уменьшила до минимума свою промышленность, провела деурбанизацию, ввела таможенные преграды для охраны сельского хозяйства. Германия должна была создать систему обязательных трудовых лагерей для молодежи с целью внедрения строгой дисциплины, «воли к бедности» и простого образа жизни. Установление авторитарного и строгого быта позволило бы, по его убеждению, поднять обороноспособность страны. Он также проповедовал отказ от частной собственности в смысле римского права и утверждал новый принцип собственности, которая давалась бы за службу народу и государству [36].

Высшей точкой развития историософских взглядов Никиша стала его «Потсдамская идея», заключающаяся в идеализации Пруссии эпохи Фридриха II и служившая историческим и философским обоснованием политической концепции «сопротивления». Никиш писал: «Смысл большевистской революции был в том, что в момент смертельной опасности Россия ухватилась за идею Потсдама и довела эту идею до крайнего предела, до почти безмерного со-

стояния. Россия сотворила то абсолютное военное государство, которое даже повседневную жизнь подчиняет правилам военного лагеря, граждане которого умеют когда надо голодать и сражаться, и все проявления жизни которого до отказа наполнены волей к обороне» [37]. Он считал, что этой «воле» немцы должны учиться у России, и предлагал послать для этого в Россию «немецкие легионы», чтобы те присоединились к «русским полкам» [38]. Немцы должны были «вернуть» себе из Москвы «Потсдамскую идею» и позаимствовать оттуда коммунистические формы организации жизни. Он считал эти заимствования из России безопасными для «характера» Германии, так как, по его мнению, «германская субстанция» была «выше» русской: «В германо-славянской среде она (германская субстанция. – М. Б.) будет являться мужским, приказывающим, оплодотворяющим элементом. Потсдам будет Римом и Парижем нового восточного мира, который будет простираться до Тихого океана» [39].

Восхищение, которое испытывал Никиш по отношению к Советскому Союзу, было в немалой степени вызвано кажущимся блестящим осуществлением пятилетнего плана и коллективизации сельского хозяйства. Никиш вступил в Берлине в «Рабочую группу по изучению планового хозяйства» (ARPLAN) и как ее участник посетил в 1932 г. СССР [40]. После прихода к власти Гитлера, к которому Никиш относился с открытой враждебностью, его публицистическая деятельность была сильно ограничена. В 1937 г. он был арестован гестапо за организацию нелегальных политических кружков и приговорен к пожизненному заключению. После освобождения в 1945 г. советскими войсками он вступил в КПГ, позже стал профессором политологии Университета им. Гумбольдта и членом парламента ГДР. Однако в начале 1950-х гг. Никиш был осужден за «объективизм» и «идеализм» и до своей смерти жил в Западном Берлине [41]. В конце концов он отошел от участия в реальной политике и полностью посвятил себя занятиям историко-софией [42].

Таким образом, в начале 1930-х гг. указанные выше консервативные группы находились на пике своей публицистической деятельности. Именно на данный период, как уже говорилось,

приходятся попытки евразийцев установить с ними контакт. При этом евразийцы подробно изучали и анализировали политические программы и идейные концепции немецких консервативных группировок. Так, А. П. Антипов в первой половине 1932 г. отмечал относительно «Гегнера» в своей записке «О возможности связей с германскими группировками», что программу этого журнала можно свести к следующим ключевым требованиям: «в борьбе против существующей системы необходимо создание меньшинства, организованного в виде ордена и стоящего вне классов», куда группа призывает «вступать всех сочувствующих этой идее, независимо от лагеря, в котором они находятся». Он полагал, что у «Гегнера» нет других идей, «кроме этой идеи “правящего отбора” и отрицания капитализма».

К религиозной идее, которая в учениях евразийцев занимала центральное место, «Гегнер», по суждению Антипова, имел «сочувственное отношение». В целом, делал вывод Антипов, программа «Гегнера» только вырабатывалась, «силы у них молодые, неопытные». Антипов положительно оценил то, что у группы был довольно широкий кругозор «без национальной узости и предвзятости». Так как Антипову «в их писаниях ничего не показалось неприемлемым», он предлагал следующую тактику: «Нужно употребить все усилия, чтобы завязать с ними сношения как можно более близкие. Следует стараться питать их нашими идеями, стараться помещать в «Гегнере» ЕА (т. е. евразийские – М. Б.) статьи, а конечной целью поставить себе издание совместного с ними журнала («Гегнера» или другого)» [43]. Таким образом, очевидная идейная и политическая открытость журнала, способствовала тому, что евразийцы попытались не только установить контакт с «Гегнером», но и идейно повлиять на него.

Определенные шаги в этом направлении были предприняты немедленно. 4 сентября 1932 г. Савицкий, которому была адресована записка Антипова, отправил письмо с «товарищеским приветом» Шульце-Бойзену. К письму он приложил статью, которая была предназначена для выпуска «Гегнера», посвященного теме «Европа». Предварительная договоренность о публикации этой статьи была уже достигнута между Шульце-Бойзенем и Анти-

повым [44]. Однако в упомянутом номере «Гегнера» она так и не появилась. Вместо нее в журнале была помещена небольшая редакционная заметка под названием «Евразийцы». В заметке сообщалось, что журнал получил программные тезисы евразийцев, и далее давалась краткая характеристика евразийской группы как «пореволюционного эмигрантского движения... которое называет себя антикапиталистическим, но не коммунистическим». Было отмечено также стремление евразийцев к установлению автаркии и «идеократического государственного строя». Редакция «Гегнера», вместе с тем, критиковала идеократические планы евразийцев, так как отрицательно относилась к любому государственному образованию, созданному на основе идеи. Тем не менее, «Гегнер» считал примечательным фактом появление в кругах русской эмиграции кружка «анти-интервенционистов», который преимущественно положительно относится к СССР». Редакция обещала в будущем по возможности более подробно рассказать о евразийцах [45]. Однако дальнейшему развитию контактов помешало закрытие журнала в 1933 году.

Более четкая, чем у «Гегнера», политическая программа группы «Тат-Крайс» заставляла евразийцев сомневаться в возможности повлиять на эту группу или даже наладить эффективное взаимодействие. Однако это не мешало им также живо интересоваться «Ди Тат». В своей записке Савицкому Антипов отмечал, что, в отличие от «Гегнера», эта группировка занимается не общими вопросами, но проблемами, вытекающими из конкретной германской действительности. Он писал, что группа «имеет свою историю и традицию, а также вполне определенную и разработанную идеологию». Автор записки особо подчеркивал, что «Ди Тат» занимает в Германии «почетное место», имеет влияние, и к нему прислушиваются. В то же время он предупреждал, что эта группа «продолжает в новых формах старую германскую политику (в прикрытой форме), которая состоит в стремлении подчинить себе сначала среднюю Европу, чтобы в последствии подчинить своему влиянию и Восток, т. е. Россию». Поэтому, заключал Антипов, политика «Ди Тат» была «потенциально враждебна России». Тем не менее, он находил в программе «Ди Тат» много общего со

взглядами евразийцев [46]. Сходства, по его мнению, касались представлений об идеальном экономическом устройстве в виде «государственно-частной экономической системы», а также концепции государственного управления. Государство должно было быть построено «органично» на основе корпоративных структур, и управлять им должен был «ведущий слой», отобранный по определенному идейному принципу [47].

Очевидное сходство политических и экономических представлений членов «Ди Тат» и евразийцев, видимо, подтолкнуло Савицкого к тому, чтобы, в свою очередь, более подробно изучить их концепцию. В его записных книжках встречаются подробные конспекты статей журнала, выпущенных в 1932 г. [48]. Его внимание привлекла политическая публицистика Церера, особенно заявления о конце современной политической системы и замене ее в будущем корпоративным государственным строем. Из экономических высказываний «Ди Тат» Савицкий обращал внимание на концепцию планового хозяйства В. Зомбарта и на заявления Ф. Фрида о необходимости установления хозяйственной автаркии и экономической экспансии Германии на Восток. Савицкого также интересовали внешнеполитические взгляды Г. Вирзинга и его призывы к политическому сотрудничеству с СССР в целях совместной борьбы против Версальского договора [49].

В целом евразийцы считали желательным установление контакта и с этой немецкой группировкой. Как считал Антипов, это должно было выразиться в публикации статей евразийцев в журнале «Ди Тат». Это казалось тем более возможным после появления в февральском номере журнала за 1932 г. статьи русского эмигранта Бориса Ижболдина [50]. Антипов уже ранее посылал в редакцию «Ди Тат» перевод так называемой программной «формулировки» евразийцев [51], однако его обращение осталось без отклика. Сотрудничество более тесное, чем просто публикация евразийских статей в этом журнале, Антипов считал едва ли возможным. Он писал: «...Этот журнал очень германский и очень политический, и заниматься делом посторонним, т. е. в данном случае общим действием с ЕА (евразийцами. – М. Б.) он не станет, да нам это, кроме того, и нежелательно, ввиду его традиционно-германского харак-

тера». Лишним доказательством малой заинтересованности «Ди Тат» в связях с евразийцами служило то, что один из сотрудников журнала в разговоре с евразийцем В. Э. Сеземаном назвал связь с близкими по духу группировками «второстепенной» [52].

Интерес евразийцев к «Шварце фронт» был значительно слабее, чем к «Ди Тат», так как, по мнению Антипова, первый находился под сильным влиянием второго. Видимо, поэтому он не имел для евразийцев самостоятельного значения. В программе «Шварце фронт» евразийцы отмечали как наиболее важные для себя моменты требование революции и социально-экономических преобразований, которые должны были привести к созданию мощного самостоятельного немецкого государства. Евразийцы особенно подчеркивали, что группировка «Шварце фронт» «не считает нужным бороться против красных», пытается «объединить национализм и социализм, правых и левых», но не обращает особого внимания на СССР [53]. Программная несамостоятельность «Шварце фронт», с точки зрения евразийцев, его слабое влияние и отсутствие интереса к СССР, вероятно, способствовали тому, что интерес евразийцев к этой группировке не вылился в попытки установить сотрудничество.

Пристальное внимание представителей евразийства к группировке «Видерштандсбеvegунг» и ее лидеру Никишу было вызвано, в первую очередь, тем, что она, как писал Антипов, проповедовала «отталкивание от Запада», пропагандировала «русские этатистские идеи», поддерживала советский режим и вела борьбу против интервенционистских поползновений [54]. Евразийцев, с одной стороны, восхищала историософская концепция Никиша, прежде всего его «Потсдамская идея», подразумевавшая необходимость для Германии учиться у России. С другой стороны, они отмечали двойное отношение этой группировки к России, «как к учителю и как к объекту» [55]. В связи с этим они критиковали «Видерштанд» за «национальный шовинизм», нацеленный на Россию, «которая совместно с Германией должна образовать одно целое под водительством Германии» [56].

Поэтому не удивительно, что евразийцы видели наименьшую, в сравнении с другими группировками, возможность совместной

работы с «Видерштандом». Антипов делал вывод: «Как-нибудь усиливать позиции «Видерштанда», разумеется, не входит в наши интересы, но мы могли бы воспользоваться журналами этого движения... с целью сделать более известными наши собственные идеи» [57]. Несмотря на, в целом, отрицательное отношение к этой группировке, евразийцы, видимо, все-таки предприняли попытку войти в контакт с Никишем, о чем свидетельствует пометка в записной книжке Савицкого [58]. Характерно, что и далее Савицкий продолжал интересоваться историософией Никиша, активно читал и конспектировал его работы, в частности его книгу «Решение» (Entscheidung), вышедшую в 1930 г. [59].

В целом, подводя итог своему анализу возможности установления контактов с немецкими «консервативными революционерами», Антипов не поддавался иллюзиям. В своей записке он отмечал: «...Сотрудничество с германскими группировками сопряжено с затруднениями особого характера, а именно: Германия живет сейчас слишком бурной жизнью, немцам трудно заняться чем-нибудь, имеющим лишь косвенное отношение к германской действительности. Кроме того, интересные для нас политические группировки Германии имеют преимущественно национальный характер, а Германия слишком близко находится от России, чтобы национальные стремления первой не сталкивались с таковыми же стремлениями второй. Но... возможности налаживания связей есть» [60].

Почему евразийцы все же попытались вступить в контакт с немецкими «консервативными революционерами», по каким соображениям были выбраны именно эти группировки, и почему попытки эти имели место именно в начале 1930-х гг.?

Здесь необходимо обратить внимание на то, что представляла собой евразийская организация в рассматриваемый период. Очевидно, что евразийство как движение переживало в начале 1930-х гг. глубокий внутренний кризис. Обосновавшаяся в Кламарже, пригороде Парижа, группа евразийцев, в которую входили такие видные представители движения, как П. П. Сувчинский, один из основателей евразийства, философ Л. П. Карсавин и литературовед Д. П. Святополк-Мирский, в конце 1920-х гг. стала все более увлекаться марксизмом и открыто пропагандировать близ-

кие к большевизму взгляды в издаваемой ею газете «Евразия». В ответ на это еще один из основателей евразийства, лингвист Н. С. Трубецкой, объявил в январе 1929 г. о своем выходе из движения. К 1930 г. кламаржская группа перестала существовать [61]. Таким образом, в начале 1930-х гг. из прежних лидеров евразийства продолжал активно работать лишь один Савицкий. Возглавляя «правое» крыло движения, он попытался составить новую программу как основу дальнейшей деятельности евразийцев, что могло бы помочь движению выбраться из кризиса. Эта программа была опубликована в Праге в 1932 г. под названием «Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы 1932» и также послана уже известным нам немецким группировкам.

В связи с внутренним кризисом евразийства интерес его членов к немецким консервативным группировкам и попытки завязать с ними контакт приобретают вполне конкретный смысл. Во-первых, связь с близкими по духу консервативными группировками могла служить идейному самоутверждению евразийцев. Созвучные евразийским идеи немецких групп должны были казаться им подтверждением правоты собственных концепций. Одновременно пристальный интерес к публикациям этих групп может свидетельствовать и об их желании перенять некоторые идеи, что вполне объяснимо в той кризисной ситуации, в которой находились евразийцы. Во-вторых, евразийцы пытались при помощи контактов с немецкими консервативными группировками и их журналами способствовать распространению своих идей и, как следствие, увеличению числа последователей. В-третьих, они, вполне очевидно, намеревались посредством этих контактов даже повлиять соответствующим образом на развитие Германии.

Важной предпосылкой к возможному сближению евразийцев и немецких консервативных группировок стал разразившийся в 1929 г. мировой экономической кризис. Он лишний раз продемонстрировал нестабильность старого миропорядка и необходимость поиска новых путей исторического развития. В этой связи примечательно, что программы немецких «революционно-консервативных» группировок интересовали евразийцев исключительно в части проектов нового государственного устройства. Русские

эмигранты подвергали анализу именно эту часть немецких концепций, не обращая внимания на разделы, посвященные критике существующей системы. Сами немецкие консервативные группировки, с которыми евразийцы пытались завязать контакт, также были выбраны, прежде всего, исходя из близости их политических и экономических проектов представлениям евразийцев об идеальном государственном устройстве. В этой связи важно отметить, что в новой программе евразийцев, выпущенной в 1932 г., были отражены те же пункты, что и в проектах немецких группировок. В экономической части евразийской программы важное место отводилось антикапиталистическим лозунгам. Альтернативная капитализму экономическая система представлялась в виде государственно-частной. Признавалась важная роль централизованного планирования и, по крайней мере, теоретически, поддерживалась советская модель индустриализации страны. В то же время евразийцы, как и немецкие консерваторы, высказывались за экономическую автаркию. Относительно будущего государственного строя программа евразийцев говорила о необходимости создания «идеократии», т. е. отбор руководящего звена должен был осуществляться по принципу верности и преданного служения «евразийской идее» [62].

Немаловажную роль в том, что евразийцы пытались установить контакт именно с этими немецкими группировками, сыграла не только близость их программных установок к целям евразийцев, но и отношение их к России или СССР. Для евразийцев было важно, чтобы в заявлениях этих групп России вообще уделялось какое-нибудь внимание. Не менее пристальный интерес вызывало и то, насколько «враждебны» эти группировки по отношению к России или СССР. Главной целью евразийцев в этом смысле было попытаться добиться того, чтобы «новая Германия», в планах этих группировок, не представляла ни военной, ни экономической или культурной угрозы для России или Советского Союза.

В целом, как мы видели, реакция немецких группировок на попытки евразийцев навязать им свое сотрудничество была достаточно сдержанной. Некоторый контакт удалось установить только с «Гегнером», группой с наиболее расплывчатой политиче-

ской программой. Именно это, видимо, и помогло в налаживании связей. Контакт же с другими группами не получился. Даже «Тат-Крайс», наиболее близкий евразийцам с точки зрения программы и идеологии, не проявил к ним никакого интереса.

О чем же вообще свидетельствуют существовавшие «точки соприкосновений»? Ясно, что говорить о каком-либо влиянии евразийцев на взгляды «консервативных революционеров» нельзя. Но не было ли влияния концепций «консервативных революционеров» на взгляды евразийцев? На наш взгляд, несмотря на всю возможность некоторого влияния, приведенный здесь материал в целом подтверждает вывод Л. Люкса о параллельном развитии. Однако параллели эти касались не только отрицания «западных» ценностей. Если принять во внимание те аспекты, которые интересовали евразийцев в работах немецких консерваторов, то бросается в глаза пристальный интерес евразийцев, впрочем как и их немецких единомышленников, к опыту экономического и политического развития СССР. Этот опыт представлял и для тех, и для других большое значение как важный образец. В то же время очевидно, что политический и экономический опыт СССР приобретал для них уже скорее особую культурную значимость.

Так, придавая большое значение «плановому хозяйству» и видя в этом выход из экономического кризиса, как евразийцы, так и «консервативные революционеры» воспринимали это как проявление нового «культурного порядка», принципиально новой организации жизни. Следовательно, «плановое хозяйство» являлось и для тех и для других символом, за которым скрывалась другая, противоположная «западным ценностям», система жизни. Еще одним культурным символом можно считать культ молодежи. Именно молодежь могла осуществить амбициозные планы переустройства мира. При этом как раз молодежь в Советской России должна была служить примером успешной реализации поставленных перед ней задач.

В целом этот положительный образ Советского Союза, занявший прочное место в представлениях широких кругов немецкой бюргерской интеллигенции, создавался не без усердного старания советской пропаганды [63]. Не меньшее влияние на создание этого

образа в среде «консервативных революционеров» оказала книга немецкого публициста Клауса Менерта под названием «Молодежь в Советской России», написанная им после визита в СССР и опубликованная в 1932 г. [64]. Эта книга произвела глубокое впечатление на представителей рассмотренных нами группировок. В издаваемых ими журналах появились положительные или даже восторженные рецензии. «Гегнер» писал, что вся судьба СССР зависела от ответа на вопрос: «Удалось ли перестроить человека, сотворить нового социалистического человека?» И на основе описания Менертом русской молодежи «Гегнер» отвечал, что удалось: «Чудесным образом эта молодежь осуществила нарисованный Ницше в «Воле к власти» образ рабочей аристократии как высшего слоя, который отличается простотой и солдатскими добродетелями. Никто не положит эту книгу из рук без уверенности, что дух молодежного героизма и самопожертвования вечно торжествует» [65]. Журнал «Ди Тат» также высоко оценил книгу Менерта, заметив, правда, что советский положительный опыт нельзя автоматически применять к немецкой действительности [66]. «Видерштанд», наравне с другими, отреагировал положительной рецензией, пообещав своим читателям и далее подробно заниматься такими вопросами [67].

Итак, попытки контакта евразийцев с немецкими консервативными группировками имели идейной основой не только их отрицание «Запада». Культурная значимость, которую придавали оба течения образу Советского Союза, позволяет более точно определить место этих течений в общей истории идей. Видимо, их следует рассматривать не как «антизападные» движения, а как часть общей консервативной реакции на вызов модерна. Они противопоставляли современному «разорванному» человеку и его кризисному миру схематизированный образ утопического рационально спланированного государства, где существенную роль играет молодежь. Вероятно, место евразийцев и «консервативных революционеров» в истории консерватизма и в истории идей точнее всего можно определить термином «консервативные утописты».

1. Термин «консервативная революция» был введен в научный оборот А. Молером в 1950 г. (*Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932. 3. Auflage. Darmstadt, 1972*) для обозначения самостоятельного консервативного движения, мировоззрение которого отличалось и от национал-социалистов, и от представителей консервативной реакции. Этот термин подвергся резкой и блестящей критике со стороны С. Бройера (*Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. 2. Auflage. Darmstadt, 1995*), который предложил взамен понятие «новый национализм», а также Р. фон ден Буше (*Bussche R. v. d. Konservatismus in der Weimarer Republik. Die Politisierung des Unpolitischen. Heidelberg, 1998*), который выдвинул понятие «консервативный утопизм». Тем не менее, современные «консерваторы» настаивают на сохранение термина «консервативная революция»: *Weißmann K. Konservative Revolution – Forschungsstand und Desiderata // v. Schrenck-Notzing C. (Hrsg.), Stand und Probleme der Erforschung des Konservatismus. Berlin, 2000. S. 119 – 139*. Автор данной статьи разделяет сомнения в адекватности термина «консервативная революция» и считает, что эти группировки следует рассматривать в рамках общего консервативного мышления, как это делает А. Шильдт (*Schildt A. Konservatismus in Deutschland. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. München, 1998*). Поэтому автор пользуется здесь этим термином, лишь отдавая дань установившейся традиции.

2. См. *Sonthheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. 4. Auflage. München, 1994*.

3. *Boess O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1961; Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992*.

4. *Schüddekopf O. E. Linke Leute von rechts. Die nationalrevolutionären Minderheiten und der Kommunismus in der Weimarer Republik. Stuttgart, 1960. S. 124, 189*. Ханс Хекер пишет о существенном влиянии евразийцев на формирование образа России в Западной Европе и в частности у представителей консервативной революции, ссылаясь при этом на работу Шюддекопфа: *Hecker H. «Die Tab» und ihr Osteuropa-Bild. 1909 – 1939. Köln, 1974. S. 218 – 219*. Прим. 64.

5. *Lipiansky A. M. Pour un Communisme National, la revue «Die Tab» // Revue d'Allemagne 6 (1932) (15.10.1932). S. 849 – 867* (о евразийцах см. там же: S. 861).

6. *Luks L. Die Ideologie der Eurasier im zeitgenössischen Zusammenhang // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 34 (1986). S. 374 – 395; Он же. «Евразийцы» und «Konservative Revolution». Zur antiwestlichen Versuchung in Rußland und in Deutschland // Koenen G., Kopelew L. (Hrsg.) Deutschland und die Russische Revolution. 1917 – 1924. München, 1998. S. 219 – 239*. Работа Люкса 1986 года была перепечатана в сокращенном виде на русском языке: *Люкс Л. Евразийство // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 105 – 114, а также Люкс Л. Россия между Западом и Востоком. М., 1993. С. 76 – 91*.

7. Люкс указывает: если для евразийцев религия играла важную роль, то для большинства «консервативных революционеров» она не имела значения; в отличие от «консервативных революционеров» у евразийцев не было эстетизации насилия и террора; для немецких группировок важное значение в политической концепции имел «вождь», для евразийцев важно было коллективное управление в виде «идеократии»; и главное, в отличие от «консервативных революционеров» эмигрантское положение евразийцев не позволило им оказать непосредственное влияние на политическое развитие собственной страны.

8. *Luks L. Die Ideologie...* S. 390 – 394; *Он же.* «Eurasier» und «Konservative Revolution»... S. 228 – 234.

9. *Luks L.* «Eurasier» und «Konservative Revolution»... S. 237.

10. *Антюнов А. П.* Новые пути Германии // Новая эпоха. Идеократия. Политика-экономика. Обзоры / Под ред. В. А. Пейляю. Таллин, 1933. С. 35 – 43. Об этой статье, кстати, упоминает сам Люкс, но не делает из этого соответствующих выводов.

11. Записка А. П. Антипова Председателю ЦК ЕА организации «О возможности связей с германскими группировками» // *Bakhmeteff Archive on Russian and East European History and Culture (BAR)*. Columbia University Libraries, New York. George Vernadsky Papers. Box 7.

12. Записная книжка П. Н. Савицкого № 65 (ноябрь–декабрь 1932 г.): *Slovanska knihovna Praha, fond P.N. Savickoho, cislo inventarno 231, krabice XVI* (Выписки на 18 страницах, страницы не нумерованы).

13. Мы здесь пользуемся немецкими названиями, как впрочем, и сами евразийцы. В переводе на русский язык они означают: «Противник», «Действие», «Черный фронт» и «Движение сопротивления».

14. *Bahar A.* Sozialrevolutionärer Nationalismus zwischen Konservativer Revolution und Sozialismus. Harro Schulze-Boysen und der «Gegner»-Kreis. Koblenz, 1992; *Coppi H., Danyel J.* (Hrsg.). Der «Gegner»-Kreis im Jahre 1932/33. Berlin, 1990. О биографии Шульце-Бойзена см. *Coppi H., Andresen G.* (Hrsg.), Dieser Tod paßt zu mir. Harro Schulze-Boysen – Grenzgänger im Widerstand. Briefe 1915 bis 1942. Berlin, 1999. См. также: *Schüddekopf O. E.* Op. cit. S. 350 – 354; *Paetel K. O.* Versuchung oder Chance? Zur Geschichte des deutschen Nationalbolschewismus. Göttingen, 1965. S. 189 – 205; *Dupeux L.* «Nationalbolschewismus» in Deutschland 1919 – 1933. Kommunistische Strategie und konservative Dynamik. München, 1985. S. 383 – 392.

15. *Schulze-Boysen H.* Der neue Gegner // *Gegner*. 1932. Heft 4/5 (5.3.1932). S. 2.

16. *Schulze-Boysen H.* Die Saboteure der Revolution // *Gegner*. 1932. Heft 7 (5.4.1932), S. 3-4, цитата на S. 4.

17. *Schulze-Boysen H.* Gegner von heute – Kampfgenossen von morgen. Berlin, 1932 (Цит. по: *Bahar A.* Op. cit. S. 112).

18. «Wir, die die Forderung der Geschichte angeht, müssen zusammenstehen gegen die alten Dogmen. Für neues Leben. Gegner in allen Lagern, vereinigt euch!», *Schulze-Boysen H.* Vom kommenden Wir // *Gegner*. 1932. Heft 1/2, (10.7.1932). S. 3 – 4.

19. *Bahar A.* Op. cit. S. 118 – 129. «Гегнер» даже провел опрос представителей разных политических групп на тему отношения к возможной интервенции в СССР: Interventionskrieg – Sowjetunion? Was tun wir?, *Gegner*. 1932. Heft 11/12 (10.6.1932). S. 6 – 8.

20. *Bahar A.* Op. cit. S. 135 – 137, 92. Об идеологии см. также: *Coppi H.* Harro Schulze-Boysen und der «Gegner»-Kreis // *Coppi H., Danyel J.* (Hreg.) *Der «Gegner»-Kreis im Jahre 1932/33.* Berlin, 1990. S. 61 – 62.

21. См. *Sontheimer K.* Der Tatkreis (1957) // *Jasper G.* (Hreg.) *Von Weimar zu Hitler 1930-1933.* Göttingen, 1968. S. 197 – 228; *Fritzsche K.* Politische Romantik und Gegenrevolution. Fluchtwege in der Krise der bürgerlichen Gesellschaft: Das Beispiel des «Tat»-Kreises. Frankfurt/M., 1976. См. также: *Paetel K.O.* Op. cit. S. 224 – 225; *Hecker H.* Op. cit.

22. *Fritzsche K.* Op. cit. S. 45 – 57.

23. *Fritzsche K.* Op. cit. S. 58.

24. *Fritzsche K.* Op. cit. S. 58 – 127. Члены «Тат-Крайс» отличались от других критиков Веймарской республики, прежде всего, более авторитетными суждениями в области экономики. Их экономические взгляды развивались под влиянием экономиста Вернера Зомбарта, слушателями которого являлись Х. Церер и Ф. Фрид. Общая линия аргументации и терминология в критике капитализма позаимствованы именно у него. Члены кружка потом его называли личным другом и постоянным соратником: *Ibid.* S.53, 81, 353 (Прим. 93).

25. *Fritzsche K.* Op. cit. S. 128 – 236.

26. *Fritzsche K.* Op. cit. S. 260 – 314.

27. *Moreau P.* Nationalsozialismus von links. Die «Kampfgemeinschaft Revolutionärer Nationalsozialisten» und die «Schwarze Front» Otto Straßers 1930 – 1935. Stuttgart, 1985; *Paetel K. O.* Otto Strasser und die «Schwarze Front» des «wahren Nationalsozialismus» // *Politische Studien* 8. 1957. Heft 92. S. 269 – 281; см. также: *Paetel K. O.* Op. cit. S. 206 – 224; *Dupeux L.* Op. cit. S. 393 – 418.

28. *Paetel K. O.* Otto Strasser... S. 271.

29. *Dupeux L.* Op. cit. S. 402.

30. *Paetel K. O.* Otto Strasser... S. 272 – 277.

31. Das Manifest der Schwarzen Front // *Moreau P.* Op. cit. S. 250 – 251 (документ 5).

32. *Moreau P.* Op. cit. S.140 – 147.

33. *Paetel K. O.* Otto Strasser... S. 279 – 281.

34. *Kabermann F.* Widerstand und Entscheidung eines deutschen Revolutionärs. Leben und Denken von Ernst Niekisch. Köln, 1973; *Buchheim H.*

Ernst Niekischs Ideologie des Widerstandes // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 5 (1957). S. 334 – 361. См. также: *Dupeux L.* Op. cit. S. 235 – 243 и 317 – 347; *Paetel K. O.* Op. cit. S.79 – 105; *Taschka S.* Das Rußlandbild von Ernst Niekisch. Erlangen/ Jena, 1999.

35. *Kabermann F.* Op. cit. S. 27 – 36; 57 – 76.
36. *Niekisch E.* Die Politik des deutschen Widerstandes // *Widerstand* 5 (1930). S. 97 – 99. О необходимости союза Германии и России см. также: *Niekisch E.* Europa betet // *Widerstand* 5 (1930). S. 65 – 72.
37. *Niekisch E.* Das Potsdamer Gesetz. 1931. Цит. по: *Dupeux L.* Op. cit. S. 332.
38. *Niekisch E.* Abrüstung? // *Widerstand* 5 (1930). S. 353 – 361.
39. *Niekisch E.* Das Potsdamer Gesetz. 1931. Цит. по: *Dupeux L.* Op. cit. S. 334.
40. *Dupeux L.* Op. cit. S. 330.
41. *Kabermann F.* Op. cit. S. 147 – 154, 213 – 220; *Dupeux L.* Op. cit. S. 346.
42. *Buchheim H.* Ernst Niekischs Ideologie... S. 342 – 343. На историософскую концепцию Э. Никиша важное влияние оказали взгляды и идеи Ф. М. Достоевского, в частности его представление о «вечно протестующей Германии». См. *Dostojewski F. M.* Deutschland, die protestierende Macht // *Widerstand* 5. 1930. С. 72 – 76.
43. Записка Антипова. BAR-Vernadsky Papers, Box 7.
44. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.Р-5783. Оп.1. Ед. хр. 355. Л. 387.
45. [б. а.] *Eurasier* // *Gegner* (1932). Heft 5-6. 1.10.1932. S. 8.
46. Записка Антипова.
47. Первоначальный вариант статьи Антипова, приведенный здесь по конспектам П. Н. Савицкого: Записная книжка П. Н. Савицкого № 65 (ноябрь-декабрь 1932 г.).
48. Конспекты П. Н. Савицкого. Записная книжка П. Н. Савицкого № 65.
49. В конспектах Савицкого есть изложение следующих статей «Ди Тат»: *Zehrer H.* Das Ende der Parteien // *Die Tat* 24 (1932/33). Heft 1. April 1932. S. 68 – 79; *Он же.* Die Etappe Papen // *Die Tat* 24 (1932/33). Heft 8. November 1932. S. 625 – 634; *Sombart W.* Planwirtschaft // *Die Tat* 24 (1932/33). Heft 1. April 1932. S. 37 – 42; *Fried F.* Welthandelskrieg // *Die Tat* 24 (1932/33). Heft 1. April 1932. S. 42 – 59; *Он же.* Der Übergang zur Autarkie // *Die Tat* 24 (1932/33) Heft 2. Maj 1932. S. 120 – 150; *Он же.* Deutschlands handelspolitische Einkreisung // *Die Tat* 24 (1932/33). Heft 8. November 1932. S. 634 – 646; *Holzer M.* Die Tragödie der deutschen Wirtschaft // *Die Tat* 24 (1932/33). Heft 2. Maj 1932. S. 155 – 168; *Он же.* Der Generalangriff auf den Sozialismus // *Die Tat* 24 (1932/33). Heft 8. November 1932. S. 652 – 658; *Wolfgang G.* Der Weg zur ländlichen Planwirtschaft // *Die Tat* 24 (1932/33). Heft 2. Maj 1932. S. 150 – 155; *Wirsing G.* Die Siegfriedstellung der deutschen Außenpolitik // *Die Tat* 24 (1932/33). Heft 1. April 1932. S. 14 – 35. *Он же.* Doch Kompromiß? // *Die Tat* 24 (1932/33). Heft 8. November 1932. S. 646 – 652.

50. *Ischboldin B.* (Ижболдин Б.) Der Bolschewismus als ideokratisches Wirtschaftssystem und seine ideokratischen Gegenspieler // Die Tat 23 (1931/32). Heft 11. Februar 1932. S. 907 – 921. Статья посвящена изучению перехода капитализма в новую экономическую систему на примере Советской России и фашистской Италии.

51. Имеется в виду: Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы 1932. [Прага], 1932.

52. Записка Антипова.

53. Первоначальный вариант статьи Антипова, приведенный здесь по конспектам П. Н. Савицкого. Записная книжка П. Н. Савицкого № 65.

54. Записка Антипова.

55. *Антипов А. П.* Новые пути... С. 42.

56. Записка Антипова.

57. Там же.

58. Записная книжка П. Н. Савицкого № 65.

59. Записная книжка П. Н. Савицкого № 58 [начало 1933 г.].

60. Записка Антипова.

61. *Казина О.А.* Н. С. Трубецкой и кризис евразийства // Славяноведение. 1995. № 4. С. 89 – 95; *Boess O.* Op. cit. S. 118-121.

62. Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы 1932. С. 3 – 6.

63. *Mick Ch.* Sowjetische Propaganda, Fünfjahresplan und deutsche Rußlandpolitik 1928 – 1932. Stuttgart, 1995. Особенно: S. 200 – 201, 279 – 280.

64. *Mehnert K.* Die Jugend in Sowjetrußland. Berlin, 1932.

65. *Schreiber O.* // Gegner. 1932. 10.6.1932. Heft 11/12. S. 30.

66. *B.B.* Vom jungen Rußland // Die Tat 24 (1932/33). Heft 6. September 1932. S. 526 – 527.

67. [б. а.] Widerstand 7. (1932). S. 192.

Глава 4

К вопросу о содержании понятия «консервативной революции» и ее связи с традицией немецкого консерватизма (историографический обзор)

Понятие «консервативной революции», долго смущавшее советских историков своим несоответствием революционной доктрине марксизма, приобрело в последние годы растущую популярность среди российских обществоведов и публицистов. Также можно заметить, что распространенность этого понятия обернулась сбивающим с толку разнообразием обозначаемых им явлений, таких, например, как реставрация Мэйдзи, «интеллектуально-научные изыскания» СС, советский опыт модернизации или подавление августовского путча 1991 г. [1]. Если предположить наличие у парадоксального сочетания слов «консерватизм» и «революция» некоего универсального смысла, то не исключено, что одним из первых подступов к его выяснению мог бы стать обзор интерпретаций одноименного движения, оставившего заметный след в истории Германии 20 – начала 30-х гг. XX в. Ведь именно с немецким, самым ярким вариантом «консервативной революции» в первую очередь ассоциируется ее название, и с ним же так или иначе сверяется большинство ее последующих разновидностей [2].

С сожалением приходится признать, что немецкая «консервативная революция» до сих пор не нашла адекватного освещения в отечественной историографии. Скупые упоминания о ней в работах советского периода сводились к малопродуктивным попыткам представить ее лишь одним из орудий своекорыстной политики германского монополистического капитала [3]. И хотя интерес

российских историков к данной теме в последнее время возрос, тем из них, кто берется за ее обобщающие исследования, приходится прежде всего осмысливать богатейший опыт их зарубежных предшественников [4]. Задача такого осмысления весьма сложна, поскольку даже ограниченная пространственно-временными рамками Веймарской Германии, «консервативная революция» остается явлением, не поддающимся однозначной трактовке. Прежде всего неоднородным было сознание ее приверженцев, представленное таким обильным публицистическим наследием, что любой обратившийся к нему историк сталкивается с нечастой проблемой избытка источников [5].

В свою очередь, посетовать на необозримое количество исследований немецкого «революционного консерватизма» может и тот, кто предпримет обзор его зарубежной историографии [6]. Следствием устойчивого внимания к данному феномену явилось не только постоянное умножение оценок его сущности, но и расширение диапазона соотносимых с ним явлений общественно-политической жизни Веймарской республики [7]. Единственное, в чем были солидарны германисты, употреблявшие дефиницию «консервативная революция», заключалось в ее привязке к тем националистическим и антидемократическим течениям, которые не подпадают под определение национал-социализма. Расхождение между историками начиналось уже в принципиально важном вопросе о том, насколько консервативна была эта «революция» [8]. Их ответы на данный вопрос сводились, в основном, к трем версиям: возведению «консервативной революции» в ранг единственно возможного и «истинного» консерватизма, включению ее в ряд трансформаций консервативной традиции или отрицанию ее принадлежности к данной традиции.

Можно предположить, что приведенные оценки степени преемственности «революционного» консерватизма с консерватизмом «традиционным» зависят в конечном итоге от того, что понималось под последним. Поэтому они могут быть соотнесены с одной из принятых типологий трактовок консерватизма как такового [9]. В таком случае окажется, что к противопоставлению «истинного», т. е. «революционного», консерватизма якобы «неис-

тинному» консерватизму традиционного толка тяготели сторонники так называемого универсалистски-антропологического подхода. Согласно ему консерватизм является важнейшим «признаком человеческого поведения и мышления, обладающим действенной силой для всех социальных слоев и исторических ситуаций» [10]. Такой взгляд был характерен для самих участников и симпатизантов «революционно-консервативного» движения, в том числе и тех, кто подвизался в роли его историографов.

Рассматривать «революционный консерватизм» в качестве одной из метаморфоз консервативной традиции были склонны приверженцы «ситуативного» подхода. В этом случае под консерватизмом понимался «исторически модифицирующийся арсенал образцов идеологической аргументации», к которым во все времена могут обращаться любые «социальные группировки и слои, существование которых находится под угрозой» [11]. Данная версия доминировала как в советской, так и в западной либеральной историографии 1960 – середины 1980-х гг. Однако если историки-марксисты считали любые, в том числе «революционные» разновидности консерватизма XX в. реакцией монополистической буржуазии на опасность, исходившую от пролетариата [12], то их буржуазные коллеги чаще видели в «революционном консерватизме» одну из форм протеста немецкой интеллектуальной элиты против издержек и угроз модернизации [13].

Наконец, отрицать наличие у «консервативной революции» консервативного содержания стремились историки, исходившие из «историко-социологического» подхода, противоположного двум предыдущим. В рамках этого подхода, возникшего не без влияния марксизма, сам консерватизм понимался как «социологически идентифицируемое» явление. В такой интерпретации он выступал в качестве «идеологии аристократически-клерикальных кругов, боровшихся в защиту доиндустриальных феодальных порядков», а значит, являлся «единственным и неповторимым феноменом своей эпохи», сохранение которого оказывается невозможным в изменившейся социальной обстановке XX в. [14]. Не пользовавшееся до недавних пор большой популярностью у авторов, писавших о немецкой «консервативной революции», подобное

истолкование консерватизма спровоцировало в 1990-е гг. споры о правомерности самого ее названия. Причем попыткам отрицать консервативный характер немецкого «революционного консерватизма» в нынешней дискуссии противостоят не только сторонники первых двух подходов, но и авторы, склонные отрицать сам факт существования в прошлом этого феномена.

Сомнения на данный счет могут показаться небезосновательными также и потому, что в послевоенной историографии понятие «консервативной революции» звучало намного чаще, чем в довоенных сочинениях тех, кого принято считать ее участниками. К тому же парадоксальность этого понятия не раз заставляла предполагать отсутствие у него какого-либо смысла и в то же время создавала дополнительные возможности для произвола его трактовок. Выявить обозначаемое им явление было тем более сложно на фоне пестрого политического ландшафта Германии 1920 – начала 1930-х гг., в котором рискуют раствориться и без того нечеткие контуры «революционно-консервативного» движения. В стремлении внести сюда, хотя бы задним числом, известный порядок, некоторые авторы включали свои дефиниции «революционного консерватизма» в различные типологии правых сил страны или вычленяли отдельные течения внутри самого «революционно-консервативного» лагеря. Нередко пересекаясь между собой, эти классификации образовали в своей совокупности запутанную картину, в которой «консервативная революция» оказалась связана почти со всеми проявлениями немецкого национализма. При этом в состав «революционно-консервативного» движения могли зачисляться персонажи, которые при жизни вряд ли подозревали о своей общей к нему принадлежности и не считались единомышленниками. Таким образом, одним из нечаянных результатов исследований данного феномена стало превращение его названия в своего рода литературный «фантом».

Естественно, что первые попытки объяснения того, чем, собственно, являлась «консервативная революция» в Германии, были предприняты в начале 1920-х гг. самими застрельщиками этого движения, прежде всего, Т. Манном и А. Меллером ван ден Бруком. Во второй половине того же десятилетия наиболее успеш-

ными пропагандистами этой «революции» выступили Г. фон Гофманшталь и Э. Ю. Юнг. При всем несходстве дарований, мировоззрений и судеб, эти литераторы были едины в предчувствии катастрофы, которую, как им казалось, несет миру и прежде всего их собственной стране современная буржуазная цивилизация. Западное общество с его «ложными» индивидуалистическими ценностями вызывало у них ассоциации с распадом и смертью народа как единого целого. Каждый из них полагал, что немцы смогут избежать этой участи лишь обратившись к ценностям «высшего» порядка и сплотившись на их основе в «органическую» народную общность. Путь к достижению этого идеала и был назван ими «консервативной революцией» [15].

Приверженцы «революционно-консервативной» идеи, как и консерваторы старого закала, понимали под консерватизмом систему универсальных, коренящихся в самой природе человека добродетелей. Но при этом они заявляли о своем монопольном праве на звание «подлинных» консерваторов и отказывали в нем «реакционерам»-вильгельминистам. Отсекая свое движение от непосредственно предшествовавшей и современной ему консервативной традиции, они, тем не менее, могли находить образцы такого же «истинно» консервативного поведения в более отдаленном прошлом. Поскольку ценности, определяющие это поведение, представлялись «вечными и неизменными», вопрос о трансформации консерватизма в «революционно-консервативном» мировоззрении в данном случае не вставал [16]. Иного консерватизма, чем тот, что был представлен самой «консервативной революцией», где бы и когда она ни протекала, для ее сторонников не существовало.

Но все же обозначить контуры явления, которое соотносилось бы с понятием немецкой «консервативной революции», стремились не столько ее непосредственные участники, сколько историки. В их обиходе это понятие утвердилось благодаря изданной в 1950 г. одноименной книге немецко-швейцарского публициста А. Молера, впервые представившего «консервативную революцию» не в виде туманной идеи, но в качестве четко определенного исторического феномена [17]. Под этим названием Молер объединил ряд смежных

идейных течений Веймарского периода, располагавшихся между консерватизмом традиционного толка и национал-социализмом и выступавших в качестве «третьей силы» антидемократического фронта. Будучи и сам активистом «консервативной революции», этот автор характеризовал ее как «движение духовного обновления, стремившееся расчистить оставленные XIX веком руины и создать новый порядок жизни» [18]. Правда, Молер был вынужден тут же заметить, что данная «революция» явила себя в чистом виде лишь в теории, тогда как в политической действительности ей не удалось найти адекватного воплощения и выйти за рамки первых начинаний [19]. Поэтому он посвятил свой анализ исключительно идейному содержанию «консервативной революции», хотя и отмечал ее всеобъемлющий характер как совокупности однотипных сдвигов во всех областях жизни от теологии и физики до музыки и градостроительства [20].

Благодаря широте охвата источников и тщательности их систематизации труд Молера до сих пор слывет образцовым среди единомышленников автора и даже его оппонентов [21]. С его легкой руки в западной историографии прижились не только сам термин «консервативная революция» и его распространенная трактовка, но и весьма удачная модель анализа обозначаемого им явления, в зависимость от которой так или иначе попадал любой пишущий на данную тему [22]. Как и в книге Молера, в последующих исследованиях вплоть до конца 1980-х гг. эта «революция» часто представляла в виде широкого, лишённого четкого состава и политического обрамления идеократического движения [23]. Также выдержанные большей частью в духе «истории идей», эти труды содержали схожие перечни источников и доминант «революционно-консервативного» мировоззрения. Проведенный ранее Молером анализ ее идеалов встречал возражения со стороны либеральных критиков в основном постольку, поскольку речь шла о политической заданности выводов, в которых этот автор воспроизводил самооценки своих старших соратников. Схожими, за исключением звучащих при этом политических оценок, были и определения самой сущности «консервативной революции». Типичной в данном отношении может считаться формулировка, предложенная в начале 1960-х гг.

Ф. Стерном. Этот американский историк определял ее как «всеобъемлющее идеологическое наступление на модерн и весь комплекс идей и учреждений, в котором воплощена либеральная, западная, индустриальная цивилизация» [24]. Меняясь в нюансах, подобные дефиниции повторялись в работах Г. Рудольфа, Г. Геккера и ряда других западногерманских авторов [25].

Такое концептуальное сходство вопреки политическим разногласиям кажется тем более примечательным ввиду того, что послевоенные историки, в отличие от Молера, чаще всего не были склонны отрицать связь немецкой «консервативной революции» с предшествующей ей консервативной традицией. При всех оговорках относительно «мутаций», которым подвергалось консервативное начало в составе «революционно-консервативной» идеологии, сторонники данной версии в конечном итоге распознавали в ней все ту же попытку противостоять вызовам современности путем возврата к проверенным традициям, ценностям, нормам, добродетелям и учреждениям. Впрочем, стремление большинства историков рассматривать немецкую «консервативную революцию» в общем русле развития консерватизма не исключало фактического признания ее права на монопольное представительство консервативной идеи в Германии 1920 – начала 1930-х гг. На фоне ее интенсивных исследований внимание, которое уделялось в историографии консервативным течениям, успевшим пережить свои лучшие времена до учреждения Веймарского режима, кажется весьма скудным. По всей видимости, в таком неравномерном распределении исследовательского интереса нашел отражение тот общепризнанный факт, что «традиционный» консерватизм, хранивший идеалы кайзеровской эпохи и отражавший интересы старых элит, не обладал в Веймарской республике ни прежним интеллектуальным влиянием, ни былым политическим весом [26].

Примечательно, что не только исследователи немецкой «консервативной революции», но и авторы обобщающих работ о консерватизме могли рассматривать установки вильгельминистов Веймарского периода лишь постольку, поскольку это было необходимо для выяснения действительной новизны взглядов «новых» консерваторов. Так поступал, например, М. Грайффен-

хаген, в освещении которого история консервативной мысли в Германии 1920 – начала 1930-х гг. представляла исключительно историей консерватизма «нового» толка. Именуемый Грайффенхагеном также «революционным», этот «новый» консерватизм оказался при таком подходе уже не одним из течений немецкой консервативной мысли, но целым этапом ее развития, совпавшим с периодом существования Веймарской республики [27]. Спустя двадцать лет К. Ленк схожим образом посвятил «революционному консерватизму» тот раздел своего обобщающего исследования истории немецкого консерватизма, в котором рассматривал ее Веймарский период [28].

Фактически отождествлять «революционный консерватизм» с консерватизмом как таковым историки могли и тогда, когда предпочитали использовать другие дефиниции националистических течений Веймарской Германии. Так, например, К. Зонтхаймер в своем исследовании, не уступавшем работе Молера по широте охвата материала, но превосходившем ее в аналитической строгости, обозначил совокупность этих течений термином «антидемократическая мысль». В его изложении, единственными консерваторами в этом стане оказались лишь те публицисты, которые называли себя «младоконсерваторами» и к течению которых он сам относил определение «революционного консерватизма» [29]. В принципе тот же круг публицистов, смешанных с некоторыми другими приверженцами «правой» идеи, служил олицетворением немецкого консерватизма 1918 – 1932 гг. и в работе американца К. Клемперера, который именовал их также «неоконсерваторами» [30]. Свидетельством устойчивости подобного подхода спустя сорок лет после появления бестселлера Зонтхаймера служит один из новейших обзоров историографии немецкого консерватизма 1920 – начала 1930-х гг., посвященный почти исключительно критике исследований «консервативной революции». Как отмечал его автор Р. Бусше, лишь немногие историки, занимавшиеся немецким консерватизмом того периода, «сумели не поддаться чарам понятия «консервативной революции» и не отнести к этой рубрике свои исследования». Постаравшись нарушить эту традицию и написать историю кон-

серватизма в Веймарской Германии как «цельного феномена», он, в противоположность Молеру и его последователям, назвал мышление и поведение «революционных консерваторов» характерным для всего консервативного лагеря страны [31].

В описаниях того нового, чем поколение «революционных консерваторов» разнообразило консервативную традицию, историки обращали внимание на их негативное отношение не только к Веймарской действительности, но и к ушедшей кайзеровской эпохе, которая оставалась образцом для консерваторов «старого» стиля [32]. Вместе с тем «революционные консерваторы» вплотную подходили к той грани, за которой присущее консерватизму стремление сохранить политический и культурный опыт последних столетий перерастало в его нигилистическое отрицание. Решимость к борьбе, отличавшая представителей этого направления, сказывалась также в их готовности учесть в своих планах не только традиционные силы порядка, но также и «прямые действия» широких масс. При этом консерватизм «нового» толка не отказывался и от притязаний на элитарность, в которых выражались уже не настроения прежних привилегированных слоев, а заявка представителей «образованного сословия» на роль «новой аристократии», призванной к водительству в обновленной Германии [33].

Стремление к синтезу «правого» и «левого» идейного наследия в идеологии «консервативной революции» О. Е. Шуддекопф объяснял преимущественно обстоятельствами времени, когда «консервативные силы осознали необходимость воздействия на политические массовые движения. Тогда их методы и стали революционными» [34]. По-своему возможность сплетения этих, казалось бы, разнородных мотивов раскрыл в своей расшифровке формулы «консервативной революции» Б. Йеншке, писавший, что «консервативный момент здесь ведет к включению части в целое и ее подчинение этому целому, а революционный – к свободе действий харизматического вождя, который способствует прорыву в неизбежно грядущую новую эру» [35]. Впрочем, ссылка на сочетание консервативных целей рассматриваемого движения и его «революционных» методов могла служить не только объяснением новизны данного феномена, но и аргументом в пользу его

преемственности с консервативной традицией. Это происходило в тех нередких случаях, когда его исследователи соглашались с тезисом Грайффенхагена о якобы имманентно присущем немецкому консерватизму противоречии между его антипросветительскими целями и неизбежно просветительскими средствами, а значит, изначально заложенном в нем революционном потенциале [36]. Именно эта дилемма и заявила о себе в «консервативной революции» как «отчаянном и смертельном прыжке немецкого консерватизма» после того, как ему «пришлось увидеть, что связь с общественными обстоятельствами, которые были для него единственно истинными и подлежащими сохранению, давно уже порвана... Тогда он и решился на своего рода жест отчаяния – он стал «революционным» [37].

Если оценки мировоззренческого содержания «консервативной революции» в трудах историков зачастую не исключали, а дополняли друг друга, то попытки определить ее пространственные и хронологические очертания приводили к большому разбросу мнений. В этом отношении ее многочисленные истолкования соотносятся друг с другом как часть с целым, что не мешает им порой соседствовать на страницах одних и тех же работ. Наиболее пространная из встречающихся в историографии интерпретаций «консервативной революции» указывает в качестве ее истоков на идейные течения, которые развивались в Европе после Великой французской революции и были направлены против начатых ею процессов индивидуальной и общественной эмансипации. Понятая в таком широком смысле, эта «революция» должна обладать неиссякаемым антимодернистским потенциалом и длиться уже два столетия практически во всех странах Старого Света. Так ее истолковывал прежде всего сам Молер, который указывал, что представил в своей книге лишь один отрезок истории «консервативной революции», искусственно ограниченный пределами Германии 1918 – 1932 гг. Считая создание более широкой панорамы задачей последующих изысканий, он ограничился в своей книге лишь перечнем зарубежных идеологов «революционно-консервативного» движения, включавшим среди прочих Ф. М. Достоевского и братьев Аксаковых, А. Сореля и М. де Унамуну, В. Парето

и Ю. Эволу [38]. Впоследствии и другие авторы связывали ранние манифестации этого движения с протестом против «духа XVIII века, западноевропейского естественного права и его революционных последствий», а более поздние – с недовольством, обращенным уже против «духа XIX столетия, позитивизма, парламентской демократии и хозяйственного либерализма» [39].

Либеральные историки в своем большинстве не сильно противоречили Молеру и тогда, когда объявляли «консервативную революцию» XX в. результатом политизации и радикализации этой тенденции, развивавшейся прежде лишь в сфере духовной культуры [40]. Один из первых и самых последовательных сторонников такой широкой интерпретации «революционного консерватизма» Ф. Стерн связывал возникновение его предпосылок с культуркритикой, начатой Ж.-Ж. Руссо и первыми романтиками, а затем продолженной в самой резкой форме Ф. Ницше и Ф. М. Достоевским. Прослеживая на примере Германии дальнейшее развитие этой традиции, вылившейся в 20-е гг. XX в. в политическую идеологию крайне правых националистических кругов, Стерн отмечал принципиальное сходство ее проявлений и в других странах Запада. В числе ее ведущих представителей он называл наряду с А. Меллером ван ден Бруком таких критиков новоевропейской либеральной культуры, как Ш. Моррас, М. Баррес и Г. д'Аннунцио [41]. Со Стерном был согласен Л. Дюпе, замечавший, что в мировоззрении «революционных консерваторов» Веймарской Германии «специфически немецкий ход мыслей» смешался с чертами европейской «универсальной контрреволюции» [42]. Но все же ни одна из национальных разновидностей этой общеевропейской контрреволюции не привлекала столь пристального внимания историков, как немецкая.

Действительно, весомость немецкого вклада в борьбу с либеральным духом Нового времени заставляет говорить о наличии особо «чистой» немецкой струи в общем потоке «консервативной революции», а то и усматривать в ней специфически немецкое явление. Не случайно Э. Трельч, первым внедривший это понятие в научный оборот, подразумевал под ним развитие романтической и идеалистической традиции именно в Германии XIX в. В 1922

году он писал о представителях немецкой исторической школы как о «консервативных революционерах духа», желавших строить новый жизненный порядок на сверхиндивидуальных, органических и эстетических ценностях, чуждых рационализму, индивидуализму и утилитаризму эпохи, открытой Просвещением и Французской революцией [43]. Тезис о «немецком движении», как воплощении «консервативной революции» позднее был подхвачен и авторами, не склонными ограничивать ее пределы Германией прошлого века. Так, представления о «немецком движении» удачно осовременил Молер, отождествивший его, с одной стороны, с немецким идеализмом конца XVIII – начала XIX столетия, с другой – с немецким вкладом в общеевропейскую «консервативную революцию» XX в. [44]. Также видевший в этой «революции» общеевропейское явление Стерн подчеркивал, что лишь в Германии она обернулась силой, способной играть решающую роль в духовной и политической жизни страны. При этом он указывал на особую укорененность этой «специфической реакции на модерн» в немецком общественном сознании [45].

Но, пожалуй, самую решительную попытку доказать специфически немецкое происхождение «консервативной революции» предпринял на страницах одного из ее современных изданий К. Свасьян. Рассматривая ее историю в контексте развернувшегося в Новое время «смертельного противоборства» «немецкого» и «английского» мировоззрений, этот автор увидел в ней не продукт эпохи в целом, но плод идейного развития лишь одной Германии. Первые признаки «консервативной революции», совпавшие с наиболее ранними проявлениями «немецкости», прослеживаются этим автором в спорах о природе познания, которые разворачивались между Парацельсом и Бэконом, Гете и ньютонианцами, Лейбницем и Кларком [46]. Как указывал Свасьян, чисто немецкая вера в безграничные возможности практически-волевых устремлений души познающего субъекта приобрела опасную политическую окраску только во времена Ницше. С данной точки зрения феномен, называемый нынче «консервативной революцией», является результатом националистической интерпретации «универсальной духовной миссии Германии» и одновременной деформации «не-

мецкой идеи» [47]. Впрочем, и такое сужение подхода к понятию «консервативной революции» не гарантирует его однозначной интерпретации. Среди исследователей не было единства ни в представлениях о ее месте среди других политических течений Германии, ни во взглядах на состав входивших в него группировок и принадлежавших к нему лиц.

Несмотря на популярность концепции Молера, его представление о «консервативной революции» как «третьей силе», промежуточной между традиционным консерватизмом и нацизмом, являлось для многих его коллег не бесспорным. Например, под этой «революцией» можно подразумевать вслед за Дюпе идеологию, присущую всей совокупности правых сил Германии 1920 – начала 1930-х гг. [48], или же, подобно Зонтхаймеру, лишь одно из течений немецкой антидемократической мысли. К этим течениям Зонтхаймер причислял также «дойч-национализм», идеологию «фелькише», «революционный национализм», «национал-большевизм» и национал-социализм [49]. При определении политических координат «революционного консерватизма» высказывалось и мнение о его принадлежности наряду с другими антидемократическими течениями немецких правых к лагерю «фелькише». В частности, М. Брошат полагал, что различия между сторонниками обоих течений состояли лишь в стиле изложения взглядов, которые они исповедовали [50]. Однако в данном случае можно, скорее, согласиться с Х. Герстенбергер, отмечавшей, что при всей мировоззренческой близости этих доктрин их содержание все же не исчерпывалось идеями «фелькише» [51]. В самом деле, среди идеологов «консервативной революции» находились люди, которым претил, например, «биологический» антисемитизм как фелькише, так и национал-социалистов. Впрочем, здесь вопрос о внешних границах «консервативной революции» и ее места в ряду других антидемократических течений Германии смыкается с проблемой ее внутренней типологии.

Учитывая неоднородность немецкой «консервативной революции», Молер выделил в ее составе обладавшие, как он писал, слабой организационной базой идейные течения «фелькише», «младоконсерваторов» и «национал-революционеров», а также

движения «бюндише» («союзной» молодежи) и «селян», развившиеся раньше, чем успела оформиться их идеология. Из этих пяти групп, названия которых, как признавал сам автор, имели «условный и собирательный характер», только «селяне» и «национал-революционеры» целиком относились к явлениям послевоенного периода. Остальные течения брали, согласно Молеру, истоки в предвоенном прошлом Германии или прослеживали свою родословную на протяжении всего XIX столетия [52]. Еще одной попыткой классификации «революционно-консервативного» движения стало предложенное Р. П. Зиферле членение так называемого символического поля «консервативной революции» на пять «мировоззренческих элементов». К ним он отнес «комплекс фелькише» (представление о непреходящей ценности собственной нации), «национал-социализм» (идею сильного государства, в котором будут устранены классовые противоречия и осуществлена утопия «народной общности»), «революционный национализм» (развившиеся после войны стремления к союзу с «угнетенными нациями» против западных держав-победительниц), «активистский витализм» (стремление к преодолению отчуждения через членство в «мужских союзах» и «боевых сообществах»), а также «биологический натурализм» (понимание истории как результата борьбы рас) [53].

Очевидно, что представленные типологии течений «консервативной революции» сами по себе подчеркивали ее гетерогенный характер. Уже поэтому можно понять тех авторов, которые предлагали наиболее «узкий» из возможных вариантов трактовки ее названия, подразумевая под ним лишь одно из выделенных Молером течений. По этому пути шел не только Зонтхаймер, для которого «младоконсерватизм» являлся синонимом «консервативной революции», но и многие историки, не стремившиеся к подобной понятийной строгости. Так, исследовательница из ФРГ Х. Герстенбергер и ее оппонент из ГДР Й. Петцольд одинаковым образом свели свои исследования немецкой «консервативной революции» почти исключительно к анализу взглядов представителей «младоконсервативного» течения [54]. «Младоконсерваторы» пользовались преимущественным вниманием и со стороны тех авторов,

которые ставили перед собой задачу более широкого обзора того, что принято называть «консервативной революцией» [55]. Круг ее ведущих деятелей в каждом случае мог очерчиваться по-разному, но чаще всего в него попадали А. Меллер ван ден Брук, О. Шпенглер, Г. фон Гляйхен, М. Х. Бем, Э. Ю. Юнг, Г. Фрейер, В. Штапель и Г. Церер. К нему могли быть причислены и другие публицисты, принадлежавшие к основанному Меллером «Июньскому клубу», составлявшие костяк смежного с ним движения «Ринг» и входившие в кружок вокруг журнала «Ди Тат» [56].

Частое появление «младоконсерваторов» на страницах исследований «консервативной революции» в образе если не единственных, то наиболее «чистых» ее представителей не исключало попыток найти ее концентрированное выражение и в других националистических течениях Веймарского периода. В этом отношении конкурентами «младоконсерваторов» выступали Х. Франке, Ф. Хильшер, Ф. Шаувеккер и ряд других публицистов, которых Зонтхаймер относил к развивавшемуся параллельно с «консервативной революцией» движению «революционного национализма». Но, бесспорно, самыми популярными персонажами историографии «консервативной революции» наряду с вождями «младоконсерватизма» были Э. Юнгер и Э. Никиш [57]. Правда, если Молер называл всех указанных деятелей «национал-революционерами», то, например, тот же Зонтхаймер причислял двух последних к «национал-большевикам», а Дюпе мог применять к ним оба названия. В «национал-большевизме» Юнгера и Никиша французский исследователь видел ответвление «истинного и радикального революционного национализма», являвшего собой «в определенном смысле высшую ступень консервативной революции» [58].

Примечательно, что, исследователи «консервативной революции», предпочитавшие рассматривать ее на примере «младоконсерваторов», не могли, все же, обойтись в своих работах без упоминаний о представителях других ее течений. Подобно им, Дюпе был также вынужден значительную часть своей штудии о «национал-большевизме» посвятить анализу взглядов Меллера. Кроме того, само «национал-большевистское» движение отличалось, как следует из книги его бывшего идеолога К. О. Петеля или моногра-

фии А. Бахара, организационной пестротой и мировоззренческой неоднородностью [59]. О том же, если не о слишком широкой трактовке данного феномена, свидетельствует и труд О. Э. Шуддекопфа, подразумевавшего под ним не только «социал-революционные» течения немецкого национализма, но и националистические тенденции в КППГ и даже просоветские маневры руководства рейхсвера [60]. Однако нагляднее всего условный характер не только выделяемых историками течений «консервативной революции», но и применяемых при этом дефиниций демонстрировал ее современник и автор первой одноименной книги Г. Раушнинг. Эта «революция» означала для него синтез христианской и монархической идей и вместе с тем антитезу той «революции нигилизма», которая венчает рационалистическую динамику модерна и находит свое воплощение в нацизме, большевизме и национал-большевизме [61]. Таким образом, в лагерь ярых врагов «консервативной революции» Раушнинг зачислял и некоторых из тех, кого историки относят к ее самым ярким поборникам [62].

Очевидно, картина отдельных течений «консервативной революции» представляется расплывчатой не только из-за их произвольного дефинирования, но и в силу неоднородности самих этих течений, члены которых нередко меняли свои взгляды и взаимно влияли друг на друга вопреки их различной групповой принадлежности. К тому же определение этой принадлежности дополнительно затруднялось тем, что в общий лагерь «революционных консерваторов» могло входить немало деятелей, которые не принадлежали ни к одной из его групп или примыкали сразу к нескольким из них. Эту и без того запутанную картину усугубляет заложенная еще Молером, но развившаяся именно в последних исследованиях «консервативной революции» тенденция причислять к ее идеологам все большее число самых разных мыслителей Веймарского периода. Теперь к ним наряду с М. Хайдеггером, М. Шелером, М. Бубером или Т. Лессингом нередко относят давно забытых авторов второго ранга [63]. В конечном итоге такая инфильтрация понятия «консервативной революции» за пределы его первоначального применения позволяет считать ее представителем практически любого деятеля, который не был заведомым на-

цистом, марксистом или либералом. Поэтому можно согласиться с В. Лакером в том, что любая попытка их классификации «была бы не слишком благодарной задачей» [64].

В описанной ситуации любые суждения о немецкой «консервативной революции» как относительно стройном и цельном явлении кажутся все более спорными. Поэтому для их приверженцев приобретает особую актуальность еще одна трудновыполнимая задача – поиск мировоззренческого ядра, которое, с одной стороны, объединяло в стане «революционного консерватизма» весьма несхожих мыслителей и разные идейные течения, а с другой – обеспечивало его автономию от других магистральных идеологий эпохи. Можно заметить, что повсеместно упоминавшиеся в литературе о «консервативной революции» в качестве ее сущностных черт воинствующий национализм и антидемократизм отвечают лишь первому, но не второму из этих условий. Однако то же самое можно сказать и о специально предпринимавшихся попытках дополнить эти бесспорные, но не уникальные признаки еще одним или несколькими, характерными для всей совокупности течений «революционного консерватизма», но ограниченными только его пределами.

В качестве такого интегрирующего начала Молер называл свойственное якобы всем «революционным консерваторам» представление о цикличности времени и связанную с ним идею «вечного возвращения». Спровоцированное Ницше «наступление на линейную картину мира», коренящуюся в христианстве и рационализме европейского Просвещения, он считал «основополагающим стереотипом «консервативной революции», который дает о себе знать во всех ее многообразных проявлениях [65]. На протяжении последующих пятидесяти лет исследователи «консервативной революции», частично дополняя, частично повторяя друг друга, называли множество других специфических для ее мировоззрения элементов (приоритетных понятий, идей, образов, мыслительных и поведенческих стереотипов и т. п.). К таким элементам, называя их в тех или иных сочетаниях или порошь, обычно относили неприятие политического либерализма вкуче с индивидуализмом, утилитаризмом и партийно-парла-

ментскими системами [66]; неспособность мыслить экономическими категориями и соответствующим образом действовать [67]; антикапиталистический аффект [68] и отрицание буржуазного уклада жизни [69]; враждебный меркантильному сознанию «героический» жизненный идеал («героический реализм») [70]; метаполитическую утопию, вытекающую из эстетизации политической сферы чуждым ей романтическим сознанием [71]; идеал «органической народной общности» как антипода атомизированного буржуазного общества [72]; доктрины «органического (пруССкого, немецкого, народного или национального) социализма» [73]; элитаризм и принцип вождизма [74]; имперский миф [75]; идею сословного государства [76]; а также попытки противопоставить дезинтегрирующему влиянию западной цивилизации немецкую культурную традицию [77]. Бесспорно, этот перечень способен дать представление о богатстве оттенков «революционно-консервативной» идеологии. Однако его обширность сама по себе не проясняет ни контуров вдохновлявшегося ею движения, ни его места в политическом спектре Веймарской Германии [78]. Многие, если не все указанные в нем элементы были присущи в 1920 – начале 1930-х гг. мировоззрению самых разных и весьма широких слоев, не принявших ни современного индустриального общества с его противоречиями и духом конкуренции, ни далеко не безупречной Веймарской демократии. Так или иначе, «консервативная революция» до сих пор остается явлением столь же трудноуловимым, сколь противоречиво ее название.

Вероятно, это обстоятельство послужило одним из импульсов к активизации в 1990-е гг. тех сторонников «историко-социологической» дефиниции консерватизма, которые заявляют о бессмысленности этого названия или даже отрицают сам факт «консервативной революции» в Германии 1920 – начала 1930-х гг. Подобный вывод мог вытекать не только из тезиса о связи консерватизма с интересами феодальной знати, но и из общих представлений об идеологии как выражении социально-экономических интересов господствующих в данный момент элит. В таком случае все мировоззренческие системы, классифицируемые как идеологии, наделяются сугубо «охранительным» содержанием, а значит, и теми

функциями, которые ранее признавались лишь за консерватизмом. Такой подход, восходящий к «социологии знания» К. Мангейма, хотя и не ведет с неизбежностью к тезису о «смерти» консерватизма в XX в., но все же позволяет уйти от стереотипных представлений о сугубо консервативной природе современных «правых» движений. Первая серьезная попытка оспорить на данном основании консервативное содержание немецкой «консервативной революции» была связана именно с таким пониманием идеологии как «оправдания господства». Ее автор Х. Герстенбергер еще в 1968 г. полагала критерием оценки идеологий не их «вербальное» или «историко-хронологическое» соответствие имевшимся идейным образцам, но в первую очередь характер защищаемых ими хозяйственных систем [79]. В итоге своего анализа «революционного консерватизма» в Германии 1920 – начала 1930-х гг. исследовательница пришла к выводу о его стремлении к сохранению частнокапиталистического хозяйства и, следовательно, о его «либеральном», точнее, «либерально-реакционном» характере [80].

Пожалуй, наиболее решительное обоснование тезиса о том, что консерватизм «давно мертв и похоронен», предложил в 1986 г. автор одного из фундаментальных исследований его истории П. Кондылис. Рассматривая консерватизм как «хронологически четко очерченное явление» и относя его к «периоду перехода от *societas civilis* к дуализму общества и государства», этот автор взялся разоблачить «псевдоконсервативный» характер позднейших одноименных течений, в том числе и немецкой «консервативной революции» [81]. Стоит заметить, что при этом Кондылис двигался – хотя и с несколько иных исходных позиций – в том же направлении, что и Герстенбергер, зачастую повторяя ее оценки и солидаризуясь с ее выводами. Прежде всего обоих авторов сближало представление об обострившемся в новейшую эпоху противоречии между двумя изначально присущими либерализму стремлениями, с одной стороны, к экономической, с другой – к политической эмансипации.

Так, согласно Герстенбергер, радикализация политических требований либерализма, подхваченных к тому же социализмом, все больше вынуждала либералов отстаивать созданный ими

хозяйственный порядок, т. е., становится в политическом плане «консервативными». На этом основании она помещала «революционный консерватизм» в ряд «оборонительных идеологий, развивавшихся в недрах либерально-буржуазного общества для того, чтобы не допустить полной реализации либерализма» [82]. Схожим образом Кондылис доказывал, что под маской «консерватизма» в новейшую эпоху выступает часть расколовшегося либерального лагеря, хранящая идейное наследие «старого либерализма» в борьбе против экстремистского, «якобинского» «социал-либерализма». С этой точки зрения критика массовой эгалитарной демократии и «социального государства», которую в XX в. принято называть «консервативной», берет начало в либеральной традиции XIX в. Свои представления об отсутствии научно доказуемой преемственности между современным («неолиберальным») «консерватизмом» и консерватизмом историческим Кондылис перенес и на немецкую «консервативную революцию». Сочетание либеральных экономических воззрений с авторитарным идеалом государственной власти составляло для него ее главное противоречие [83]. Но поскольку цели этой «революции» открывались ему, как и Герстенбергер, в социально-экономическом содержании ее идей, он склонялся к выводу о ее скорее либеральном, чем консервативном характере: «сильное авторитарное государство, какую бы форму оно ни приняло, должно было полностью или частично устранить парламентаризм, а значит и политический либерализм для того, чтобы спасти либерализм хозяйственный» [84].

Антилиберальный, антизападнический пафос «консервативной революции» Кондылис объяснял уникальностью ситуации, в которой оказалась разгромленная в первой мировой войне и униженная «либеральными» западными державами Германия [85]. Кроме того, отсутствие «специфически-консервативного» содержания у немецкой «консервативной революции» означало для Кондылиса беспочвенность представлений и о ее враждебности модерну. Напротив, он распознал в ней «модернистскую заинтересованную группу», желавшую приспособить государство к своим потребностям и выступавшую при этом – как и весь «так называемый» современный консерватизм – преемницей либерализма XIX в. [86].

Впрочем, сомнения относительно антимодернистской направленности «консервативной революции» или того, что принято понимать под этим названием, в последнее время высказывали и другие историки [87]. Так, Зиферле интерпретировал ее программы как проекты «альтернативного модерна», означавшего «одобрение техники при отрицании политической модернизации» [88]. К аналогичному выводу о стремлении «революционных консерваторов» «соответствовать духу времени» и их тяге к модерну пришел и Хр. Верт. Но если Зиферле не отказывался на этом основании от применения привычной дефиниции, а наоборот, распространил ее применение на нацизм [89], то Верт объявил любое использование в данном случае понятия «консерватизма», а значит, и «консервативной революции», «вводящим в заблуждение» [90].

Попытки Герстенбергер и Кондылиса решить проблемы современного консерватизма путем его простого отрицания вряд ли могли вызвать единодушное согласие политиков, относящих себя к этому направлению, или коллег, занятых его изучением. Однако в случае с «консервативной революцией» их тезис о доминирующем либеральном начале оказался если и не бесспорным, то побуждающим других авторов к ее переосмыслению. Как заметил К. Вайсманин, даже если современный исследователь не согласится с Кондылисом и откажется видеть в «революционном консерватизме» «дезориентированный старый либерализм», он «не сможет не заметить, как много у него истоков в либерализме и насколько узким было его действительное идеологическое соответствие традиционному консерватизму» [91].

По парадоксальному стечению обстоятельств, наиболее решительная попытка оспорить устоявшиеся представления о «консервативной революции» и даже вычеркнуть ее из списка политических движений XX в. была предпринята именно в то время, когда уже не только в Европе, но и в США и даже в России набирала силу новая «революционно-консервативная» волна [92]. В начале 1990-х гг. Шт. Брейер в своем историко-социологическом исследовании взялся доказать, что различия мировоззрений и политических взглядов так называемых революционных консерваторов Веймарской Германии не позволяют относить их к единому

и обособленному движению [93]. Более того, этот автор подверг сомнению наличие общего для «революционных консерваторов» и якобы только им присущего «менталитета», о котором писал в свое время Молер. Черты, которые действительно сочетались в их сознании – апокалиптику, готовность к насилию, а также веру в мужское «братство» – Брейер считал недостаточными для вычленения их в самостоятельное движение, поскольку эти же свойства были характерны для всего праворадикального лагеря Веймарской Германии [94].

На данном основании, а также опираясь на выводы Кондылиса о либеральной природе «революционного консерватизма», Брейер отрицал наличие смысла у его названия, а обозначавшиеся им силы предлагал впредь рассматривать как течения «нового национализма». В качестве отличительных черт такого национализма он называл холистские представления о нации, воинственность без империалистических устремлений и «революционизм» без якобинства [95]. Брейер развивал и другую мысль Кондылиса, утверждавшего, что в случае с «младоконсерваторами» речь идет не об антимодернистском протесте, а, скорее, об «ансамбле поисков ориентиров в условиях модерна» [96], однако его общий вывод звучал еще более радикально: «Нельзя выявить ядро политических, социальных или экономических убеждений, которое было бы присуще только авторам Консервативной революции и отличало бы их от других течений... Консервативная революция есть понятие, которое не имеет под собой основы и вносит больше недоразумений, чем ясности. Поэтому оно должно быть вычеркнуто из списка политических течений XX в.» [97].

Можно заметить, что Брейер, увидевший в названии «революционного консерватизма» скорее метафору, чем строгую дефиницию, добился своей попыткой развенчать его, скорее, обратного эффекта. Прежде всего он способствовал новому всплеску интереса к этому феномену, а его критика уязвимых сторон концепции Молера послужила одним из импульсов к осмыслению достигнутого и поиску новых путей исследования проблемы. И хотя попытки Брейера вычеркнуть «консервативную революцию» из списка политических течений XX в. пока не увенчались успехом (при-

мечательным образом он и сам, как ранее Кондылис, не обошелся в своих сочинениях без этого объявленного им же «химерой» понятия), последние обзоры ее историографии сосредоточены, прежде всего, на разборе его концепции [98].

Споры историков, отстаивавших в 1990-е гг., с одной стороны, те или иные версии традиционной трактовки «консервативной революции», а с другой – тезис об отсутствии смысла у ее названия, не помешали появлению подхода, идущего вразрез с обеими точками зрения. Такой подход содержался в недавней работе Бусше, одинаково резко оценивавшего как попытки Молера представить «консервативную революцию» единственной по-настоящему консервативной силой Веймарской республики, так и стремление Брейера отрицать ее консервативное содержание. Тезису Брейера – «чем бы ни была «консервативная революция», *консервативной* революцией она не была» [99], Бусше противопоставил другой – «чем бы ни была «консервативная революция», она не была автономным, существенно отличавшимся от других консервативных групп движением, и уж тем более она не была *революцией*» [100]. «Там, где этот термин всплывает в литературе 1920 – начала 1930-х гг., – продолжал он далее, – его надо понимать не как обозначение движения, стремящегося прочь из традиционного консервативного пространства, но как ярлык для обозначения консерватизма после 1918 г. как целого, для тенденции, которая... определяла облик всего консерватизма в Веймарской республике». Общим моментом, а значит, и сущностью этого движения Бусше считал «чарующую мечту о реставрации аполитичного общества», явившуюся реакцией на политизацию государства и общества после 1918 г., а также «политизацию аполитичного», т. е. поведение, направленное на «восстановление возможности гарантированного аполитичного бытия» [101]. В качестве «элементарных характеристик» такого консерватизма он называл представление о том, что политика должна следовать «вечным», не подверженным рациональному сомнению законам; стремление вернуться не к традиционным политическим институтам, но к традиционному, аполитичному поведению; ориентацию не на реальную политику, но на метаполитическую конструкцию, базирующуюся на этиче-

ски и религиозно мотивированном политическом иррационализме, а также «фундаментальный плюрализм» или, точнее, «плюрализм фундаментализмов» [102].

Подводя итог, можно заметить, что последнее десятилетие зарубежных исследований немецкой «консервативной революции» отличалось разнообразием едва ли не всех возможных подходов к данному феномену, которые выражались, к тому же, в предельно заостренной, порой провокативной форме. Дополнительную напряженность в нынешние дискуссии привнес ренессанс «революционно-консервативных» настроений, ставший заметным явлением не только общественно-политической, но и историографической ситуации 1990-х гг. Теперь исследователи все чаще обосновывают актуальность своих работ о «консервативной революции» ссылаясь на ослабление критического отношения к ее идеям в современном общественном сознании и вновь обнаружившуюся проблематичность дихотомии «левого» и «правого» в политике [103]. Однако не исключено, что интерес историков к этим идеям лишь отчасти объясняется тревогой по поводу возрождения «революционного консерватизма» в современных радикальных движениях. Тот факт, что этот интерес все чаще приобретает благосклонный характер, позволяет согласиться с мыслью о том, что он может быть вызван также «притягательностью политической и культурологической концепции «консервативной революции», чья критика модерна, либерализма и демократии, несмотря на недостаточность предложенных ею альтернатив, действует до сих пор впечатляюще» [104].

1. См.: *Молодяков В. Э.* Консервативная революция в Японии. Идеология и политика. М., 1999; *Дугин А.* Консервативная революция. М., 1994. С. 24 – 25; *Wischnewskij A.* Die Modernisierung der UdSSR als konservative Revolution. Implikationen für das heutige Rußland. Köln, 1998; *Пормозер Г., Френкин А.* Консервативная революция // ПОЛИС. 1992. № 1. Однако впечатляющая пестрота данного перечня меркнет перед множеством значений, в которых термин «консервативная революция» выступал в течение полутора веков его применения в зарубежной исторической и общественно-политической литературе (см. подр.: *Mohler A.* Die konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932. Ein Handbuch. Darmstadt, 1972. S. 9 – 15).

2. См.: напр.: *Benoist A. de*. Die konservative Revolution in Deutschland // EUROPA VORN spezial Nr. 2 / 1. – 2. Quartal 1992. S. 30 – 37; *Eichberg H.* Der Unsinn der «Konservativen Revolution». Über Ideengeschichte, Nationalismus und Habitus // WIR SELBST. Zeitschrift für nationale Identität. 1996. № 1. S. 9 – 12.

3. См.: *Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1967. С. 312 – 319; *Гинцберг Л. И.* Идеологическая подготовка прихода фашизма к власти // Ежегодник германской истории. 1969. М., 1970. С. 378 – 380; *Бланк А. С.* Идеология германского фашизма. Вологда, 1974. С. 34 – 44; *Одудев С. Ф.* Тропами Заратустры. М., 1976; *Бессонов Б. Н.* Фашизм: идеология, политика. М., 1985. С. 91 – 94. На тех же позициях стоял историк из ГДР Й. Петцольд: *Petzold J.* Konservative Theoretiker des deutschen Faschismus. Jungkonservative Ideologie in der Weimarer Republik als geistige Wegbereiter der faschistischen Diktatur. Berlin, 1982. Как видно уже из названий указанных работ, немецкая «консервативная революция» рассматривалась историками-марксистами в качестве идеологической предтечи нацизма. Проблема ее взаимосвязи с нацизмом сохраняет свою актуальность и по сей день, однако ее освещение западными авторами требует специального анализа и в данной статье не затрагивается. См. об этом подробнее: *П. Ю. Рахмиров*. Проблема взаимосвязи нацизма и «революционного консерватизма» в буржуазной историографии // Ежегодник германской истории. 1972. М., 1973; *Kroll F.-L.* Konservative Revolution und Nationalsozialismus. Aspekte und Perspektiven ihrer Forschung // Stand und Probleme der Erforschung des Konservatismus. Berlin, 2000. S. 105.

4. См.: *Пленков О. Ю.* Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997; *Артамошин С. В.* Идеиные истоки национал-социализма. Брянск, 2002.

5. На это жаловался уже первый исследователь немецкой консервативной революции А. Молер (см.: *Mohler A.* Op. cit. S. 21 – 22, 24).

6. См.: *Weißmann K.* Die Konservative Revolution – Forschungsstand und Desiderata // Stand und Probleme... S. 126. По понятным причинам, это относится в первую очередь к немецкой историографии проблемы (наиболее пространную библиографию немецкой «консервативной революции» по 1971 г. см.: *Mohler A.* Op. cit. S. 179 – 549; с 1972 по 1989 гг. – *Mohler A.* Die Konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932. Ergänzungsband. Darmstadt, 1989; с 1989 по 1993 гг. – *Homann Th., Quaet G.* Bibliographie zur Konservativen Revolution // Jahrbuch zur Konservativen Revolution. 1994. Köln, 1994. S. 361 – 398). Естественно, что в рамках данного обзора могут быть рассмотрены лишь наиболее значительные исследования. Национальная принадлежность англо- и франкоязычных авторов, важнейшие работы которых переведены на немецкий язык, здесь будет указываться особо.

7. В этом отношении характерен пример Э. Нольте, относившего в своем бестселлере начала 1960-х гг. понятие «консервативной революции» к итальянскому фашизму и «Аксьон франсез», но ни разу – к националистическим

движениям в Веймарской Германии (см.: *Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. Action française. Italienischer Faschismus. Nationalsozialismus.* München, Zürich, 1995. S. 180, 274). В 1990-е гг. этот патриарх немецкой историографии наверстывал упущенное, вплетая данную тему в контекст своих историософских размышлений и эссе о Ницше, Хайдеггере и т. п.

8. Усилия советских историков, отстаивавших марксистско-ленинский тезис о революции как факторе исторического прогресса, направлялись, в основном, на отрицание революционного характера «консервативной революции». При этом ее принадлежность к консервативной традиции не подвергалась сомнению (см. напр.: *Рахимур П. Ю.* Указ. соч. С. 411, 414 – 415).

9. В данном случае речь пойдет о типологии, использованной, в частности, в исследовании немецкого консерватизма К. Ленком (см.: *Lenk K. Deutscher Konservatismus.* Frankfurt a. M., 1989. S. 13 – 17). Ее применение с некоторыми модификациями в российской историографии см.: *Мусихин Г. И.* Противоречие авторитета и традиции в мировоззрении немецких и русских консерваторов // *Полис.* 1999. № 1. С. 175.

10. *Lenk K.* Op. cit. 1989. S. 14 – 15.

11. См.: *Ebenda.* S. 15 – 16.

12. См.: напр.: *Рахимур П. Ю.* Современные тенденции буржуазной историографии фашизма // *Новая и новейшая история.* 1971. № 6. С. 28.

13. См.: напр.: *Schwierskott H.-J.* Arthur Moeller van den Bruck und die Anfänge des Jungkonservatismus in der Weimarer Republik. Göttingen, 1962. S. 76 ff.; *Laquer W.* Weimar. Die Kultur der Republik. Frankfurt a. M., 1976. S. 104 – 127.

14. См.: *Lenk K.* Op. cit. S. 13 – 14.

15. См.: *Mann Th.* Schriften und Reden zur Literatur, Kunst und Philosophie. Bd. I. Frankfurt a. M., 1968. S. 116; *Moeller van den Bruck A.* Das Dritte Reich. Hamburg, 1931. S. 27; *Hofmannsthal H. von.* Das Schrifttum als geistiger Raum der Nation. Rede, gehalten im Auditorium maximum der Universität München am 10. Januar 1927 // *Ders.* Gesammelte Werke in Einzelausgaben. Prosa IV. Frankfurt a. M., 1966. S. 412 – 413; *Jung E. J.* Deutschland und die konservative Revolution // *Deutsche über Deutschland.* Die Stimme des unbekanntenen Politikers. München, 1932. S. 380 ff.

16. Быть истинным консерватором значило, по определению Меллера, хранить «не все наличные ценности, но только те, которые достойны сохранения» (*Moeller van den Bruck A.* Op. cit. S. 189). «Революционный консерватизм», – вторил ему Э. Ю. Юнг, – жертвует временными ценностями для того, чтобы спасти вечные» (*Jung E. J.* Sinndeutung der deutschen Revolution. Oldenburg i. D., 1933. S. 20). При этом и тот, и другой перефразировали слова П. Лагарда: «Для того, чтобы быть консерватором, необходимы обстоятельства, достойные консервации» (*Lagarde P.* Deutsche Schriften. Göttingen, 1920. S. 8).

17. См. ее первое издание: *Mohler A.* Die konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932. Grundriß ihrer Weltanschauungen. Stuttgart, 1950. Автор книги, бывший секретарь Э. Юнгера и ученик К. Ясперса, положил в ее основу материалы защищенной им в 1949 г. в г. Базеле диссертации. Его труд переиздавался в ФРГ в 1972 и 1994 гг. в качестве справочника, а в 1989 – в расширенном варианте, дополненном новейшей библиографией и обзором историографии проблемы.

18. *Mohler A.* Op. cit. S. XXVIII.

19. См.: Там же. S. 3, 11 – 12.

20. См.: Там же. S. 12.

21. Даже называвший концепцию Молера «теоретически необидительной» Бусше отмечал «библиографическое усердие» автора, делающее его книгу незаменимым справочным пособием (см. *Bussche R.* von dem. Konservatismus in der Weimarer Republik. Die Politisierung des Unpolitischen. Heidelberg, 2000. S. 5. Схожую оценку см.: *Lenk K.* Op. cit. S. 110; *Breuer S.* Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 1993. S. 1).

22. Не случайно принципиальное отрицание тем или иным историком самого феномена «консервативной революции» до сих пор означает прежде всего опровержение концепции Молера (см. напр.: *Breuer S.* Op. cit. S. 47 – 48, 181; *Eichberg H.* Op. cit.). Сам Молер в 1990-е гг. с явным удовлетворением писал о том личном почтении, которое ему оказывали даже самые непримиримые его оппоненты (см.: *Mohler A.* Zum Geleit // *Jahrbuch...* S. 20, 24).

23. См.: напр.: *Klemperer K. von.* Konservative Bewegungen zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München, 1967. S. 247; *Sieferle R. P.* Die Konservative Revolution. Fünf biographische Skizzen (Paul Rorbach, Werner Sombart, Oswald Spengler, Ernst Junger, Hans Freyer). Frankfurt a. M., 1995; *Woods R.* Konservative Revolution und Nationalsozialismus in der Weimarer Republik // *Bialas W., Iggers G.* Intellektuelle in der Weimarer Republik. Frankfurt a. M., 1993. S. 123.

24. *Stern Fr.* Kulturpessimismus als politische Gefahr. Eine Analyse nationaler Ideologie in Deutschland. Bern, 1963. S. 7.

25. См.: *Rudolph H.* Kulturkritik und Konservative Revolution. Zum kulturell-politischen Denken Hoffmannstahls und seinem problemgeschichtlichen Kontext. Tübingen, 1971. S. 269; *Hecker H.* Die Tat und ihr Osteuropabild. 1909 – 1939. Köln, 1974. S. 193.

26. См. напр. *Klemperer K. von.* Op. cit. S. 18 ff. О падении престижа «старых» консерваторов в Веймарской Германии см. напр.: *Booms H.* Die deutschkonservative Partei. Preußischer Charakter, Reichsauffassung, Nationalbegriff. Düsseldorf, 1954; *Ribhegge W.* Konservative Politik in Deutschland. Von der Französischen Revolution bis zur Gegenwart. Darmstadt, 1989).

27. См.: *Greiffenhagen M.* Das Dilemma des Konservatismus in Deutschland. München, 1970. S. 349.

28. См.: *Lenk K.* Op. cit. S. 109 ff.
29. См.: *Sontheimer K.* Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus Zwischen 1918 und 1933. München, 1962. В дальнейшем ссылки даются на второе издание этой книги: *Sontheimer K.* Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1983. S. 113, 118.
30. См. *Klemperer K. von.* Op. cit. S. 247.
31. См.: *Bussche R. von dem.* Konservatismus in der Weimarer Republik. Die Politisierung des Unpolitischen. Heidelberg, 2000. S. 1, 5 – 7, 23. При этом Бусше полагал, что восполняет позорный пробел предыдущих исследований, так и не сумевших показать, чем же являлся консерватизм в Веймарской республике, зато внушавших ложное представление о его якобы недостаточно «консервативном» характере. Причину заблуждений некоторых из своих коллег, прежде всего Клемперера, он видел в их стремлении сравнивать то, что имело место в историческом прошлом, с собственными представлениями о том, чем должен являться искусственно смоделированный ими «истинный» консерватизм (Ebenda. S. 8).
32. См.: *Sontheimer K.* Op. cit. S. 30, 40; *Eckert H.-W.* Konservative Revolution in Frankreich? München, 2000. S. 5.
33. См.: *Sontheimer K.* Op. cit. S. 31, 39; *Stern Chr.* Op. cit. S. 18, 318 ff.
34. *Schüddekopf O. E.* Linke Leute von rechts. Die nationalrevolutionären Minderheiten und der Kommunismus in der Weimarer Republik. Stuttgart, 1960. S. 22.
35. *Jenschke B.* Weltanschauung und Politik bei Edgar Julius Jung. Ein kritisches Kapitel zur konservativ-revolutionäre Ideologie. München, 1971. S. 185.
36. *Greiffenhagen M.* Op. cit. S. 62, 353.
37. См.: Ebenda. S. 19, 23, 241, 244. В этих рассуждениях Грайффенхаген отчасти развивал известные положения К. Мангейма, обратившего внимание в своих пионерских исследованиях консерватизма на его одновременное с новоевропейским рационализмом происхождение и «стремление выступать против Просвещения, опираясь на Просвещение».
38. См.: *Mohler A.* Die konservative Revolution... S. 23.
39. См.: *Stern Fr.* Op. cit. S. 5; *Rudolph H.* Op. cit. S. 266; *Klemperer K. von.* Op. cit. S. 239 – 240.
40. См.: напр.: *Rudolph H.* Op. cit. 263 – 283.
41. См.: *Stern Fr.* Op. cit. S. 5.
42. *Dupeux L.* «Nationalbolschevismus» in Deutschland 1919 – 1933. Kommunistische Strategie und konservative Dynamik. Frankfurt a. M., 1985. S. 19.
43. См.: *Трельч Э.* Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М., 1994. С. 240 – 241.
44. См.: *Mohler A.* Die konservative Revolution... S. 12 – 14.
45. См.: *Stern Fr.* Op. cit. S. 14, 319.

46. См.: *Swassjan K.* Die deutsche konservative Revolution. Zur geschichte eines Mißverständnisses // *Jahrbuch zur Konservativen Revolution.* 1994. Köln, 1994. S. 166 – 167.

47. См.: *Ebenda.* S. 168.

48. См.: *Dupeux L.* Op. cit. S. 18.

49. *Sontheimer K.* Op. cit. S. 120.

50. См.: *Gerstenberger H.* Der revolutionäre Konservatismus. Ein Beitrag zur Analyse des Liberalismus. Berlin, 1969. S. 13.

51. См.: *Ebenda.*

52. См.: *Mohler A.* Die konservative Revolution... S. 130 ff.

53. См.: *Sieferle R. P.* Op. cit. S. 7 – 44. Один из критических отзывов на работу Зиферле см.: *Perels P.* Inniges Verstehen. Rolf Peter Sieferle fühlt sich in die Gedankenwelt konservativer Revolution ein // *Zeit.* 24.05.1996.

54. См.: *Gerstenberger H.* Op. cit. S. 9; *Petzold J.* Op. cit. См. также исследование японского автора Ё. Ишиды: *Ischida Y.* Jungkonservative in der Weimarer Republik. Der Ring-Kreis 1928 – 1933. Frankfurt a. M., 1988.

55. Например, «наиболее чистым воплощением «консервативной революции» называл «младоконсервативное» направление П. Кондылис (см. *Kondylis P.* Konservativismus. Geschichtlicher Gehalt und Untergang. Stuttgart, 1986. S. 479).

56. Именно этих «младоконсерваторов», а также указанных ниже «революционных националистов» Брейер и Кролл называли в числе самых популярных персонажей историографии «консервативной революции» (см.: *Breuer S.* Op. cit. S. 2 – 3; *Kroll F.-L.* Op. cit. S. 105). Правда, сам Молер исключал из круга «младоконсерваторов» О. Шпенглера, которого считал наряду с Т. Манном, К. Шмиттом и Э. Юнгером выдающимся мыслителем всей «консервативной революции» (ср.: *Mohler A.* Die konservative Revolution... S. 208 – 211 и 401 – 422). По отношению ко всем этим деятелям также может быть применено понятие «консервативные националисты» (см.: *Keßler H.* Wilhelm Stapel als politischer Publizist. Ein Beitrag zur Geschichte des konservativen Nationalisten zwischen den beiden Weltkriegen. Nürnberg, 1967) или «неоконсерваторь» (*Hammersen N.* Politisches denken im deutschen Widerstand. Ein Beitrag zur Wirkungsgeschichte neokonservativer Ideologien 1914 – 1944. Berlin, 1993).

57. Впрочем, ничто не мешает считать основателя «младоконсервативного» движения Меллера также и представителем «революционного национализма», как это делал, например, исследователь его жизни и творчества Швишкотт (см.: *Schwißkott H.-J.* Arthur Moeller van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik. Göttingen, 1962). См. также о «собственно национал-революционерах» как репрезентантах «консервативной революции»: *Breuer S.* Op. cit. S. 3.

58. См.: *Dupeux L.* Op. cit. S. 18. См. также: *Sauer mann U.* Ernst Niekisch und der revolutionäre Nationalismus. München, 1985. Представителей «нацио-

нал-большевистского» течения историки именовали также «консервативными анархистами» (*Schwarz H.-P.* Der konservative Anarchist. Politik und Zeitkritik Ernst Jungers. Freiburg i. Br., 1962), а также «немецкими революционерами» (*Kabermann Fr.* Widerstand und Entscheidung eines deutschen Revolutionärs. Leben und Denken von Ernst Niekisch. Köln, 1973) и т. п.

59. *Paetel K. O.* Versuchung oder Chance? Zur Geschichte des deutschen Nationalbolschewismus. Göttingen, 1965; *Bahar A.* Sozialrevolutionärer Nationalismus zwischen Konservativer Revolution und Sozialismus: Harro Schulze-Boysen und der «Gegner»-Kreis. Koblenz, 1992. S. 5.

60. *Süddekopf O.-E.* Linke Leute von rechts. Die nationalrevolutionären Minderheiten und der Kommunismus in der Weimarer Republik. Stuttgart, 1960.

61. См. *Rauschnig H.* Die Konservative Revolution. Versuch und Bruch mit Hitler. New York, 1941.

62. Поскольку в западной историографии движения «фелькише» термин «консервативная революция», к которой его относил Молер, фигурирует довольно редко, эта тема осталась за рамками обзора. Она требует самостоятельного освещения уже ввиду обилия посвященных ей (прежде всего расовой теории и антисемитизму «фелькише») работ.

63. См.: напр.: *Weißmann K.* Op. cit. S. 131; *Eichberg H.* Op. cit. Считая, что исследование творчества заурядных деятелей «консервативной революции» может оказаться более плодотворным для ее реконструкции, чем умножение бесчисленных работ о ее «звездах», А. Молер призывал молодых ученых двигаться именно в этом направлении: *Mohler A.* Zum Geleit... S. 17 – 18.

64. *Laquer W.* Op. cit. S. 133.

65. См.: *Mohler A.* Die konservative Revolution... S. 113 – 117.

66. См.: напр.: *Gerstenberger H.* Op. cit. S. 37 – 39; 144; *Sontheimer K.* Op. cit. S. 120; *Dupeux L.* Op. cit. S. 10 – 12, 19; *Kondylis P.* Op. cit. S. 474; *Lenk K.* Op. cit. S. 137, 112; *Hammersen N.* Op. cit. S. 130 – 183; *Jaschke H.-G.* Nationalismus und Ethnopluralismus. Zum Wiederaufleben von Ideen der «Konservativen Revolution» // Jahrbuch... S. 201; *Kershaw J.* Hitler. 1889 – 1936. Stuttgart, 1998. S. 180; *Kroll F.-L.* Op. cit. S. 110.

67. См.: *Bahn P.* Vom Yin und Yang der «Konservativen Revolution» in Deutschland // WIR SELBST. Zeitschrift für nationale Identität. 1996. № 1. S. 3 – 4.

68. См.: *Hock W.* Deutscher Antikapitalismus. Der ideologische Kampf gegen die freie Wirtschaft in Zeichen der große Krise. Frankfurt a. M., 1960; *Kroll F.-L.* Op. cit. S. 110.

69. См.: напр.: *Geistenberger H.* Op. cit. S. 48 – 59; *Dupeux L.* Op. cit. S. 22 – 28; *Kondylis P.* Op. cit. S. 474; *Jaschke H.-G.* Op. cit. S. 203; *Kershaw J.* Op. cit. S. 180.

70. См.: напр.: *Mohler A.* Die konservative Revolution... S. 123 – 124; *Jenschke B.* Op. cit. S. 185; *Kondylis P.* Op. cit. S. 474; *Lenk K.* Op. cit. S. 109; *Ders, Meuter G., Otten H. R.* Vordenker der Neuen Rechten. Frankfurt, New York, 1997 (форзац).

71. См.: напр.: *Sontheimer K.* Op. cit. S. 123; *Dupeux L.* Op. cit. S. 20 – 29; *Fritzsche K.* Politische Romantik und Gegenrevolution. Fluchtwege in der Krise der bürgerlichen Gesellschaft: Das Beispiel des «Tab»-Kreises. Frankfurt a. M., 1976; *Lenk K.* Op. cit. S. 109; *Hammersen N.* Op. cit. S. 184 – 208; *Reichel P.* Der Schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus. Frankfurt a. M., 1993. S. 71, 76. Отрицавший правомерность понятия «консервативная революция» Брейер рассматривал «эстетический фундаментализм» наряду с «неоаристократизмом», «планетарным империализмом» и «новым национализмом» как одно из течений («идеальных типов») немецких правых интеллектуалов (см.: *Breuer St.* Ästhetischer Fundamentalismus: Stefan George und der deutsche Antimodernismus. Darmstadt, 1995; *Ders.* Grundpositionen der deutschen Rechten (1871 – 1945). Tübingen, 1999).

72. См.: напр.: *Klemperer K. von.* Op. cit. S. 94; *Jenschke B.* Op. cit. S. 185; *Lenk K.* Op. cit. S. 112; *Jaschke H.-G.* Op. cit. S. 201, 213; *Kershaw J.* Op. cit. S. 180.

73. См.: напр.: *Gerstenberger H.* Op. cit. S. 48-60; *Dupeux L.* Op. cit. S. 20 – 29, 72 – 73; *Lenk K.* Op. cit. S. 112, 139; *Hammersen N.* Op. cit. S. 124 – 127; *Wert Chr. H.* Sozialismus und Nation. Die deutsche Ideologiediskussion zwischen 1918 und 1945. Opladen 1996. S. 250 ff., 259 ff.; *Kershaw J.* Op. cit. S. 180.

74. См.: напр.: *Laquer W.* Op. cit. S. 126, 130 – 131; *Kondylis P.* Op. cit. S. 474; *Hammersen N.* Op. cit. S. 245 – 254; *Jaschke H.-G.* Op. cit. S. 200; *Kershaw J.* Op. cit. S. 230 – 231, 180;

75. См.: напр.: *Mohler A.* Die konservative Revolution... S. 24 ff., 139 – 140; *Sontheimer K.* Op. cit. S. 121; *Schwiorskott H.-J.* Op. cit. S. 106 ff.; *Sieferle R. P.* Die Konservative Revolution und das «Dritte Reich» // *Harth D., Assmann J.* (Hrsg.). Revolution und Mythos. Frankfurt a. M., 1992. S. 178 – 205; *Kunze K.* Porträts der Konservativen Revolution. Folge 2. Carl Schmitt // JUNGE FREIHEIT. 7.07.1995. S.14.

76. См.: напр.: *Klemperer K. von.* Op. cit. S. 94; *Dupeux L.* Op. cit. S. 21; *Hammersen N.* Op. cit. S. 236 – 244; *Kroll F.-L.* Op. cit. S. 111.

77. См.: напр.: *Schüddekopf O.-E.* Op. cit. S. 27; *Laquer W.* Op. cit. S. 134 – 135; *Kondylis P.* Op. cit. S. 473 – 475; *Lenk K.* Op. cit. S. 111 – 112; *Jaschke H.-G.* Op. cit. S. 200 – 203. В качестве одного из вариантов этого противопоставления можно рассматривать унаследованную немецким национализмом XX в. от культур-критики антитезу «нордического германства» и католического Рима (*Kroll F.-L.* Op. cit. S. 109).

78. Сам Молер, оглядываясь на путь, пройденный историографией «консервативной революции», признавал, что многие зачисленные в ее лагерь исторические персонажи оказались там «соседями поневоле» (см.: *Mohler A.* Zum Geleit // *Jahrbuch...* S. 21 – 22).

79. См.: *Gerstenberger H.* Op. cit. S. 11, 137, 143, 145.

80. См.: *Ebenda.* S. 31, 145 – 146.

81. См.: *Kondylis P.* Op. cit. S. 22, 507.
82. *Gerstenberger H.* Op. cit. S. 146 – 147.
83. *Kondylis P.* Op. cit. S. 478 – 479.
84. Ebenda. S. 489.
85. См.: Ebenda. S. 469 – 471, 475, 481, 483.
86. См.: Ebenda. S. 471.
87. См.: *Breuer S.* Op. cit. S. 4 – 5; *Eichberg H.* Op. cit. S. 5 – 33; *Bussche R. von dem.* Op. cit. S. 18 – 19.
88. См.: *Sieferle R. P.* Op. cit. S. 14, 25, 43, 221.
89. Ebenda. S. 24.
90. См.: *Werth Chr. H.* Op. cit. S. 282.
91. *Weißmann K.* Op. cit. S. 138.
92. См. об этом напр.: *Pflüger F.* Deutschland driftet. Die Konservative Revolution enydekt ihre Kinder. Düsseldorf, 1994; *Wiegandt M.* Konservative Revolution im «Land of the Free» // Die Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte. August 1995. H. 8. (42. Jg.) S. 679 – 683; *Leggewie C.* USA: Konservative Revolution oder neue Reform-Ära? // Internationale Politik und Gesellschaft. International Politics and Society. 3/1996. S. 229 – 236; *Дугин А.* Консервативная революция. М., 1994.
93. См.: *Breuer S.* Op. cit. S. 33.
94. См.: Ebenda. S. 47 – 48. В другом месте Брейер называл «единственным общим знаменателем» всех течений немецкого национализма, выступавших под названием «консервативной революции», их консенсус в неприятии либерализма (см.: Ebenda. S. 118).
95. См.: Ebenda. S. 187. Понятие «новый национализм» часто звучало в лексиконе самих представителей правых движений Веймарской Германии, в том числе и тех, которые Молер относил к «консервативной революции». Под этим же названием они фигурируют наряду с национал-социализмом и в первом серьезном исследовании этих движений В. Герхарда (Гуриана) (см.: *Gerhart W.* Um des Reiches Zukunft. Nationale Wiedergeburt oder politische Reaktion? Freiburg in Breslau, 1932).
96. *Kondylis P.* Op. cit. S. 448.
97. *Breuer St.* Op. cit. S. 181.
98. См.: напр.: *Bahar A.* Op. cit. S. 13; *Weißmann K.* Gab es eine konservative Revolution? // Criticon 138. Juli/August 1993. S. 173 – 176; Ders. Die Konservative Revolution... S. 123; *Bussche R. von dem.* Op. cit. S. 6 ff. Каждый из этих авторов, по-своему оспаривая концепцию Брейера, счел нужным отметить виртуозность его «деконструкции консервативной революции» (Бусше), его скрупулезность обращения с материалом (Вайсмани) и точность анализа деталей (Бахар). Обращение к основным положениям этой концепции при осмыслении движения французских «нонконформистов» времен Третьей республики см.: *Eckert H.-W.* Op. cit.
99. *Breuer S.* Op. cit. S. 5.

100. *Bussche R. von dem.* Op. cit. S. 18.

101. Ebenda. Бусше признавал, что опирался при этом на мысли Зонтхаймера о романтическом, аполитичном и иррациональном отношении «революционных консерваторов» (и всех правых) к политике, наблюдения Штерна об опасности «эстетизации политики», а также аналогичные выводы Брейера, касавшиеся «эстетического фундаментализма» (Ebenda. S. 21).

102. См.: Ebenda. S. 19.

103. См.: напр.: *Bahar A.* Op. cit. S. 4; *Jaschke H.-G.* Op. cit. S. 197 – 213; *Fenske W.* Porträts der Konservativen Revolution. Zur Einführung // JUNGE FREIHEIT. 23.06.1995. S.14; *Klönne A.* Kein Spuk von gestern oder: Rechtsextremismus und «Konservative Revolution». Münster, 1996; *Lenk K., Meuter G., Otten H. R.* Vordenker der Neuen Rechten. Frankfurt, New York, 1997. S. 1; *Pfahl-Traughber A.* Konservative Revolution und Neue Rechte. Rechtsextremistische Intellektuelle gegen den Verfassungsstaat. Opladen, 1998; *Weißmann K.* Op. cit. S. 119 – 120.

104. *Weißmann K.* Op. cit. S. 120.

Глава 5

«Единый фронт между красным и черным?»

К вопросу о контактах между немецкими
правоконсервативными силами
и судето-немецкими социал-демократами
в 1937 – 1938 гг.

Аншлюс Австрии в марте 1938 г. резко усилил национал-сепаратистские настроения судетских немцев в Чехословакии. После этого события практически все политические организации судетских немцев вошли в состав генлейновской Судето-немецкой партии (СНП). Исключение составила лишь Немецкая социал-демократическая рабочая партия в ЧСР (НСДРП(Ч)), которая продолжала сотрудничать с чехословацким руководством. Однако в новых условиях среди социал-демократов возникли настроения в пользу союза с генлейновцами.

Аншлюс Австрии вызвал внутренний кризис в партии судето-немецкой социал-демократии: на внеочередном съезде 26 – 27 марта 1938 г. старое партийное руководство во главе с Л. Чехом ушло в отставку и председателем партии был избран представитель молодого поколения В. Якш, с которым связывались надежды на изменение политического курса. После успеха нацистов в Германии в январе 1933 г. и поражения австрийской социал-демократии в феврале 1934 г. В. Якш и его ближайшие сторонники, в первую очередь историк и редактор Э. Францель, а также О. де Витте, Ф. Кесслер, Р. Райтцнер и др., выступили с инициативой переориентации политической линии и идеологии социал-демократии в сторону национальных интересов. В 1936 г. Якш и Францель почти одновременно опубликовали книги «Народ и рабочий» (Якш) и «Западноевропейская революция» (Францель), в которых пропо-

ведовали идеи «народного немецкого социализма», западноевропейской консервативной революции [1].

В своих работах Якш и Францель значительно дистанцировались от привычной марксистской ортодоксии и обнаружили идейное родство с правонационалистическими кругами, к которым принадлежал О. Штрассер, бывший соратник Гитлера, с 1934 г. живший в эмиграции в ЧСР. Францель был знаком со Штрассером еще с тех времен, когда последний был членом Социал-демократической партии Германии. Он свел со Штрассером и Якша. Между последними установились дружеские отношения. Штрассер вспоминал, как он запросто заходил в маленькую пражскую квартиру Якша, часто вел с ним беседы на различные темы. Штрассер подчеркивал, что он и Якш были «друзья на век» [2].

Штрассер публиковался в социал-демократических изданиях, а Якш в газете Штрассера «Дойче Революцион», причем оба под одинаковым псевдонимом – Йоахим Вернер [3]. Так, В. Якш опубликовал в социал-демократическом «Дер Кампф» рецензию на книгу О. Штрассера «Построение немецкого социализма», в которой рассуждал о сущности «феодалного капитализма» и давал в целом высокую оценку сочинению Штрассера [4].

Использовал идеи Штрассера и Францель, который рассматривал вопрос о возможности молниеносной войны в дунайском регионе, отдавая все же предпочтение «мирному наступлению». При этом Францель разделял опасения Штрассера относительно возможности «мирной фашизации Европы» [5]. Оба судето-немецких социал-демократов полагали, что единственным препятствием этому может стать создание объединенного демократического фронта немцев. Соглашаясь с Якшем и Францелем, Штрассер ратовал за «социалистический единый фронт между красным и черным» [6]. В марте 1938 г. появилась реальная возможность если не единого фронта, то по крайней мере компромисса между генлейновцами и социал-демократами.

Еще в середине 1930-х гг. Якш и Францель установили тесные отношения с молодежными активистами других крупных судето-немецких политических партий: с Г. Шютцем от партии клерикалов и Г. Хакером от аграриев. Германский историк Э. Яуэринг

охарактеризовал это как попытку создания единого фронта молодых активистов [7]. Якш во многом благодаря связям Францеля еще до своего избрания председателем НСДРП(Ч) установил контакты с немецкими несоциалистическими партиями и организациями. Помимо О. Штрассера В. Якш и Э. Францель проводили консультации с австрийскими легитимистами, с консервативно-христианской группой в Вене. Г. Шютц свел В. Якша с одними из лидеров Национального фронта К. Шушинга Й. Штаудом и Ф. Вашником [8].

Указанные контакты носили скорее характер политических и идеологических консультаций, но не могли оказать значительного воздействия на развитие ситуации в Судетах. Якш и Францель также старались найти контакты и среди судето-немецких буржуазных политиков. Помимо уже традиционных отношений с молодыми активистами христианских социалистов и аграриев, молодые активисты НСДРП(Ч) искали точки соприкосновения и с умеренными членами СНП. Представители последних также активно искали контакта с судето-немецкими социал-демократами, что становилось весьма актуально в условиях, когда НСДРП(Ч) оставалась единственной крупной партией судетских немцев, которая оказалась вне СНП.

Особая активность правоконсервативной антигитлеровской эмиграции, которая пользовалась определенной поддержкой в либерально и демократически настроенных кругах судетских немцев, пришлось на 1937 – 1938 гг. В частности, газета «Прагер Тагблатт» в начале 1937 г. опубликовала призыв к созданию «Немецкого фронта против гитлеровской системы», инициаторами которого выступили эмиграционные объединения «германской оппозиции, враждебной Гитлеру», к которым относились сторонники О. Штрассера и Ф. Кахена, католическая молодежь и др. [9].

Обращает на себя внимание, что правая антигитлеровская оппозиция пыталась создать именно широкое немецкое национальное объединение (фронт). Одной из основных идей подобного объединения было соединение социализма и национализма. Сторонники Штрассера призывали «взрастить социализм на немецкой почве» [10]. Они называли себя «народными социалистами» (Volkssozialisten) и выступали с требованиями социализма для всех

слоев: для рабочих, крестьян, буржуазии, торговцев. Конкретные очертания этого социалистического общества проступали весьма смутно. При этом «штрассеровцы» отрицали империализм и шовинизм, радуя за «единый фронт всех трудящихся» [11].

Несмотря на то что германская правая антифашистская эмиграция («Черный фронт», «Стальной шлем» и др.) не была значительной политической силой, она попала под пристальное наблюдение чехословацкой полиции. При этом делалось различие между социал-демократической, коммунистической и правоконсервативной эмиграцией из Германии, которую чехословацкие сыщики относили к «народно-социалистическому движению» [12]. Правда, касательно данных за 1937 г., контактов между «народными социалистами» и судетскими социал-демократами по данным полиции не прослеживалось.

Активная стадия контактов между немецкими правыми силами в ЧСР и судетскими социалистами относится к весне 1938 г. На съезде НСДРП(Ч) 1938 г., когда решался вопрос о том, сохранят ли социал-демократы традиционную политическую линию, В. Якш выступил достаточно резко. «Одно можно сказать сегодня четко и ясно: мы требуем разрешения судето-немецкого вопроса в рамках государственного суверенитета и демократической конституции, но мы не будем сидеть на мешках чешских банкиров», – заявил он [13]. Однако кардинальных перестановок в руководящем составе не произошло: практически все представители старой партийной номенклатуры сохранили свои посты [14]. Э. Францель, вышедший к тому времени из НСДРП(Ч), адресовал В. Якшу памятную записку, в которой критически оценивал результаты партийного съезда, указывая, что «вопреки всем ожиданиям арийское представительство в партийном руководстве осталось неизменным. Евреи сохранили свои позиции и используют Якша лишь как ширму», что попытка Якша «реанимировать партийный труп обречена на неудачу» [15].

Францель выступил одним из главных инициаторов переговоров между Якшем и представителями СНП. Францель уже давно являлся одной из наиболее одиозных фигур в партии, занимая позицию на ее крайнем правом фланге, поддерживал отношения с право-

консервативными кругами, в том числе и с руководителями генлейновского движения. Он расходился по идеологическим вопросам со многими членами партийного руководства. В ноябре 1937 г. Францель покинул ряды социал-демократической партии. Поводом для выхода Францеля из партии явилось его присутствие на похоронах одного из ближайших сподвижников К. Генлейна Х. Руты, который принадлежал к числу отцов-основателей СНП. Рута считался потенциальным министром иностранных дел в правительстве Генлейна. Будучи гомосексуалистом, он пользовался скандальной репутацией, что усугубилось тем, что Рута покончил жизнь самоубийством. В этом свете участие Э. Францеля в его похоронах вызвало резкое недовольство в НСДРП(Ч) и нападки со стороны чехословацких коммунистов. Присутствие Францеля на похоронах Руты объяснялось тем, что последний был связан с «Объединением в поддержку Лиги наций», представителем которого являлся Францель. Его поездка на похороны Руты объяснялась, таким образом, не личными связями с генлейновцами, а служебной необходимостью. Тем не менее именно этот эпизод явился поводом к окончательному разрыву Францеля с социал-демократией. Следует также отметить, что самоубийство Руты пришлось на тот период, когда чехословацкие власти возбуждали уголовные дела в отношении еще 15-ти членов СНП, подозревавшихся в гомосексуальных наклонностях [16].

Несмотря на свой выход из партии, Францель продолжал оставаться одной из влиятельнейших фигур, пользуясь особым воздействием на Якша. Вскоре после аншлюса Австрии, накануне съезда НСДРП(Ч), 24 марта 1938 г. состоялась встреча между Э. Францелем и представителем умеренно-консервативного крыла СНП Й. Пфитцнером. Авторитетный пражский профессор-историк Пфитцнер, разработавший самобытную концепцию судето-немецкой истории [17], которой затем в значительной степени следовал Францель, был близким другом последнего еще со студенческой скамьи. Благодаря помощи Й. Пфитцнера и Г. Шютца Э. Францель получил пост директора института Урания, который фактически контролировался СНП. Именно в здании Урании состоялся 24 марта 1938 г. разговор между Францелем и Пфитцнером, явившийся прелюдией к встрече Пфитцнера и Якша.

Умеренно-консервативное, автономистское крыло СНП, лидерами которого являлись Э. Кундт, д-р Г. Нойвирт, д-р Г. Петерс, выступало за разрешение судето-немецкой проблемы в форме автономии в рамках чехословацкого государства. К автономистам проявлял интерес и Якш, который через Францеля дал понять, что готов к переговорам. О подготовке и ходе переговоров свидетельствуют так называемый «Меморандум Пфитцнера» [18] и сопроводительное письмо Пфитцнера, адресованные Генлейну. Пфитцнер писал, что инициатива переговоров исходила от депутата от СНП Э. Кундта, который поручил Пфитцнеру через Францеля установить контакт с Якшем. Со слов Пфитцнера, когда он нашел Францеля в Урании, тот со своей стороны также искал контакта по вопросу «вхождения немецких социал-демократов в единый фронт судетских немцев» [19]. Францель сообщил, что действует по поручению Якша, который хотел прежде, чем встречаться с Кундтом, провести консультации с Пфитцнером в присутствии Францеля. Последний вспоминал, что решение об этой встрече было принято после совещания на квартире у Якша, в котором участвовали его ближайшие друзья, в их числе О. Штрассер и сам Э. Францель [20].

Таким образом состоявшаяся 2 апреля 1938 г. встреча была итогом неофициальных контактов между представителями СНП и НСДРП(Ч). Сама встреча также носила полуофициальный характер, хотя и проходила открыто, днем, в пражском кафе Шроубек. В ходе обмена мнениями относительно политической ситуации в ЧСР и в Европе Якш высказался о своих впечатлениях от встреч с рабочими – членами СНП, с которыми он беседовал. Многие из них, по утверждению председателя НСДРП(Ч), оставались его убежденными сторонниками и говорили, что Якш «должен стать вождем рабочих в СНП и что Конрад [Генлейн] должен предоставить ему свободу рук во всех делах» [21]. Якш также подчеркнул, что будет продолжать контакты с рабочими в СНП.

Это заявление было оценено Пфитцнером и Францелем как принципиальное согласие на сотрудничество Якша с СНП и на возможность включения партии судето-немецкой социал-демократии в генлейновскую организацию. Однако Якш также заявил, что в Судетах «все еще существует свободное немецкое рабочее дви-

жение, которое нельзя сбрасывать со счетов при решении проблем, касающихся жизненных интересов судетских немцев и которое выступает за демократическое разрешение всех вопросов» [22]. Якш также подчеркивал, что судето-немецкая социал-демократия будет продолжать свою политику, направленную на защиту демократии. Но при этом он не высказал возражений против продолжения консультаций с представителями СНП, в частности с Э. Кундтом. В свою очередь Пфитцнер, а также Штрассер убеждали Якша, что СНП не является прогитлеровской партией [23].

Переговоры Якша с Пфитцнером и Францелем не единственный пример контактов между социал-демократами и сторонниками генлейновцев. В конце марта – начале апреля 1938 г. с Якшем беседовал Р. Лодгман. Бывший глава самопровозглашенной провинции Немецкая Богемия в 1918 – 1919 гг. и бывший руководитель вошедшей в генлейновскую организацию партии националов также пытался агитировать Якша в пользу национал-социалистических идей и в пользу сотрудничества с СНП. Лодгман заявил Якшу: «Вы находитесь сейчас на месте Йозефа Зелигера (Йозеф Зелигер (1870 – 1920) – первый председатель НСДРП(Ч)), с которым мы вместе боролись за право на самоопределение. Гитлер претворяет это в жизнь... Гитлер – объединитель Германии». Лодгман подчеркнул, что в данный момент Якш должен выбирать: «быть политиком или мучеником». На что Якш ответил, что «мои друзья предпочитают быть скорее мучениками, нежели политиками без чести» [24].

Э. Францель и германский исследователь М. К. Бахштайн полагали, что в этот период со стороны НСДРП(Ч) были упущены возможности изменить ситуацию. Францель указывал, что после аншлюса Австрии сложились «выгодные условия» для вхождения НСДРП(Ч) в состав СНП, что Якш «получил бы пост заместителя Генлейна и мог бы куда больше сделать для рабочих в СНП, чем до тех пор было сделано НСДРП(Ч) во главе с Чехом» [25]. Бахштайн утверждал, что Якш хотел вступить в союз с СНП, но не смог осуществить свое намерение в том числе и из-за собственной амбициозности [26]. Было бы наивно полагать, что Якш тут же откажется от только что обретенного поста главы партии. Большое

значение имело также и давление со стороны сторонников Л. Чеха. Союз с СНП автоматически означал исключение из НСДРП(Ч) евреев, но именно люди Чеха контролировали партийные финансы и имели доступ к дополнительным источникам финансирования, в частности за границей. Еще ранее обсуждался вопрос о возможной отставке Чеха с поста министра, и тот был в принципе не против такого решения, но вместо себя предлагал кандидатуру другого еврея, З. Тауба, а не В. Якша, как рассчитывали антисемитски настроенные члены НСДРП(Ч). С другой стороны, после избрания последнего председателем партии в кулуарах циркулировали слухи о том, что сторонники Чеха готовят внутрипартийный переворот, чтобы вновь поставить его во главе НСДРП(Ч). Неслучайно, что основная критика в адрес Францеля и Якша исходила со стороны австрийских, германских и судето-немецких социал-демократов еврейского происхождения.

Одним из главных критиков был Р. Лёвенталь (псевдоним П. Зеринг), который напрямую сравнивал взгляды Якша – Францеля с воззрениями германских националистов, в первую очередь, О. Штрассера [27]. Другой автор, выступавший от имени редколлегии журнала «Кампф», подчеркивал, что пропагандируемый В. Якшем «народный социализм» ассоциируется с деятельностью таких националистических организаций, как «Черный фронт» и «Стальной шлем». Указывалось, что отказ от интернационализма как исторической необходимости может рассматриваться как оппортунизм [28]. Другие социал-демократы, в частности Э. Швельб и Р. Винер, также критически оценивали идеи Францеля и Штрассера [29]. При этом надо отметить, что в конце 1937 – начале 1938 гг. чехословацкое правительство, во многом под нажимом из Германии, усилило давление на антифашистскую эмиграцию. Под угрозой запрета было приостановлено издание печатных органов германских социал-демократов. Запрет был наложен также и на штрассеровскую газету «Дойче Революцион».

Уже в годы лондонской эмиграции оппозиция, выделившаяся в рядах судето-немецкой социал-демократии, обрушилась с критикой на взгляды и позицию В. Якша, припомнив идеи национально-го социализма и его связи с О. Штрассером [30].

Якш колебался, опасаясь попасть в положение предателя, в период подготовки к местным выборам поднимая вопрос о переходе к сотрудничеству с СНП. На эти выборы Якш возлагал последнюю надежду, рассчитывая отобрать голоса избирателей у СНП, что давало бы, по крайней мере, возможность вести переговоры с этой партией с позиции силы.

В итоге Якш не решился продолжить переговоры с представителями СНП: его запланированная встреча с Э. Кундтом не состоялась. Вскоре после консультаций с Пфитцнером Якш неожиданно отбыл в Англию. В письме Генлейну Пфитцнер указывал, со слов Францеля, что эта поездка была вызвана необходимостью поиска новых источников финансирования, так как «под влиянием Чеха пражское еврейство прекратило субсидирование социал-демократов» [31]. Однако нехватка финансовых ресурсов не подтолкнула руководство судето-немецкой социал-демократии к сближению с СНП. Якш сумел заручиться поддержкой британских лейбористов и, по-видимому, получил финансовую поддержку от чехословацких правящих кругов. В пользу этого свидетельствует неожиданно резкий отказ со стороны Якша от продолжения переговоров с СНП. В качестве предлога председатель НСДРП(Ч) использовал инцидент на германо-чехословацкой границе, когда в ночь с 20 на 21 мая в процессе занятия чехословацкими войсками приграничных судето-немецких районов были застрелены два члена генлейновской партии. Якш, поддерживая официальную чехословацкую версию, заявил Францелю, что генлейновцы имели при себе документы, свидетельствовавшие о подготовке путча со стороны СНП, и что судето-немецкая социал-демократия не желает иметь ничего общего с этим. Сторонники Генлейна и германская сторона подчеркивали, что были застрелены абсолютно невинные люди, которые случайно находились вблизи границы и не знали о мобилизации. Этот факт вызвал волну античешских настроений в Судетах и Германии. В итоге чехословацкое руководство даже разрешило торжественные похороны погибших: на гроб был возложен траурный венок лично от Гитлера. В итоге в ходе состоявшегося 21 мая 1938 г. разговора между Францелем и Якшем последний резко осудил политику СНП и отказался от дальнейших разговоров о со-

трудничестве. «Якш был готов отдать себя в полное распоряжение Бенеша», – вспоминал Францель [32].

Социал-демократы сделали попытку противопоставить Карлсбадской программе СНП от 24 апреля 1938 г. [33], которая требовала широкой автономии для немцев в ЧСР, свою собственную. Якш выступил с инициативой административно-территориального переустройства ЧСР «в духе швейцарского кантонального устройства» [34]. Однако политическая линия НСДРП(Ч), направленная на сотрудничество с чехословацким руководством, уже не пользовалась поддержкой судетских немцев, что и продемонстрировали местные выборы 1938 г.

Не оправдались и расчеты Францеля и Пфитцнера на то, что поражение на выборах 1938 г. приведет к переориентации НСДРП(Ч): судето-немецкая социал-демократия продолжала сотрудничество с чехословацким руководством. Как и в 1918/19 гг., партия рассчитывала на вмешательство международного сообщества, надеясь, что Франция и СССР не откажутся от данных ЧСР гарантий, а Англия не поддержит политическую линию Гитлера. Надежды эти оказались тщетными.

Таким образом, весной 1938 г. были сделаны попытки договориться о «едином фронте» между правоконсервативными силами в лице СНП и социал-демократами в Чехословакии, в том числе при посредничестве Пфитцнера и Штрассера. Отметим, что деятельность последнего, равно как и других представителей правоконсервативной германской эмиграции, явилась прологом к этим контактам. Среди социал-демократов существовало сильное умеренно-националистическое крыло во главе с председателем партии В. Якшем, которое фактически дистанцировалось от основных марксистских догм. Не случайно после 1945 г. Францель стал видным представителем германского консерватизма.

Однако большинство социал-демократов сохраняло верность демократическим принципам, не желало слышать о союзе с генлейновцами. В этих условиях Якш и его сторонники не решились на союз с Генлейном, который неминуемо означал раскол в рядах НСДРП(Ч). Социал-демократы вплоть до мюнхенских соглашений 1938 г. оставались в союзе с чехословацким руководством. После

мюнхенских соглашений и оккупации остатков Чехословакии в марте 1939 г. социал-демократы были вынуждены эмигрировать, поддерживали чехословацкое эмигрантское правительство во главе с Э. Бенешем. Однако последние не оценили поддержки со стороны судето-немецких социал-демократов: после 1945 г. они были депортированы из ЧСР вместе с подавляющим большинством судетских немцев.

1. См.: *Franzel E.* Abendländische Revolution. Geist und Schicksal Europas. Bratislava, 1936; *Jaksch W.* Volk und Arbeiter. Deutschlands europäische Sendung. Bratislava, 1936. Анализ взглядов Э. Францеля см.: *Кретинин С. В.* Нация и социализм: Немецкий национальный вопрос и социал-демократия, 1918 – 1939 гг. Воронеж, 2001. С. 104 – 113; *Он же.* Социализм и консерватизм в работе Эмиля Францеля «Западноевропейская революция» // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 236 – 247.

2. *Strasser O.* Mein Kampf. Eine politische Autobiographie. Frankfurt/ M., 1969. S. 109.

3. *Bachstein M. K.* Beziehungen zwischen sudetendeutschen Sozialdemokraten und Exil: Dialektische Freundschaft // Drehscheibe Prag. Zur deutschen Emigration in der Tschechoslowakei 1933 – 1939. München, 1992. S. 48.

4. Der Kampf, Wien. 1937. S. 64 – 67.

5. Ibid. S. 9, 16.

6. Die Deutsche Revolution, Prag. Nr. 7. 24.06.1934.

7. *Jauerling E.* Sozialdemokratie und Revanschismus. Zur Geschichte und Politik Wenzel Jakschs und Seliger-Gemeinde. Berlin, 1968. S. 201.

8. *Schütz H.* Emil Franzel – Versuch einer Würdigung // Franzel E. Die Habsburger. Gestalt und Schicksal eines Geschlechts: Festgabe der Ackermann-Gemeinde für den Historiker und Publizisten Emil Franzel zur Vollendung seines 70. Lebensjahres. München, 1971. S. 224.

9. Prager Tagblatt. 30.01.1937.

10. Bundesarchiv: Abteilung Reich und DDR zusammen mit Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR, Berlin (BA). Sg Y 15/ V 283/ 12/ Bl. 10.

11. Ibid. Bl. 12.

12. Ibid. Bl. 3, 1.

13. Der Sozialdemokrat, Prag. 27.05.1938.

14. Seliger-Archiv im Archiv der sozialen Demokratie in der Friedrich-Ebert-Stiftung, Bonn-Bad Godesberg (bis 1989 – Stuttgart). Sammlung der Seliger-Gemeinde zur Geschichte der Deutschen Sozialdemokratischen Arbeiterpartei in der ČSR (SELA). Teil VII. Mappe 1896. Der letzte Parteitag.

15. BA. RY 20/ II 145/ 81/ Bl. 59.

Полный текст памятной записки Э. Францеля не сохранился. Цитата взята из так называемого «меморандума Пфитцнера».

16. *Sator K.* Die Sexualdenunziation als Kampfmittel der Propagande der organisierten Arbeiterbewegung gegen den National-Sozialismus: Der «Fall Ruhta» in der sudetendeutschen marxistischen Presse // Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz. 1994. Н. 3. S.404 – 413.

17. См.: *Pfitzner J.* Sudetendeutsche Geschichte. 2. Aufl. Reichenberg, 1937.

После освобождения Чехословакии в 1945 г. в Праге прилюдно был повешен Й. Пфитцнер, занимавший пост вице-бургомистра чешской столицы. Другой инициатор переговоров между СНП и НСДРП(Ч) Э. Кундт, бывший при гитлеровцах бургомистром г. Радом, также был приговорен к смертной казни в 1947 г.

18. Впервые о контактах между НСДРП(Ч) и СНП в марте – мае 1938 г. широкой общественности стало известно в конце 50-х гг., благодаря деятельности восточногерманских и чехословацких журналистов. В. Якш был вынужден оправдываться, утверждая, что между СНП и НСДРП(Ч) были «непреодолимые противоречия» (*Die Brücke*, München. 10.12.1960). В своей монографии о В. Якше М. К. Бахштайн ссылаясь на этот документ со слов Э. Францеля, указывая, что сам меморандум полностью не сохранился. Чехословацкий исследователь В. Крал опубликовал ряд материалов, в том числе и «меморандум Пфитцнера», в 1964 г. (см.: *Die Deutschen in der Tschechoslowakei 1933 – 1947. Dokumentationsammlung / Hrsg. von V. Král. Praha, 1964. S.169 – 171*), однако западные авторы до сих пор высказывали определенные сомнения относительно подлинности этих документов, поскольку не обнаружены оригиналы документов в бывшем архиве КПЧ в Праге (германский историк К. Сатор пишет, что в ответ на запрос в Прагу о судьбе этих материалов получил ответ, что они утеряны: *Sator K.* Anpassung ohne Erfolg: Die sudetendeutsche Arbeiterbewegung und der Aufstieg Hitlers und Henlein 1930 – 1938. Darmstadt, 1996. S. 269). Нами установлено, что существуют по крайней мере два экземпляра «Меморандума Пфитцнера» (точное название – «Памятный протокол»): первый хранится в Федеральном архиве ФРГ (BA. RY 20/ II 145/ 81/ Bl. 55 – 59), второй – в бывшем архиве КПЧ в Праге (копия находилась в Архиве института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ ГДР, ныне переведена в Федеральный архив ФРГ. См.: BA. Sg Y 15/ ZPA V 283/ 4. Bl. 7 – 12).

19. BA. RY 20/ II 145/ 81/ Bl. 55.

20. *Franzel E.* Gegen den Wind der Zeit. Erinnerungen eines Unbequemer. München, 1983. S. 339.

21. BA. RY 20/ II 145/ 81/ Bl. 56.

22. BA. RY 20/ II 145/ 81/ Bl. 55.

23. *Bachstein M.K.* Wenzel Jaksch und die sudetendeutsche Sozialdemokratie. München, 1974. S. 149.

24. Kampf, Widerstand, Verfolgung der sudetendeutschen Sozialdemokraten. Dokumentation der deutschen Sozialdemokraten aus der Tschechoslowakei im Kampf gegen Henlein und Hitler. Stuttgart, 1983. S. 188 – 189.

25. *Franzel E.* Op. cit. S. 339.

26. *Bachstein M. K.* Op. cit. S. 151.

27. Zeitschrift für Sozialismus, Prag. 1936. S.1105 – 1136.

28. Ibid. 1937. S. 146.

29. Ibid. 1936. S. 472 – 481; 481 – 485. См.: также: *Feyl O.* Sozialdemokratischer Revisionismus und Reformismus und die Anfänge des «nationaler Sozialismus» in Böhmen vor Hitler // Ost und West in der Geschichte des Denkers und der Kulturellen Beziehungen. B., 1966. S. 700 – 714; *Bachstein M.K.* Der Volkssozialismus in Böhmen: Nationaler Sozialismus gegen Hitler // AuA. F. 4. München, 1984. S. 121 – 144.

30. См.: BA. RY 20/ II 145 /81. Bl. 26, 27, 28. Образовалась оппозиционная «группа Циннера-Ленка», которая приняла название «Исполнительный комитет Немецкой социал-демократической рабочей партии в Чехословацкой республике», что вызвало недовольство со стороны официального эмиграционного руководства во главе с Якшем. Членами группы были, в основном, социал-демократы еврейского происхождения.

31. BA. RY 20/ II 145/ 81/ Bl. 63.

32. *Franzel E.* Op. cit. S. 347, 349.

33. См.: *Henlein K.* Rede in Karlsbad auf der Tagung der Sudetendeutschen Partei vom 24.04.1938. Memorandum der Sudetendeutschen Partei vom 7.06.1938. Berlin, 1938. S. 60 – 61.

34. SELA. Teil VIII, Nachlaß Wenzel Jaksch. J 4/Sa 3938. Bl. 3 – 4.

Публикации

1985
1986
1987
1988
1989
1990
1991
1992
1993
1994
1995
1996
1997
1998
1999
2000
2001
2002
2003
2004
2005
2006
2007
2008
2009
2010
2011
2012
2013
2014
2015
2016
2017
2018
2019
2020
2021
2022
2023
2024
2025

Минаков А. Ю.

«Погром» или ревизия?

(Предисловие к публикации архивного документа
«Отчет по обозрению Казанского университета»
Магницкого М. Л.)

Публикуемый архивный документ¹ является, с нашей точки зрения, одним из самых интересных и ярких источников по истории внутренней политики во второй половине царствования Александра I. Ревизия Казанского университета, осуществленная в 1819 г. М. Л. Магницким², членом Главного правления училищ Министерства духовных дел и народного просвещения, обычно интерпретировалась в отечественной историографии исключительно как «погром», как одна из самых зловещих мер александровской политики того времени. Миф о погроме явился одним из важнейших элементов, на которых держалась историографическая конструкция «реакционного поворота 1820-х гг.». В этой конструкции

---

¹ Текст приводится по рукописному оригиналу, хранящемуся в РГИА. Ф. 733. Санкт-Петербургский учебный округ. Оп. 39. Д. 259. Дела о ревизии Казанского университета М. Л. Магницким и проведенных реакционных предприятиях. Л. 14 – 53. Данный текст был опубликован в книге *Загоскин Н. П.* История имперского Казанского университета за первые сто лет его существования (1804 – 1904) Казань, 1903. Т. 3. С. 545 – 567 и в настоящее время представляет собой библиографическую редкость.

² См. о нем: *Феоктистов Е. М.* Магницкий. Материалы для истории просвещения в России // *Русский вестник*. 1864. № 6 – 8; *Загоскин Н. П.* Указ. соч. Казань, 1902 – 1904. Т. 1 – 4; *Попов Н. А.* Общество любителей отечественной словесности и периодической литературы в Казани с 1804 по 1834 гг. // *Русский вестник*. 1859. Т. 23; *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1800 – 1863). СПб., 1892; *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: В 2-х т. СПб., 1889. Т. 1. Из новейших работ см.: *Минаков А. Ю.* М. Л. Магницкий: к вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских православных консерваторов XIX века // *Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов.* Воронеж, 2001. Вып. 1. С. 58 – 92; *Вишленкова Е. А.* Ревизор, или случай университетской проверки 1819 года // *Отечественная история*. 2002. № 4. С. 22 – 35.

казанская ревизия приобрела характер важнейшего, знакового события, ключевого для внутренней политики этого периода, став своего рода символом мракобесия, обскурантизма и крайней реакции.

В подавляющем большинстве как дореволюционных, так и современных исследований ревизия интерпретировалась как прелюдия антилиберальной и обскурантистской чистки, как акция, которая была обусловлена стремлением Магницкого «публично разрушить» Казанский университет. Историки и публицисты обвиняли Магницкого в невежестве, незнании особенностей университетской жизни, предвзятости, карьеризме, интриганстве. Утверждалось, что сроки, в которые была проведена ревизия, были чрезмерно краткими для того, чтобы выявить объективную картину состояния Казанского университета. Подразумевалось, что ревизия была вызвана политическими, а не академическими мотивами, тем более не какими-либо вопиющими злоупотреблениями, поскольку университет был заведомо вне подозрений в силу того, что являлся «заповедником» свободы и прогресса. Общим местом стало утверждение об изгнании Магницким из университета 11 лучших профессоров из 25 с последующей их заменой на благонадежных гимназических учителей – людей, заведомо недостойных, интриганов и льстецов, пресмыкающихся перед новым попечителем.

Утверждения эти, сформулированные в 60-е гг. XIX в. преимущественно либеральными мемуаристами, публицистами и историками, повторяются из исследования в исследование, создавая иллюзию исчерпанности темы. Однако обращение к самим материалам ревизии позволяет существенно уточнить картину.

Так, в отчете Магницкого почти не прослеживаются консервативные политические мотивы, которыми он, по утверждению либеральных историков, руководствовался в огромной степени. В этом документе совершенно очевидно на 9/10 преобладают мотивы академического свойства (качество преподавания и пр.), стремление проверить финансовое состояние университета, его административно-хозяйственной части и пр.

Текст доклада позволяет утверждать, что Магницкий был чиновником достаточно сведущим и компетентным в вопросах университетской жизни. Иначе и быть не могло. Он получил блестящее по тому времени образование в благородном пансионе при Московском университете, в 1805 г. осуществил ревизию Виленского университета, т. е. имел соответствующий практический опыт³. С нашей точки зрения, нет оснований говорить о поверхностности и поспешности ревизии из-за отсутствия

---

³ Минаков А. Ю. Указ. соч. С. 60 – 61.

времени у Магницкого. Изучение дел на месте длилось почти две недели, а отчет составил четыре тома (5 тыс. листов)⁴.

Итоговый текст отчета о ревизии раскрывает несомненные вопиющие недостатки, злоупотребления и должностные преступления в деятельности Казанского университета. Речь шла о воровстве очень значительных сумм из университетского бюджета, огромных по тем временам расходов на обучение с минимальной отдачей, липовой отчетности, фальсификациях экзаменов, сомнительном уровне квалификации значительной части преподавателей и профессуры и их не менее сомнительном моральном уровне, разваливающимися учебными корпусами, злоупотреблениях в использовании имеющихся площадей, когда студенты вынуждены были ютиться в грязных помещениях, в антисанитарных условиях, при неисправных противопожарных средствах; закупке дров, свечей, провианта по завышенным ценам у «своих» подрядчиков.

При этом характеристики, данные Магницким профессорско-преподавательскому составу университета, были зачастую точны и объективны. Отметим, что он выделил как выдающихся ученых знаменитых Н. И. Лобачевского («есть человек отлично знающий») и астронома И. М. Симонова («подающий самую большую надежду на будущее время»), участника полярной экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева.

Особое внимание стоит обратить на то, как следует понимать ставшую «хрестоматийной» фразу Магницкого о «публичном разрушении» университета. Из текста ясно, что речь идет о системе мер, целесообразность которых можно оспаривать, но которые сами по себе не были реакционными и обскурантскими: укрепление уже существовавшей гимназии, с отделением при ней, в котором готовились бы учителя для обширного региона, создание пансиона для «благородного юношества», создание татарского училища, основание медико-хирургического института с анатомическим театром, больницами и ветеринарным отделением и т. д.

Как видим, причин вполне академического характера для жесткой критики университета было более чем достаточно. Меры, предложенные Магницким, не носили реакционного характера. Можно дискутировать о степени их приемлемости в существовавших исторических условиях, но они явно исключают те крайне негативные характеристики, которые для них использовались.

Так, масштабы антилиберальной чистки «лучших профессоров» явно преувеличены в литературе. Увольнения происходили прежде всего по причине преклонного возраста, низкой квалификации, пристрастия к

---

⁴ Вишленкова Е. А. Указ. соч. С. 24.

алкоголю и т. д. По идейным мотивам был уволен лишь один профессор И. Е. Срезневский, преподающий философию⁵.

Если говорить о ревизии как об акте политической реакции, то в ее материалах есть лишь отдельные акценты, которые можно интерпретировать как консервативные или реакционные. Такого рода мотивы прослеживаются тогда, когда Магницкий отмечает отсутствие в учебных программах Закона Божия (что противоречило общему курсу министерства духовных дел), дух деизма, свойственный студенческой массе, выдвигает претензии к преподаванию философии (при этом его обвинения сводились к тому, что профессор философии «руководствуется духом не весьма полезным и по счастью преподает лекции свои так дурно, что их никто не понимает»). Кроме того, в отчете имеется еще несколько выпадов против преподавания философии (просветительской, рационалистической, материалистической): «без всякого сомнения все правительства обратят особенное внимание на общую систему их учебного просвещения, которое сбросив скромное покрывало философии стоит уже посреди Европы с поднятым кинжалом». Необходимо также упомянуть о чистке библиотеки от деистических изданий: «Между тем как сочинения Вольтера выбросил я из библиотеки»⁶. Но все эти факты не следует абсолютизировать, в материалах ревизии эти высказывания совершенно определенно не доминируют.

Все вышеизложенное, на наш взгляд, заставляет серьезно скорректировать традиционные представления о ревизии Казанского университета Магницким как о проявлении так называемого реакционного поворота в области образования в 20-е годы XIX века.

Более того, с нашей точки зрения, нуждаются в тщательной проверке стереотипы, посредством которых живописуется последующая деятельность Магницкого в Казанском университете: резкое понижение научно-преподавательского уровня университета, ущерб его материальной базе, издательской деятельности, насаждение казарменных порядков, религиозного мракобесия и изуверства.

---

⁵ Там же. С. 29.

⁶ Сожжение книг политических оппонентов в то время практиковали, к примеру, и немецкие либералы. С. М. Соловьев писал в своей работе, посвященной исследованию внешней политики Александра I: «В 1817 году в протестантской Германии с великим торжеством праздновали трехсотлетие реформации. 18 октября студенты и некоторые профессора собрались близ Эйзенаха, в историческом замке Вартбурге: говорились зажигательные речи, пелись зажигательные песни, и дело кончилось тем, что по примеру Лютера, сжегшего папскую буллу, сожжены были сочинения, написанные в консервативном духе, направленные против либерального движения. Суд и приговор был произнесен над сочинениями – один только шаг к исполнению приговора и над сочинителями». См.: Соловьев С. М. Император Александр I. Политика, дипломатия. М., 1995. С. 466.

Магницкий М. Л.

Отчет по обозрению Казанского университета

М[инистерство] Д[уховных] Д[ел] и Н[ародного] П[росвещения] [1] департамент народного просвещения донесение Члена Главного Правления училищ Действительного Статского Советника Магницкого, заключающее отчет по обозрению Казанского университета. Апреля 9 дня 1819 года № 3.

Господину министру Духовных Дел и Народного Просвещения [2].

Исполнив возложенное на меня поручение, по обозрению Казанского университета, имею честь представить Вашему Сиятельству подробный в оном отчет.

Замечания, отчет сей составляющие, буду я излагать в самом том порядке, которому следовал при обозрении и потому представляю в 1-м отделении 1-й части состав университета, во 2-м отделении обозрение наружного его благоустройства, в 3-м отделении состояние хозяйственного управления, в 4-м отделении положение учебной его части, в 5-м отделении часть нравственного его образования.

Сие составит 1-ю часть отчета. Потом изложу во II-й части оного в 1-м отделении состояние Казанской гимназии в порядке хозяйственном, учебном и нравственном, во 2-м отделении – разных заведений, при университете находящихся.

В III-й части, в 1-м отделении представляю общее заключение или краткое извлечение из всего отчета, а во 2-м отделении изложу мнение мое, которое Ваше Сиятельство в предписании своем изволили требовать, о приведении Казанского университета в надлежащее устройство; или замене его в случае невозможности исправить, новым порядком учебного управления.

ЧАСТЬ I

Отделение I

Общий состав университета

Совет университета состоит из 23-х Профессоров и Адъюнктов [3], из сего числа пять только имеют голос и уважение, но не могут дать делам надлежащего исправления, ибо большинство голосов, движимое личностью и посторонними влияниями, действуют решительно.

Большинство членов состоит 1-ое: из иностранцев, в числе коих человека два люди достойные, другие ни языка нашего, ни законов и порядка не знают. Прочие же сами люди запутанные в делах и неблагонадежные.

2-ое: из молодых людей русских профессоров и адъюнктов, добрых и благонравных, но воспитанных и произведенных, по большей части весьма снисходительно, теми самими, кои делали злоупотребления, а потому голоса сих последних, в числе 13-ти, кроме двух, всегда подкрепляли зло по самому невинному побуждению почтения и благонравия.

Посреди сего Совета старый и пронырливый профессор Яковкин [4] господствовал своим влиянием. Запутанность его счетов проходила без замечаний. Беспорядок и самовольство хозяйственного управления оставались без надлежащего отчета. Ученики Гимназии, недоученные, принимались по его покровительству в студенты, без строгого испытания. Дети частных людей, живущие у него на пенсионе, допускались к лекциям профессоров, под названием слушателей, и не ходя на лекции, а почислившись на оных три года, получали или звание студентов или аттестат.

Сие состояние Совета, обратившегося в посмеяние самых его членов, изъясняет все замеченные министерством беспорядки и неустройства лиц и заведений между ему подчиненными.

Имею честь представить здесь в доказательство того духа, которым Совет вообще заражен, рассуждение о разных системах нравоучения, профессором философии сочиненное, одобренное и напечатанное в университете и произнесенное в торжественном собрании прошлого года [5].

Если нужно будет, то и еще могу я представить сочинение сего рода, оставленное мною в Казани, потому, что оно не напечатано, и было взято и рассмотрено мною в рукописи.

Изложив сие общее понятие, о составе и духе центрального управления Казанского университета, поступлю я к представлению прочих частей моего отчета, кои по мере раскрытия их, во всей подробности покажут последствия от сей причины проистекшие.

К сему отделению приобщу я записку о главнейших членах Совета с замечаниями, почерпнутыми из послужных их списков; из личного моего с ними знакомства; из рассмотрения их сочинений, из слушанных мною их лекций и осмотра порученных им заведений.

Отделение 2

Обозрение наружного и полицейского благоустройства Казанского университета

Пять домов университетом занятые, построены и накуплены весьма ненадежные. Университет, приняв их положение в 1814-м году, стал продолжать настояние о их починке, еще в 1813 году сделанные. Начались сметы для их исправления архитекторами, не знающими архитектуры и коих постройки непрестанно валются.

Вместо того, чтобы сказать, что некоторые из сих зданий куплены почти в развалинах, а другие пришли в сие состояние вскоре после постройки, составили рассчет на их починку, во сто тысяч рублей с лишком.

Отпущены 35 тыс. руб. на необходимейшие починки. Деньги сии употреблены, теми же незнающими архитекторами на почин-

ки наименее нужные; ибо напр.: вместо укрепления, треснувшей до фундамента, капитальной в доме стены, выбелили другие и т. п. Деньги сии растрчены без всякого хозяйственного надзора и частью направленно, покупкою материалов, без подряда и на добрую веру Екзекутора [6].

В сем состоит развязка тех запутанных представлений и смет, кои затрудняли Министерство в сношениях его с университетом по сему предмету.

Необходимо нужно будет послать сюда опытного и надежного архитектора, для осмотра всех зданий, Университету принадлежащих.

После сего осмотра откроется, что есть такие здания, которых и чинить нельзя; а нужно будет перестроить или если они совершенно негодны, то должно будет, сломав построить новые. Откроется, что в главном здании Университета передняя стена наклонилась и чрез времени угрожает падением.

Когда архитектор произведет сей осмотр и сделает смету, для приведения университетских зданий в надлежащую безопасность, то нужно будет его оставить на время в Казани членом строительной комиссии, которая не заключала бы контрактов с Казанскими монополистами Савиновым и Калмыковым [7], как то доселе было, а заготовляла бы сама все нужные материалы, хозяйственным образом, и под личную ответственностию, произвела строение, по утверждению здесь смет и фасадов.

Для состава сей комиссии можно будет употребить профессоров, коим как предмет сей, так и бывшие злоупотребления известны.

О заимствовании нужного для сего суммы, без особенного назначения из строительного капитала буду я иметь честь представить в своем месте, при общем мнении по осмотру (часть III-я отделение 2).

В пяти домах Университету принадлежащих, между тем как студенты стеснены в помещении; а ученики гимназии и комнат для уроков не имеют и учатся в спальнях, чиновники университета занимают 90 покоев, кроме тех, кои заняты служителями, солдатами и разными принадлежностями.

Профессора Арнгольд [8] и Герман [9] имеют первый 11-ть, а последний 10-ть покоев. Секретарь Университетского управления [10] занимает 6-ть комнат, а переплетчик университета 3 и т. д.

В рассуждении полицейского устройства в университетских зданиях, Екзекутор найдет много весьма неисправным. Беспорядок пожарных орудий и невозможность ими действовать могли подвергать ежедневно обширное университетское здание опасности от пожара. По моему приказанию трубы исправлены, ведра и прочие принадлежности собраны в одно место и удобно могут быть ныне взяты к немедленному употреблению. Но оставалось еще сделать следующие распоряжения, коих по краткости моего в Казани пребывания не мог я привести в действие, и предложения к исполнению совету, а именно:

1-е: Рассохшиеся рукава труб или вычинить, ежели можно, или переменить новыми.

2-е: Неудобные, по тягости и огромности их, багры переделать в обыкновенные.

3-е: Сделать расписание пожарной команды таким образом, чтобы в случае нужды каждый солдат знал орудие, которым должен действовать и чтобы немедленно мог при оном явиться по известному знаку.

4-е: Пожарных служителей поручить в команду надежнейшего унтер-офицера, который в должности брандмейстера, за исправность пожарных орудий и служителей, лично отвечает под начальством Екзекутора.

Исправность сей команды не только обеспечит безопасность университета, но и пособием полиции может быть в пожарах, поблизости Университета.

К неисправности Екзекутора должен я был отнести нечистоту, которую нашел в классах, столовых, спальнях и кухнях.

Восстановление повсеместной чистоты и порядка в несколько дней, доказало, что они были возможны и могут всегда быть сохраняемы.

Сохранение их возложил я на личную ответственность Инспектора Студентов и Гимназии [11], доколе сия последняя в университетском доме будет находиться.

В спальнях студентов нашел я воздух испорченным и повторил замечание инспектору мною сделанное, о немедленном устройении отдушин, которые впускали бы в комнаты нужное количество воз-

духа для освещения их поутру и на ночь. Я заметил, что в коридорах у всех почти печей унесены заслонки и даже двойные выюшки, и что беспорядок сей может иметь опасные следствия, ибо против самых печей видел я большие щели в полах.

Инспекторам, каждому по своей принадлежности, поручено сие осмотреть и немедленно представить опись недостающим заслонкам и железным листам своему начальству.

Для предупреждения же подобного неустройства на будущее время, предоставил я право Ректору или Проректору исправлять все подобные небрежности Екзекутора на его счет.

Нестерпимую неопрятность стола и буфета учеников Гимназии и их кроватей, поставил я на замечание главному надзирателю оной; а приведение сей части в надлежащий порядок поручил особенному попечению Директора Гимназии [12] и надзору Инспектора.

Для лучшего наблюдения за сохранением чистоты во всех зданиях Университета и совершенного порядка в классах Гимназии и факультетов, поручено мною проректору составить образование такого внутреннего надзора, который бы начинаясь от входа в университет, окружал непрестанно учеников и студентов.

Для сего предложил я:

1-е. Чтобы учрежден был особенный привратник, как то бывает во всяких публичных заведениях.

2-е. Чтобы в Гимназии из учителей, а в университете из студентов было составлено дежурство.

3-е. Чтобы каждый вечер дежурные доносили своим Инспекторам, а Инспекторы Ректору о всех происшествиях дня.

Для исполнения сих распоряжений предложил я Совету утвердить выбором постоянного Инспектора Студентов и переменить главного надзирателя Гимназии, который как по беспорядку оной, так и по причинам далее в части II-й отделении 1-м о гимназии изъясненным, в настоящей должности остаться не мог.

Внутренняя полиция Университета в самом дурном положении. Инспектор Студентов, профессор Брейтенбах [13], есть человек слабый, в отношении своей должности, он навещает студентов весьма редко, то есть чрез несколько дней, и они живут без всякого

за ними присмотра. Когда сделан мною вопрос о числе их, то для узнания оного собирались от профессоров сведения, о числе слушателей, на их лекциях.

Неопрятность комнат студентами занимаемых, невзирая на приготовления к приезду моему сделанные, поразила меня. Белье постельное нашел я в самом дурном состоянии и многие постели без простыней и наволочек. Кухня и все в ней принадлежности как-то посуда и прочее найдены в столь большой нечистоте, что без отвращения видеть их не можно.

К довершению беспорядочного управления студентами, по предписанию бывшего Министерства, не содержатся они от Университета, но получают жалование и занимаются сами своим хозяйством, в рассуждении стола и других потребностей. Сие имеет то неудобство, что отнимает у них нужное для существеннейших занятий время, оставляет в их распоряжении деньги, которые они и во зло употребляют могут и по неопытности их, самого содержания, надлежащим образом, не обеспечивает.

Отделение 3

О хозяйственном управлении Университетом

По хозяйственному управлению Университета, нашел я только в порядке хранение университетских сумм; но и здесь не мог свидетельствовать 50 р. медью, сложенных, по недостатку места и ветхости мешков таким образом, что один замок и печать сохранение их обеспечивают. Впрочем, заготовление разных для Университета потребностей, как то дров, свеч, провианта и фуража производилось в противность общих и частных Университетского устава постановлениям, не подрядом, а закупом, через Екзекутора. Хотя в оправдание сей совершенно противозаконной меры, и представлено мне то, что покупки производят справочно из цен; но так как несмотря на сие, цены сии превышают истинные торговые, то из сего следует только то, что справочные цены, будучи обыкновенно везде, а особенно в Казани, чрезмерно велики, закрывают злоупотребление закупок некоторым благовидным извинением.

Изъяснив сие Совету Университета, я предложил ему восстановить сию часть управления на законном ее основании.

Сверх сей неисправности закупок самое хранение разных потребностей и особенно дров не мало не обеспечено.

Каждый мог брать их по произволу всякой определительности. Я поручил сделать по квартирам назначение их количества, сообразно числу людей, на законном основании.

Усмотрев из поданных мне отчетов, построениям и починкам университетских зданий, что в оных на довольно значущие суммы закупка материалов производилась чрез Екзекутора, без всякого другого отчета, кроме показания имени купца, у которого что-либо куплено, сделал я надлежащее замечание Совету и предложил отменить сию важную неправильность навсегда, а Екзекутора, замеченного мною, с сей стороны весьма неблагонадежным, обратив на одно исполнение полицейских его обязанностей, поручил всю хозяйственную часть особому Економу, по назначению Совета.

В сем заключается причина того неумеренного увеличения издержек, которое возросло.

Окончив обозрение хозяйственной части Казанского Университета, не нарядил я особой Комиссии для строгого и подробного обревизования Университетских счетов по следующим причинам:

1-е. Все старые счета, в которых заключается наибольшая часть неправильностей представлены были прежнему начальству народного просвещения и оставлены тогда без замечания, что Совет принимая за утверждение оных, в сем смысле и отозвался мне.

2-е. Смерть покойного ректора [14] подала способ ссылаться во всех затруднительных случаях на личные его распоряжения.

3-е. Учет самый подробный невзирая на вышеизложенные к нему препятствия, открыл бы без сомнения растрату важных сумм, без закрытия даже оной законными формами, но он не обнаружил бы подлинно виноватых и не доставил бы способа вознаградить потери казны, ибо и все имущество целого Совета двадцатой части ее не составит.

По сим причинам и ограничил я действие мое, по сему предмету, строгим замечанием Совету и предложением о прекращении бывших по хозяйственной части неустройств на будущее время;

для чего и приняты мною на месте все нужные меры, как Ваше Сиятельство из представленного у сего списка, с последнего моего предложения, усмотреть изволите.

Отделение 4

О положении учебной части Казанского университета

I. Факультет нравственно-политических наук.

В факультете сем не нашел я главной науки Закона Божия.

Из справок по сему случаю мною взятых открылось, что еще в 1814 году, покойный Ректор Браун, заявил Совету о лжеумствовании Студентов, и просил, чтобы для отвращения оного открыты были лекции Закона Божия. Совет представлял попечителю, но представление сие осталось без разрешения. Потом, в прошлом году, Профессор Городчанинов [15], входил в Совет с таким же настоянием; Совет положил сделать справку и доложить присутствию; но сего доселе не исполнил.

Самое разделение наук сего факультета неправильно и с уставом несообразно.

В уставе положен после Профессора естественного, политического и народного права, по точному разделению самой науки права, Профессор Гражданского и Уголовного, сказано, судопроизводства; но под сим словом разуметь должно право Российской Империи; ибо общие начала Гражданского и Уголовного права предшествуют науке судопроизводства, которое составляет только дополнение к оным. Итак, положено учить Гражданскому и Уголовному Российскому праву; а учат вместо того одному Российскому Уголовному.

В уставе положен, равномерно в порядке самой науки права, Профессор прав знатнейших как древних, так и новейших городов; а учат вместо того Римскому и общему уголовному праву, с применением к сему последнему Римского, Германского и опять Российского законодательства, хотя для того и есть особенная кафедра.

Причиной сей запутанности в разделении учебных предметов, есть произвольное их назначение самими преподавателями, без

всякого общего собрания, которое введено сначала и оставалось доныне.

Впрочем в сем факультете один профессор Солнцев [16] преподает лекции на латинском языке; один он занимается своей частью с прилежанием; имеет собрание нужных для нее авторов; составляет записи и принял деятельные меры к тому, чтобы студенты ходили на лекции.

Профессор философии Срезневский [17], воспитанник здешнего Педагогического Института, следуя системе Якоби [18], руководствуется духом не весьма полезным и по счастью преподает лекции свои так дурно, что их никто не понимает. Просидя в классе его два часа спросил я студентов в чем лекция того дня состояла и ни один не знал сего. Полагая, что присутствие мое могло быть причиною сего странного рассеяния, сделал я некоторые вопросы из истории философии, которую они прежде слушали, но в том, ни одного из них, удовлетворительного ответа не получил.

Адъюнкт Манасеин [19], преподающий лекции Естественного, политического и народного права в отсутствие; он открывает училища в Кавказской Губернии.

Из послужного его списка видно, что он сам, преподаваемой им науке, доучивался в Петербурге, не более полутора года, после чего и утверждён здесь же адъюнктом права.

Нет ничего жалостнее преподавания Российского уголовного права Профессором Врангелем [20]. Ни понятия о преподаваемом им предмете, ни познания языка Российского, на котором преподаёт, он не имеет. Поучась в нескольких немецких университетах, вступил он юнкером в Комиссию составления Законов, и переехал в Казань, из юнкеров Комиссии в пять лет сделался профессором. Он зять г-на Яковкина [21].

Профессор Дипломатической политической Экономии Цеплин [22], есть человек самый пустой, и читает лекции политики, самой тщетной и почти не существующей науки.

Профессор Кондырев [23], преподаёт лекции Политической Экономии по Сарториусу [24], который никак не может служить руководством в сей науке; ибо и сам издал только сокращение Смита [25].

Профессор Броннер [26], преподававший лекции Теоретической и опытной физики весьма недостаточно заменяется Магистром Кайсаровым [27].

Впрочем, часть Математических наук сего факультета заслуживает особенное внимание, по выбору преподавателей, можно сказать, что одна сия часть составлена правильно и преподается отлично хорошо. Университет обязан сим случаю. Попечитель Румовский [28] будучи сам известный Математик, занимается сим рядом наук предпочтительно, а с тех пор люди, при нем выбранные и образованные, остались донныне.

Профессор Бартельс [29] есть человек отлично знающий, но не довольно хорошо знает по Русски и лекции преподает вместо на Русском, Немецком, а иногда, смотря по разумению студентов, и на латинском языке.

Он вообще кажется лучшим лучше мог бы быть Академиком, нежели преподавателем. Теперь он болен и сколько мне известно желал бы отправиться в Швейцарию.

Екстраординарный Профессор Астрономии и наблюдатель Симонов [30], молодой человек отличный познаниями и поведением, известный в чужих краях и подающий самую большую надежду, на будущее время. Он преподает лекции свои прекрасно и предлагал Совету правила для экзамена Студентов в математических науках, весьма основательные и необходимые, но предложение сие, показавшееся слишком строгим, не было принято.

Екстраординарный Профессор Никольский [31], сверх отличных достоинств, по своим знаниям в Математике и по нравственным качествам, имеет и то достоинство, что факультет, отдавая справедливость его отменно ясному преподаванию, склонил его давать лекции, первым началам чистой Математики, для вступающих из Гимназии Студентов. Неправильность сего распоряжения, противного Уставу и самому образованию учебной системы, где все приуготовительные науки составляют курс Гимназии, не отнимая из профессора Никольского чести, скромности и усердию его принадлежащие, открывает состояние учения в Казанской

Гимназии и снисходительность, с какою Университет допускает в студенты людей, первым началам существеннейших познаний не обученных.

Вместо сего неправильного доучивания следовало бы не принимать недоученных; но тогда Университет не имел бы студентов; а без студентов и профессора не могли бы долго получать своих окладов и университет не мог бы сохранить того призрака существования, который с сидящими на лекциях учениками, под именем студентов мог он иметь доселе.

Екстраординарный профессор Лобачевский [32], хотя и отсутствующий ныне, по общему отзыву, есть человек отлично знающий.

Адъюнкт Дунаев [33] в преподавании химии не может достаточно заменить хорошего профессора сей науки.

Профессор Естественной Истории, Доктор Фукс [34], есть человек отличный и в ученом свете известный.

Профессор сельского Домоводства и Технологий, Брейтенбах [35], преподает лекции сих тщетных наук, весьма недостаточно, на немецком языке. Занимает две кафедры, для жалования; а имеет в одной и другой 4 слушателя, потому только, что отправляя должность инспектора студентов, может он принудить и принуждает тех из них, кои разумеют по немецки, ходить к нему на лекции.

Итак, в сем факультете преподавание Математических наук в порядке, а впрочем один г-н Фукс может преподавать лекции настоящим образом.

III. Факультет Врачебных наук

Кафедра профессора Анатомии, Физиологии и Судебной медицины, вопреки всякому порядку и университетскому уставу, занята студентом Отсолигом [36], под руководством Декана факультета [37]. Сей молодой человек может быть хорошим учеником, но не учителем.

Таким образом медицинские науки преподаются на факультете далее, но надлежащего основания не имеют.

Патологию, Терапию и Клинику преподает за Профессора сих наук, профессор Фукс. За профессора врачебного веществословия, фармацевтики и врачебной словесности, преподает профессор Медицины и Хирургии доктор Вердерамо [38], человек отлично достойный и в ученом свете известный. Он же преподает лекции Повивального искусства.

Профессор Аригольд [39], человек не знающий Латинского языка и не умеющий доселе собрать остова тела человеческого, человек, коего незнание в Хирургии обличается представляемым у сего списком сделанных им операций, преподает лекции хирургии.

В сем факультете 6 студентов, которые считая жалование профессоров, помещение и отопление, стоят 15 т. р. в год.

IV. Факультет Словесных наук

Профессор Красноречия, Стихотворства и Российского языка Гордчанинов [40], человек весьма доброй нравственности и знает язык правильно; но подает невыгодное мнение о своем вкусе, ибо делает критический разбор, в виде образцовых творений, Одам Графа Хвостова [41], преподает и печатает оные. Не отнимая достоинств от сего поэта, позволительно желать, чтобы разбору его творений предшествовал разбор Ломоносова [42], Державина [43] и Жуковского [44].

Кафедра греческого языка существует только названием. Студенты не умеют читать по-гречески.

Хотя в описании занятий кафедры Латинской словесности и поставлен разбор Горациевых [45] од; но в Дополнительных курсах, как далее будет сказано, учат студентов Грамматике, по книге Бредера [46], что доказывает, что они не могут еще понимать Горация.

V. О Дополнительных курсах

Дополнительные курсы можно разделить на два рода, а именно:

1-й: Доучивание студентов, кои принимаются без строгого экзамена, кои выше показано, первым началам чистой математики, Профессором Никольским, и Латинской Грамматике, учителем Гимназии Сычуговым [47].

2-е: Употребление людей произведенных в высшие ученые достоинства, дабы имели они какое-либо упражнение за получаемое жалование, таковы: 1-й: занятый непомышленным в Математическом отделе профессором Лобачевским [48]. 2-й: преподаваемый адъюнктом Естественной Истории Тимьянским [49], философии ботаники, которая принадлежит к кафедре г-на Фукса и без сомнения им лучше преподаваема быть может. 3-й: военной и гражданской архитектуры, преподаваемой адъюнктом Петровским [50]. 4-й: статистика Российской Империи, которая в то же время в своем факультете преподается Профессором Яковкиным [51]. 5-й: Всеобщей теории изящных наук и правил Российской прозы, из которых последний предмет принадлежит по роду своему к кафедре красноречия и поэзии. 6-й: Всеобщей географии, которая в то же время преподается профессором Томасом [52]. 7-й – Древней Географии, которая также составляет только часть при историческом преподавании, в своем факультете.

Лектор Татарского языка [53] имеет одного ученика и получает за него 600 р. в год.

Те беседы с студентами на латинском языке, к которым § 119-й университетского устава [54] приглашает профессуру никогда не имели места.

Из изложения сей статьи об учебной части Казанского университета Ваше Сиятельство усмотреть изволите, сколько она недостаточна: по полноте факультетов, от недостатка нескольких профессоров, по неспособности многих преподавателей, по невниманию Совета к распорядку учебных предметов и установлению единообразной и доброй методы преподавания, по недостатку надзора за Профессорами и студентами, ходящими произвольно на лекции; по легкому приему в студенты, людей недоученных существеннейшим предметам; низших учебных степеней; по снисходительному производству из сих самых студентов в высшие ученые степени.

Но сколько ни горестно подобное положение одного из высших учебных заведений, стоящего уже правительству два миллиона рублей, желать бы еще можно, чтобы вред его ограничивался сею одною ничтожностью и денежною потерею.

Следующее за сим отделение откроет зло гораздо важнейшее.

Признаюсь Вашему Сиятельству, что, невзирая на вопль ученых и полуученых целой Европы, против намерения основать зыблущийся храм науки на едином, твердом краеугольном камени, я не постыдился спросить у студентов, наученных профессорами философии, управляться нравственным законом, слышали они что либо о законе Божиим, письменном и откровенном и к прискорбнейшему удивлению нашел, что многие из них не знают числа заповедей; другие отвечали мне, что Бог написал их на двух, а не на трех скрижалях, потому что так Ему было угодно, и невзирая на то, что в расписании наук занимаются, якобы они разбором Одиссеи, ни один из тех, коих вопрошал я, не знают, что значит слово Евангелие. Между тем как сочинения Вольтера [55] выбросил я из библиотеки, отобранной для чтения студентов, их Инспектором.

Итак доказанная мною в предшествовавшем отделении полученность воспитанников, довершается неверием и самым глубоким невежеством в Законе Божиим. Из людей так образованных выпущено уже в пятнадцать губерний 43 учителя.

Ваше Сиятельство усмотреть изволите из вышепредставленного мною предложения моего Университетскому Совету в статье IV-й что я был вынужден оставить в актах университета сей горестный ему упрек и некоторое увещание о соглашении впредь университетского духа с духом того Правительства, которое, сделав для него доселе важные пожертвования, вправе требовать, чтобы он основывал ученость своих воспитанников на благочестии.

На будущее время сие важное зло может быть искоренено выбором надежного Попечителя, но прошедшей от него вред, т. е. пятнадцать губерний, наводненные учителями в сем воспитании образованными и ныне других также образующими весьма важен и по моему мнению не скоро исправлен быть может.

Новому попечителю необходимо нужно будет узнать лично Директоров всех подведомственных Университету гимназий, с тем

чтобы увидя неблагонадежных к предполагаемой цели, по их духу, переменить новыми. Другого способа я не вижу.

Статью сию заключаю я тем, что каждый из учителей сих, столь противно выгодам и видам, воспитавшего их Правительства образованный, стоит ему, по соображению сделанных на Университеты издержек 34 022 руб.

Таков плод, принесенный Казанским университетом в течении 14-ти лет.

ЧАСТЬ II

Отделение I-е

О Казанской Гимназии, в порядке хозяйственном, учебном и нравственном

О хозяйственном порядке Казанской Гимназии

Профессор Яковкин [56], человек пронырливый и умевший приобрести благоволение бывших начальств местных и высших, управлявший всем Университетом, до торжественного открытия, составивший часть Университетского Совета из учеников своих, управлял Гимназию самовластно и только с некоторыми наружными обрядами ответственности. Он объявил себя независимым от Университета потому, что Гимназия, им управляемая, имела в 1798 году свои права и донныне называется Императорскою. И таким образом будучи независимым, когда ему нужно, представлял, напротив, на разрешение Университетского Совета свои дела, когда почитал сие для себя надобным, дабы закрыться ответственностию Университета, а сей последний, исполняя беспрекословно виды его, ни разу не спросил Попечителя и чрез него высшее начальство: может ли Гимназия, имевшая права, до прав Университета, и ныне сохранить их, когда по уставу все гимназии ему подчиняются? На сем недоумении застал я управление Г. Яковкина. Взглянув на накупленные им строения, на развалины тех, кои он строил и когда они упали велел разобрать, на новую отстройку Гимназического дома, которая без тех мер, кои приняты ныне, как изволите Ваше Сиятельство усмотреть из предложения моему Совету V-й статьи,

без сомнения вскоре также бы разрушились. На отвратную неопрятность гимназического стола, постелей, белья и всего к гимназии принадлежащего на большие издержки, непрестанно для сего заведения возрастающие, на беспорядок отчетов и книг, которому примером служит небольшая выписка у сего мною представляемая, и когда из всего дела и положений Казанской гимназии сообразил я: 1-е: что она управлялась совершенно безотчетно Г. Яковкиным, 2-е: что с вступления только Вашего Сиятельства в Министерство Просвещения сие замечено, и потому потребованы нужные сведения, 3-е, что при собрании сих сведений открылось, что Гимназия, имевшая экономической суммы 128 т. руб. не только всю ее, доселе безотчетно, издержала, но и начинала представлять, что нуждается в самых необходимых потребностях, 4-е, что о сем было произведено обследование профессором Никольским [57] и к Вашему Сиятельству от 27 Февраля сего года под № 198-м представлено, то нашел я от меня зависящим только то, чтобы до нового устройства Гимназии приостановить продолжение нестерпимых в оной беспорядков и потому, склонив Г-на Яковкина к представлению мне прошения об отставке, предложил Совету, чтобы до разрешения его участи высшим начальством, был он уволен от управления Гимназиею немедленно, чтобы место его заступил и занимал до предполагаемого преобразования оной Профессор Никольский, недавно обнаруживший весь беспорядок ее хозяйственного управления, и чтобы он вместо новых требований, о прибавке сумм, искал средства их избегнуть, уменьшением расходов и прекращением злоупотребительных издержек, как и указал я ему. В то же время я предложил Совету сменить и всю контору Гимназии, как участвовавшую в бывших по оной злоупотреблениям, ибо она могла бы препятствовать Г. Никольскому на восстановление порядка, ею самою нарушенного.

Участь Г. Яковкина, совершенно виновного, как по сей части, так и по Комитету экзаменационному, как ниже сего усмотреть изволите, приемлю смелость представить на Христианское милосердие Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА; ибо он человек старый, больной, обремененный многочисленным семейством, и заслуживающий некоторое снисхождение, по ученым трудам целой жизни и потому, что невзирая на все его злоупотребления, он

ныне точно в крайней бедности и обременен долгами, кои непрестанно поступают на него по взысканию.

2. О состоянии Казанской Гимназии в учебном и нравственном порядке

Гимназия Казанская столько обесславилась своим неустройством, что жители Казани детей своих отдают предпочтительно в довольно посредственный частный пансион Лейтера [58], плата за каждого по 700 руб. в год, но в Гимназию их не помещают. Некоторые отдали на пансион к Г. Яковкину, но для того только, чтобы он, своим влиянием, помог им получить звание студентов. Впрочем, как учебная часть сего заведения, так и нравственная в самом дурном положении. Закон Божий в таком пренебрежении, что между прочим один, из 16-тилетних, учеников гимназии, не умел прочесть мне Символ Веры до конца.

Я надеюсь, что сделанными мною распоряжениями на месте, о коих имел я честь донести выше сего и которые подробно изъяснил в последнем предложении моем Университетскому Совету, поставлена преграда распоряжению замеченного мною зла; а в третьей части сего отчета буду я иметь честь представить коренные направления Казанской Гимназии.

Отделение 2

Положение разных учебных пособий, Институтов и заведений при Казанском университете

1. О библиотеках

Библиотека Университета заслуживает внимания, она состоит из 17 500 томов. Две библиотеки: князя Потемкина и Доктора Франка [59] составляют главнейшее ее основание. В ней есть многие важные редкие и дорогие издания по Богословской и Медицинской части. Собрание творений довольно обильно, но ни для одной части нет полного. Вся библиотека расположена весьма неправильно, не по роду наук, но по алфавитному порядку

авторов. Есть части словесности, по коим нет ни одной книги. По неполноте сей и недополнению ее новейшими по разным частям творениями, библиотека сия представляет хотя довольно обширное, но весьма недостаточное и случайное собрание книг, которое требовало бы больших издержек, ежели бы нужно было привести его в надлежащее состояние. По сей причине предложения мои о сей библиотеке буду я иметь честь представить в своем месте, при заключении отчета.

2. О Кабинете естественной истории

Кабинет естественной истории при Университете получил начало от нескольких шуфов [60] и чучел взятых из Казанской Гимназии и до 1817 года распространялся мало помалу присылаемыми в него шуфами и костями редких животных. В 1817 году приобрели они большое количество шуфов и окаменелостей и сверх того для него куплены у профессора Броннера [61] 1-е собрание раковин, заключающее все ряды Линнеем описанные в числе 1630 и 2-е собрание Минералов до 2811 шуфов простирающееся. Сие последнее приобретение заслуживает некоторое внимание, но будучи сделано случайно и не в надлежащей системе, так как и все сборы сего Кабинета, не представляет нужной в сих собраниях целости, ибо большая часть его отделения не полна, а в иных классах число пород столь малочисленно, что при преподавании не можно показать естественной их связи и переход одной в другую. Сверх того многие чучелы, которых только 37 пород испорчены молью, а кости редких животных не описаны. По сим причинам, Кабинет сей не может быть иначе почтен как некоторым началом заведения сего рода и по близости Университета к Сибири и тем способом, кои имеет он сделать полное собрание ископаемых сего края, может некогда послужить основанием к оному.

3-е. О Ботаническом саде.

Ботанический сад и две заведенные в оном теплицы столь маловажны, что не стоят издержек на них ежегодно употребляемых.

Гораздо было бы полезнее, ежели бы прекрасное место, по почве самой земли и по климату, для ботанического саду не способное, обращено было в гулянье для воспитанников.

4. О физическом Кабинете

Физический Кабинет будучи равным образом составлен с 1808 года, случайно и оставаясь с недополнением в порядке, представляет неполное собрание орудий. Недостаток гидравлических, аэростатических, оптических орудий и особенно моделей механических, препятствует полному преподаванию опытной физики.

5. О химической лаборатории

Химическая лаборатория, с 1806 г. учрежденная, была также дополняема погодно. Недостатки [так в тексте. – *Ред.*] ее состоят:

1-е: в электрической машине с прибором

2-е: в хорошем гальваническом снаряде

3-е: в воздушном насосе

4-е: в фарфоровых, серебряных и платинных сосудах и многих других приборах для точных химических опытов.

Составляемая же, по недостатку в университетской библиотеке химических книг, особенная, при лаборатории, весьма мало-значительна [так в тексте – *Ред.*].

6. Об Анатомическом театре

Ничто не может быть постыднее для публичного ученого заведения, как то, что при Казанском университете называется Анатомическим театром. Он есть изба довольно неопрятная, с русской печью; в которой стоит на столе ящик с инструментами и недалеко небольшой шкаф с набранными, как бы по случаю, человеческими, разных частей костями, из коих некоторые объедены крысами. Один полный скелет четвероногого петуха и двух уток.

Причиною того, что нет остовов человеческих тел мужской и женской сказано мне Медико-Хирургом, что 3 мужские тела, 2

женских, один медведь и лошадь размачиваются уже три года в особенном доме, который куплен для сего за городом.

Собрание нужных для театра вещей достойно сего заведения, равно как и представленный мне список хирургических операций, в котором хотя и поставлены некоторые важные, но без означения, что те, над коими они деланы умерли, как то действительно было, прочие же весьма приличны Хирургическому заведению при университете, а именно: 1-е Поставление врачебных свеч, 2-е выдергивание ресниц, 3-е вырезание обвислости верхнего века, 4-е изъятие занозы из века и 5-е, извлечение конца веретена из ляжки мальчика.

Я соединил сии замечания об Анатомическом театре и Хирургическом Институте потому, что сей последний существует только по имени, но действительно оба сии заведения по недостатку знающего Профессора Анатомии и Медико-Хирурга, которые бы положили им хотя бы начало, доселе к стыду только Университета существуют.

7. Об Университетской обсерватории

Из астрономических институтов на обсерватории университета находящихся Бердов круг, Доллондова труба с микрометром, Траутонов Секстант и Астрономические часы весьма хороши и могут быть с пользой употреблены на всякой обсерватории; прочие же орудия не заслуживают никакого внимания, были куплены довольно дорого и бесполезно, ибо между иными есть некоторые до 2 т. руб. стоившие, и как куплены потому только, что попечитель Румовский [62], делал некогда, помощью их, свои наблюдения в Сибири.

Об Институтах

1. Об Институте Клинико-Терапевтическом

Они заведены на весьма малом размере; но содержатся в порядке и большой опрятности, под надзором Доктора Фукса [63]. Я нашел студента Отсолига [64], за оным надзирающего, весьма хо-

рошо знающим свою должность, а эконома больницы в совершенном порядке. Я осматривал белье больных, хранящееся в шкапах у него в комнате поставленных, нашел его в довольном количестве, совершенной чистоте и самом приличном расположении. Старый служитель сей заслуживает награждения.

Второй Институт Хирургический, как я показал выше, не существует.

Института повивального искусства также нет, хотя как тот, так и другой, положены.

Об Институте Педагогическом

В противность Устава и существенной пользы учебного округа Казанского Университета, Институт Педагогический существует при нем только именем, и весьма странным образом. Те самые студенты, кои живут в Университете, окончив якобы академический курс наук, числом два, под именем Кандидатов почитаются Педагогическим институтом. Преподавателями сего мнимого Института считаются два магистра. Ни книг, ни других пособий, ни преподаваний в Институте и даже комнаты для оногo нет. Есть одно действительно существующее в сем воображительном заведении: прибавка к жалованью профессора, именуемого Директором и целый почти особенный дом для его помещения.

О Комитетах

Два рода Комитетов, из установленных при Казанском университете, заслуживают внимания Вашего Сиятельства, по замечаниям мною сделанным, 1-е, Комитеты по разным предметам при Университете с открытия его бывшие и 2-е, Комитет для экзамена гражданских чиновников.

1. О комитетах по разным предметам при Университете

Из числа 36 Комитетов, с 1806 г. бывших, два или три заслуживают внимания и занимались полезным делом, прочие же: 1-е,

одобряли денежные отчеты разных годов, без всякого внимания к сохранению Университетских сумм и прекращению противозаконного их употребления, 2-е, представляли обширные статьи предполагаемым зданиям, для описанного мною выше Анатомического театра, 3-е, изыскивали надежнейшие средства для утушения пожаров в Университетских зданиях, вместо осмотра разошедшихся труб и брошенных багров, которые принужден я был, шесть лет после сего комитета, чинить и приводить в порядок, 4-е, закрывали жалобы и доносы еще в 1815 г. на Директора Гимназии от учителей оной бывшие, принуждая за оные выговор.

В сем состояли упражнения университетских Комитетов от 1806 по 1819 год.

2. О Комитете Экзаменационном

Комитет сей составлен был из известного уже Профессора Яковкина [65], из Профессора Бартельса [66], не знающего по русски и профессора Врангеля [67], зятя г. Яковкина.

Я рассматривал некоторые дела сего Комитета, ибо общее в городе на него нареkanie, поставило мне сие в обязанность, и нашел, что многие из экзаменов произведены в противность установлениям, не в самом Комитете, и следовательно, не в положенное число его заседаний, а на дому у каждого из профессоров, ибо и свидетельства их, отдельно выданные и на коих основан впоследствии аттестат Университета, сшиты вместе и составляют, некоторые так называемые дела об экзаменах, без выписки из журналов, коих и быть не могло по сему производству.

Примерный в сем роде, самый злоупотребительный экзамен сделан Титулярному Советнику Яшерову, который лично по Симбирской Губернии за человека неученого мне известен, делает на экзамене ошибки против Русской Грамматики, и именно в правописании, и получает аттестат в знании красноречия, разрешает задачи Алгебры, совсем ему неизвестной, а на вопросы о правах и Политической Экономии, дает ответы совершенно смысла не заключающие и доказывающие, что он не умел даже пересказать того, что ему и сих ответов сказывали. Злоупотребление сего экза-

мена известно даже в публике Казанской, но между тем Г. Яшеров получил аттестат и по оному чин 8-го класса. Подобных сему экзаменов, из 16-ти Комитетом произведенных, большая половина.

Видя сие позорное нарушения закона, под предлогом уволенного от управления Гимназии и экзаменационного Комитета Профессора Яковкина, предписал я Проректору Университета, при выезде из Казани, приостановить выбор нового председателя сего Комитета, дабы тем прекратить сии злоупотребительные экзамены, до разрешения судьбы самого университета.

Винновыми в оных нашел я:

Профессора Яковкина и зятя его Врангеля, и как уже выше сего изъяснил о первом своем мнении, то о последнем имею честь представить, что не почитаю его для службы благонадежным и полагал бы уволить от оной, третьего же члена Профессора Бартельса, человека по учености его заслуживающего уважение, не могу признать совершенно виновным, ибо он не знает по русски, и вероятно, не вмешиваясь в злоупотребления Комитета, ограничивался экзаменом своей только части, Математики.

Отзыв сей слышал я и от всех его товарищей.

3. О Типографиях

1. О Русской Типографии

Типография сия в таком же положении, как и большая часть заведений сего Университета. С 1808 по 1815 год получила она, сперва на обзаведение, а потом на содержание свое, из казны 14 т. р. Всего издержано ею 45 666 руб., и она с готовым помещением и отоплением, которое также стоит за все время, по крайней мере 10 т. руб. не могла содержать себя, задолжала в хозяйственную сумму Университета около 10 т. руб. Пришла в совершенный упадок, печатает ныне весьма дурно и медленно, и с начала своего учреждения за 55 т. р., коих стоит, напечатала 77 разных мелких, и в том числе не более девяти, довольно полезных сочинений, а несколько и вредных, по духу деизма, в котором они написаны.

2. О Азиатской Типографии

Типография сия гораздо в лучшем положении, нежели Русская, по состоянию ее принадлежностей и штату, но не приносит того дохода, который приносить должна, по злоупотреблениям в управлении ее допущенным. Она может быть поставлена на самую лучшую ногу. Может приносить доход правительству печатанием нужных для Магометан книг и вместе, будучи орудием библейского общества, и не ограничиваясь тиснением Алкорана, может служить к распространению Евангелия на Татарском языке. Новое устройство ее можно будет поручить благонадежному Директору Казанской гимназии, при которой и можно ее на прежнем основании оставить.

От меня приказано окончить прием сей Типографии от бывшего Фактора, выслать ее из его дому к Адъюнкту Юнакову [68] оную принимающему поручено составить подробное обозрение, с предположениями к новому устройству.

Заключая сим отчет мой об Университете и всех его принадлежностях, честь имею представить у сего краткую выписку и истории оногo по моему требованию составленной, с некоторыми на нее замечаниями.

ЧАСТЬ III.

Отделение I *Заключение*

Так как все сведения о разных частях управления Казанского университета, как имел я честь изложить в двух предшествовавших частях сего отчета, основаны на документах, по требованию моему от Университета мне представленных, подписал я подписями его начальства и разных чиновников утвержденных и кои у меня хранятся, то, по достоверности их, можно безошибочно вывести из настоящего моего представления следующие замечания: 1-е, университет по самому его составу не выполнил и не может выполнить тех обязанностей, кои возложены его уставом.

2-е, он несет только наименование Университета и, по принятым формам, представляет некоторый вид сего рода заведений, но на самом деле никогда не существовал, не только не приносит той пользы, какую можно бы ожидать от благоустроенной Гимназии, но даже и причиняет общественный вред, полуученостию образуемых им воспитанников и учителей для обширнейшего округа, особенно же противным Религии их духом Деизма, и злоупотреблением его, обширных прав своих, по разным частям управления.

3-е, уже семь лет стоит сей вредный Университет от 134 до 247 т. р. в год, между тем как две знатнейшие наши Духовные Академии Петербургская и Московская, образующие столько отличных христианских учителей, едва и половину сей суммы, сколько мне известно стоят, а в том же городе где находится Университет несравненно лучшая его Семинария, получает на свое содержание не более 15 т. р.

4-е. Гимназия Казанская, по злоупотребительному хозяйственному ее управлению, по недостаточному образованию к выбору ее учреждений и по духу, которым заражена она от Университета, представляет заведение в самом дурном положении.

5-е. Управление обширного округа Казанского Университета, объемлющие 15 губерний, должно быть в самом дурном положении, судя по тому, что об Университете доказано.

Отделение 2-е

Общее мнение мое по сему делу

На благосклонную доверенность, с которою Ваше Сиятельство предписать мне изволили представить Вам, вместе с донесением о всех подробностях осмотра, мое мнение, об исправлении Казанского Университета, ежели исправить его можно, или в противном случае, о замене его другим родом учебного управления; я иначе отвечать не могу, как по совести и крайнему моему разумению, и потому полагаю понеже нет никакой возможности исправить такое сословие, где из двадцати человек, едва треть благонадежных выбрать можно.

1-е. Казанский университет, пользовавшийся всеми правами и преимуществами, присвоенными, и свято со стороны Правитель-

ства сохраненными, нарушивший с своей стороны коренные обязанности свои и тем, в продолжении нескольких лет, раздравший грамоту ему дарованную условно (ибо утвержден совокупно с нею и устав обязанности его определяющий), злоупотребивший суммой 2 млн руб., причинивший очевидный вред не токмо от себя непосредственно, но и в обширном округе, по непреложной справедливости и по всей строгости прав, подлежит уничтожению.

2-е. Уничтожение сие может быть двух родов: а) в виде приостановления Университета и в) в виде публичного его разрушения.

Я бы предпочел последнее, по следующим причинам.

Ежели приостановить его, под видом недостатка профессоров или подобным, то нет сомнения, что истинное намерение его уничтожения не скроется, ученые всей Европы столь ожесточенные обличением вредных последствий мнимого их просвещения, будут клеветать правительство, приписывая единому действию власти, то что сделано по самой строгой справедливости, а ежели будет заявлено публично, что Университет (который впрочем, в ряду государственных установлений, по самому его уставу, не более значит, как коллегия), нарушил свои обязанности, что можно доказать статьями самого его устава; злоупотребил права ему дарованные и не принес ожидаемой от него в продолжении 14 лет пользы, что все может быть доказано математически, тогда пусть все возможные университеты судят приговор сей. Все честное и благомыслящее из современников и потомства, будет на стороне Правительства.

Акт об уничтожении Казанского университета тем естественнее покажется ныне, что без всякого сомнения все правительства обратят особенное внимание на общую систему их учебного просвещения, которое сбросив скромное покрывало философии стоит уже посреди Европы с поднятым кинжалом.

3-е. За сим можно бы было разместить приличным образом то малое число людей достойных из чиновников Казанского университета, которым, с предположением о их употреблении представляется у сего особенная записка. Они тем более заслуживают покровительства Вашего Сиятельства, что посреди общего неустройства, в нем не участвовали и сколько было возможно противились злоупотреблениям и были полезны.

4-е. Пять домов Университета и три Гимназии принадлежащие, могли бы быть осмотрены, нарочно посланным отсюда архитектором, и приведены в наилучший порядок из хозяйственной суммы Университета 109 430 руб. составляющей.

5-е. Вместо Университета можно бы было, в главном из его зданий, поместить Гимназию, которая сохраняя, как то было до Университета, название Императорской Гимназии, получила бы новое обширнейшее и лучшее образование. При гимназии нужно бы тогда было устроить отделение для образования учителей, из казенных воспитанников, и пансион для благородного юношества, которое бы только жило в особенном доме и на особом положении, и училось бы в Гимназии.

Меня уверяли в Казани, что если бы Правительство устроило такой Пансион, то дворяне всей губернии охотно стали бы платить за каждого воспитанника по тысяче рублей.

6-е. Как гимназию так и Пансион поручить надежному и благочестивому чиновнику, который бы жил в самом доме Гимназии.

7-е. Преподавание Закона Божия т. е. той части Священной Истории, Богословия Догматического и нравственного и Археологии, которая нужна каждому человеку, какого бы состояния он ни был, поручить по выбору Преосвященного, кому либо из отличнейших духовных особ.

Я имею причину надеяться, что сам Ректор Казанской Семинарии [69] примет на себя сию обязанность.

8-е. К управлению Гимназии присоединить можно центральное Татарское училище, которое бы управляло прочими и образовало для них учителей, но вместе, будучи под влиянием христианского управления без малейшего вида стеснения совести Магометан, подавало бы способ, с нужною осторожностью, действовать к не приметному и постепенному их отклонению от Алкорана.

Училище сие ничего бы не стоило правительству, ибо профессор Казанского университета Кондырев [70], человек отлично деятельный и усердный, сказывал мне, что будучи в Оренбурге, склонил он весьма удачно Муфтия [71] обнародовать всем подведомственным ему Магометанам, о пожертвовании на сей предмет. Благодарность за сие письмо от Г[осподина] М[инистра] Нар[од-

ного] Пр[освещения] чрез Профессора Кондырева к Муфтию посланное, доверит сие дело наилучшим образом.

9-е. Сверх того из суммы, на Университет ежегодно ассигнованной, можно основать в Казани важное и для тамошнего края и для армии заведение – большой Медико-Хирургический Институт, со всеми к оному принадлежностями, как-то: Анатомическим Театром, Клиническими Медицинского и Хирургического больницами и скотоврачебным отделением.

Казанский Преосвященный [72] уверил меня, что из всей Епархии своей может он на первый случай дать ежедневно 100 учеников, а так как полный курс Медицинских наук занимал бы четыре года, то по истечении оных, институт мог бы давать Правительству ежегодно около ста лекарей, а со временем более. Ежели предположения сии будут одобрены, то я могу представить образование сего Института; ибо все нужные к тому материалы мною собраны.

10. Разные учебные пособия Университета могут быть употреблены следующим образом:

Из библиотек Университета можно будет библиотеку Франка отдать Медицинскому Институту; из оставшейся выбрать достаточную для Гимназии, а редкие издания взять сюда.

Из кабинета Физического, можно с нужными дополнениями составить хороший для Медицинского Института, равно как и из лаборатории и кабинета Естественной истории.

Из обсерватории лучшие орудия можно взять сюда.

11. Для управления Медицинским Институтом можно определить Директором профессора Фукса, который ныне в Казани находится.

12. Все сии заведения равно как и управление округом поручить Попечителю, с особенною инструкцією. Таким образом, вместо одного Университета и расстроенной Гимназии Правительство без малейшей прибавки к настоящим издержкам, получит: 1-е. Благоустроенную Гимназию, которая будет снабжать округ свой учителями.

2. Пансион для благородного юношества.

3. Татарскую Гимназию и

4. Медицинский Институт, который давал, чрез 4 года от сего, ежегодно сто лекарей армии, снабжать будет весь тамошний край скотоврачами столь необходимыми для его обширного скотоводства.

Ежели предложения сии удостоятся утверждения, то неукоснительно может быть представлено полное их раскрытие, состоящее в принадлежащих к оному образованиях.

Сим закончу я отчет, который был обязан дать по делу на меня возложенному.

Недостатки оного прошу я Ваше Сиятельство отнести к неупражнению моему доселе по части народного просвещения, все же то, что может принести некоторую пользу, по всей справедливости, отдано на счет тех чиновников, коих деятельною помощью и отличным усердием в самое короткое время я мог собрать все нужные материалы, за 14 лет по всем частям Университетского Управления, по всем его заведениям и по Казанской Гимназии. Представляя у сего список сим достойным чиновникам, я покорнейше испрашиваю заслуженных ими наград.

Подписал: Член Главного Правления Училищ [73].

М. Магницкий.

1. Создано в 1817 г. с целью внедрения религиозных ценностей в систему образования Российской империи, «дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения». Делилось на два департамента – Духовных Дел и Народного Просвещения. Просуществовало до 1824 г.

2. Голицын, Александр Николаевич (1773 – 1844), князь, государственный деятель. С 1803 г. обер-прокурор Святейшего Синода, в 1817 – 24 гг. министр духовных дел и народного просвещения.

3. Должность, соответствующая современной должности старшего преподавателя.

4. Яковкин, Илья Федорович (1764 – 1836), заслуженный профессор российской истории, географии и статистики. Воспитанник Петербургской Учительской семинарии. Профессор Казанского университета с 1805 г. Первый его директор и инспектор казеннокоштных студентов (1805 – 1813). При нем университет работал без разделения на факультеты и без выборной администрации. Обвинен в злоупотреблениях властью и растрате казенных средств. Уволен 5 августа 1819 г. без права на пенсию.

5. Имеется в виду торжественная речь, произнесенная профессором философии и естественного права И. Е. Срезневским (см. сноску 17): *Срезневский И. Е.* Рассуждение о разных системах нравоучения, сравненных по их началам: Актовая речь. Казань, 1817 (перепечатана в Вестнике Европы. 1817. № 19).

6. С февраля 1818 г. должность эзекутора, т. е. эконома и коменданта зданий, исполнял Ушмарский: Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 781 «Дело об определении чиновника Ушмарского эзекутором в Казанском университете». 1818.

7. Калмыков Платон, как значится в материалах ревизии, «купеческий сын», с которым университет заключал договора на ремонт университетских домов. За ремонт одного гимназического корпуса ему было заплачено в 1818 г. 28 000 рублей (РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 260. Л. 303).

8. Аригольд, Адам Иванович (1785 – ?), профессор хирургии и повивального искусства. Окончил Петербургскую медико-хирургическую академию. Профессор Казанского университета с 1812 г., заведовал клиническим институтом. Уволен 5 августа 1819 г.

9. Герман, Мартин Готфрид (1755 – 1822), профессор латинского языка, литературы и древностей. Выпускник Геттингенского университета. Профессор Казанского университета с 1805 г. В 1813 – 1819 гг. – декан словесного факультета; в 1817 – 1819 гг. – директор Педагогического института при университете. 5 августа 1819 г. уволен «по старости лет».

10. Врангель, Егор Васильевич (1785 – 1841), профессор гражданского права и уголовного судопроизводства Российской империи, секретарь университетского совета. Слушатель Иенского, Виттенбергского и Вюрцбургского университетов. Адъюнкт Казанского университета с 1809 г., экстраординарный профессор с 1811 г., ординарный профессор с 1815 г. Уволен 5 августа 1819 г.

11. См. сноску 13.

12. Директором гимназии с 16 марта 1819 по 9 июня 1820 г. был назначен профессор Казанского университета Г. Б. Никольский.

13. Брейтенбах, Филипп Леонтьевич (1770 – 1845), профессор технологии, сельского домоводства и лесоводства. Воспитанник Эрфуртского, Майнцкого и Геттингенского университетов. Профессор Казанского университета с 1812 г. С сентября 1817 г. по июнь 1819 г. – инспектор казеннокоштных студентов. Уволен 5 августа 1819 г.

14. Браун, Иван Осипович (1777 – 1819), профессор анатомии, физиологии и судебной врачебной науки. Выпускник Венского университета. Профессор Казанского университета с 1807 г. Первый выборный ректор университета после его полного открытия, состоявшегося в июле 1814 г. Избирался ректором трижды: в 1811 (результаты выборов не были утверждены министром), в 1813 (утвержден в должности в феврале 1814 г.) и в 1817 г. Умер в январе 1819 г.

15. Городчанинов, Григорий Николаевич (1772 – 1852), профессор русской словесности. Воспитанник Московского университета. С 1806 г. – адъюнкт, с 1810 г. – экстраординарный профессор, с 1814 г. – ординарный профессор. С 1816 по 1822 гг. – декан словесного, а в 1822 – 1824 гг. – декан нравственно-политического отделений. См.: Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 337 «Предложение профессора Городчанинова о преподавании Закона Божьего». 1818.

16. Солнцев, Гавриил Ильич (1786 – 1866), профессор прав знатнейших древних и новых народов. Воспитанник Московского университета. Преподаватель Казанского университета с 1814 г. С июня 1818 по июнь 1819 г. – декан отделения нравственно-политических наук. С декабря 1818 г. по октябрь 1819 г. выполнял обязанности проректора. В октябре 1819 г. утвержден на один год ректором университета. Уволен в 1823 г. за преподавание теории естественного права.

17. Срезневский, Иосиф Евсевьевич (1780 – ?), профессор философии и преподаватель естественного права. Выпускник Московской духовной академии и Главного Педагогического института в Петербурге. Преподаватель Казанского университета с 1811 г. С 1812 г. – магистр, с 1815 г. – адъюнкт, с 1817 г. – экстраординарный профессор. Уволен 5 августа 1819 г. за неблагонадежность.

18. Якоби, Фридрих Генрих (1743 – 1819), философ и романист, член Академии наук в Мюнхене, полемизировал с рационалистическими учениями Канта, Фихте и Шеллинга, считал источником познания чувство и веру.

19. Манасеин, Елпидифор Петрович (1795 – 1833), адъюнкт правоведения. Выпускник Казанского университета. С 1811 – студент-кандидат, с 1814 – магистр, с 1817 г. – адъюнкт правоведения. В 1819 г. командирован визитатором училищ на Кавказ. Уволен из Казанского университета в 1821 г.

20. См. сноску 10.

21. См. сноску 4.

22. Цеплин, Петр Андреевич (1772 – 1832), профессор всеобщей истории, географии и статистики, а затем политэкономии и дипломатики. Воспитанник Ростовского и Геттингенского университетов. Профессор Казанского университета с 1805 г. Уволен в 1806 г. за конфликт с Яковкиным. Вновь поступил на службу в Казанский университет в 1813 г. Уволен 5 августа 1819 г. за употребление спиртных напитков.

23. Кондырев, Петр Сергеевич (1788 – 1823), профессор исторических наук и политической экономии. Выпускник Казанского университета. С 1807 г. – студент-кандидат и помощник инспектора казеннокоштных студентов, с 1809 г. – магистр, с 1811 – адъюнкт, с 1814 – экстраординарный профессор, с 1820 г. – ординарный профессор.

24. В 1812 г. П. С. Кондырев сделал перевод книги геттингенского профессора Г. Сарториуса фон Вальтерхаузена «Начальные основания народного

богатства и государственное хозяйство». В ней в доступной форме была изложена передовая на тот момент экономическая теория Адама Смита

25. Смит, Адам (1723 – 1790), шотландский экономист, один из крупнейших представителей классической политэкономии.

26. Броннер, Франц Ксаверий (1758 – 1850), профессор теоретической и опытной физики. Учился в иезуитской семинарии Диллингена и духовной семинарии Нейбурга, ученик профессора математики Диллингенского университета И. Б. Пикеля. Профессор Казанского университета с 1810 г. С 1812 по 1816 гг. – директор Педагогического института при университете, с 1814 по 1816 гг. – инспектор казеннокоштных студентов. В 1817 г. уехал из Казани в отпуск и не вернулся. Окончательно уволен в мае 1820 г.

27. Кайсаров, Андрей Васильевич (1787 – 1854), адъюнкт физики. Выпускник Казанского университета. С 1809 – студент-кандидат, с 1811 – магистр, с ноября 1819 по декабрь 1820 выполнял обязанности лаборанта при профессоре физики, с октября 1820 г. – адъюнкт.

28. Румовский Семен Яковлевич (1734 – 1812), академик, первый русский астроном, ученик Л. Эйлера. С 1760 г. преподавал в Петербургской АН, с 1800 г. – ее вице-президент, служил в Комиссии народных училищ. С 1803 по 1812 г. – попечитель Казанского учебного округа.

29. Бартельс, Иоганн Мартин Христиан (1769 – 1836), профессор математики. Выпускник Геттингенского университета. Профессор Казанского университета с 1808 г. С 1814 по 1820 г. – декан отделения физико-математических наук. В сентябре 1820 г. перешел в Дерптский университет.

30. Симонов, Иван Михайлович (1794 – 1855), профессор астрономии. Выпускник Казанского университета. С 1812 г. – магистр, с 1814 г. – адъюнкт, с 1816 г. – экстраординарный профессор, с 1822 г. – ординарный профессор. Участвовал в кругосветном путешествии на шлюпах «Восток» и «Мирный» под командованием Беллинсгаузена и Лазарева.

31. Никольский, Григорий Борисович (1785 – 1844), профессор прикладной математики. Выпускник Петербургского педагогического института. С 1808 – магистр, с 1811 – адъюнкт, с 1814 – экстраординарный профессор, с 1817 – ординарный профессор Казанского университета.

32. Лобачевский, Николай Иванович (1793 – 1856), профессор чистой математики, ректор Казанского университета (1827 – 1846). Выпускник Казанского университета. С 1811 – магистр, с 1814 – адъюнкт, с 1816 – экстраординарный профессор, с 1822 – ординарный профессор Казанского университета. Создатель неевклидовой геометрии, внесшей коренные изменения в представления о природе пространства.

33. Дунаев, Иван Иванович (1788 – 1847?), профессор химии и технологии. Выпускник Петербургского главного педагогического института. С 1811 – магистр, с 1814 – адъюнкт, с 1817 – экстраординарный профессор, с

1823 – ординарный профессор Казанского университета. С 1816 по 1820 г. был редактором газеты «Казанские известия».

34. Фукс, Карл Федорович (1776 – 1846), профессор терапии, патологии и клиники. Учился в Герборской академии, Геттингенском и Марбургском университетах. Профессор Казанского университета с 1805 г. До 1818 г. преподавал естественную историю и ботанику.

35. См. сноску 13.

36. Отсолиг (Оссолиг), Федор Мартинович (1798 – 1863), преподаватель анатомии, физиологии и судебной медицины. Воспитанник Казанского университета. В 1818 – 1819 гг., будучи еще студентом, начал преподавать. С июня 1818 г. по декабрь 1819 г. был помощником врача университетского клинического института.

37. См. сноску 38.

38. Вердерамо, Эммануил Осипович (1778 – ?), профессор повивального искусства. Учился в университете Салерно. В 1812 г. получил степень доктора медицины Венского университета. Профессор Казанского университета с 1815 г. Кроме медицинских курсов преподавал итальянский язык и фехтование. С 1817 г. по 1820 г. – декан отделения врачебных наук. Уволен в январе 1820 г. по болезни.

39. См. сноску 8.

40. См. сноску 15.

41. Хвостов Дмитрий Иванович (1757 – 1835) – русский писатель, член Российской Академии с 1785 г., автор драм, од, эпиграмм и посланий, служивших мишенью насмешек современников.

42. Ломоносов, Михаил Васильевич (1711 – 1765), русский ученый, поэт, заложивший основы современного русского литературного языка.

43. Державин, Гаврила Романович (1743 – 1816), русский поэт, представитель классицизма.

44. Жуковский Василий Андреевич (1783 – 1852), русский поэт, создатель русского романтизма.

45. Гораций, Квинт Флакк (65 г. до н. э. – 8 до н. э.), римский поэт.

46. Бредеро, Гербранд Адрианс (1585 – 1618), голландский драматург и поэт. Автор комедий из народного быта.

47. Сычугов, Иван Петрович, кандидат правоведения. Выпускник Казанского университета. В мае 1819 г. ему было поручено преподавание в университете латинского языка.

48. См. сноску 32.

49. Тимьянский, Василий Ильич (1791 – ?), профессор естественной истории и ботаники. Выпускник Казанского университета. С 1809 г. – студент-кандидат, с 1811 г. – магистр, с 1814 г. – адъюнкт, с 1820 г. – экстраординарный профессор, с 1823 г. – ординарный профессор. Уволен в июле 1825 г. по собственному прошению.

50. Петровский, Степан Сергеевич (1769 – 1819), адъютант артиллерии, фортификации и архитектуры. Воспитанник Московского университета. С 1810 г. – адъютант Казанского университета по преподаванию артиллерии и фортификации, с 1812 г. преподавал также гражданскую и военную архитектуру. В 1810 – 1812 г. был смотрителем публичных (для чиновников, желавших получить университетский аттестат) курсов. Уволен в марте 1819 г. по болезни.

51. См. сноску 4.

52. Томас, Иван Григорьевич (1770 – ?), профессор всеобщей истории, географии и статистики. Учился в Галльском и Иенском университетах. Профессор Казанского университета с 1810 г. С 1816 по 1822 гг. – пастор евангелическо-лютеранской церкви Казани. Уволен из университета 5 августа 1819 г.

53. Хальфин, Ибрагим Исаевич (1778 – 1829), лектор татарского языка и адъютант восточной словесности. Получил домашнее образование и духовное образование в медресе. Преподаватель Казанского университета с 1812 г. С 1823 г. – адъютант восточной словесности. Автор учебников и словарей татарского языка.

54. «Желательно, чтобы Профессоры некоторых наук, особливо Словесных, Философических и Юридических, учредили беседы со студентами, на которых предлагая им на изустное изъяснение предметы, исправляли бы суждения их и самый образ выражения, и приучали бы их основательно и свободно изъяснять свои мысли, и для удержания при Университете Латинской Литературы желательно, чтобы в беседах сих употребляем был Латинский язык».

55. Вольтер, настоящее имя Мари Франсуа Аруз (1694 – 1778), французский писатель и философ-просветитель, сыгравший значительную роль в идейной подготовке французской революции 1789 г.

56. См. сноску 4.

57. См. сноску 31.

58. Лейтер, Иван Феодорович (1770 – 1842), лектор немецкого языка. Выпускник Лейпцигского университета. Преподаватель Казанского университета с 1812 г. Содержатель частного пансиона для мальчиков. Уволен из университета в июле 1821 г. по подозрению «в неблагонадежности».

59. Основу университетской библиотеки составили личная коллекция князя Г. А. Потемкина-Таврического (состоящая из ценных зарубежных и отечественных изданий, в том числе карт и альбомов, часть из которых являются раритетами), книжные собрания казанского помещика В. П. Полянского и доктора И. П. Франка. Сохранился каталог этой библиотеки, относящийся к 1808 г. Он содержит 3434 названия отдельных сочинений.

60. Штуф – кусок, глыба руды или иного ископаемого.

61. См. сноску 26.

62. См. сноску 28.

63. См. сноску 34.

64. См. сноску 36.

65. См. сноску 4.

66. См. сноску 29.

67. См. сноску 10.

68. Юнаков, Михаил Алексеевич (1790 – 1820), адъюнкт исторических наук. Воспитаник Казанского университета. С 1811 г. – магистр, с 1815 г. – адъюнкт. С 1812 по 1816 гг. – помощник инспектора казеннокоштных студентов. С 1814 по 1820 гг. – секретарь отделения словесных наук.

69. С 1818 по 1832 ректором Казанской семинарии был Феофан Александров (1785 – 1853).

70. См. сноску 23.

71. Муфтий – глава Оренбургского Магометанского Духовного собрания. С 1788 г. им был назначен Мухаметджан Хусейнов. Речь идет о плане Кондырева учредить с помощью муфтия высшее мусульманское медресе при Казанском университете.

72. Архиепископ Казанский и Свяжский с 1816 по 1826 гг. Амвросий II (Алексей Протасов) (1752 – 1831).

73. Главное Правление Училищ – орган при министерстве народного просвещения, а с 1817 г. при министерстве духовных дел и народного просвещения, куда входили попечители всех 6-ти учебных округов, занимался разработкой концепции образовательной политики, утверждением учебных пособий и отчетов учебных заведений, осуществлял кадровые назначения.

Из архивного следственного дела № Р-48956
в отношении Шульгина Василия Витальевича¹

№ 1. Ордер № 613 на арест В. В. Шульгина от 31 января 1945 г.

НКО – СССР

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КОНТРРАЗВЕДКИ «СМЕРШ»

ОРДЕР № 613 [1]

Января 31 дня 1945 г.

Выдан –

тов. *Коптеву*

на производство *ареста и обыска*

Шульгина

Василия Витальевича

По адресу: *по месту нахождения*

Примечание. Все должностные лица и граждане обязаны оказывать лицу на имя которого выписан ордер, полное содействие для успешного выполнения.

Место

для

печати

(Круглая гербовая печать красного цвета; по кругу надпись: народный

Комиссариат Обороны

Главное Управление Контрразведки
«СМЕРШ».

Зам. Начальника Главного

Управления Контрразведки

«Смерш» *Бабич*

Начальник 10 Отдела Главного

Управления

Контрразведки

«Смерш» (*подпись*)

Справка: Арест санкционирован *Глав[ный] воен[ный]* Прокурор
СССР

генерал-лейтенантом юстиции тов. Носов

ЦА ФСБ РФ. Д. № Р- 48956. Л. 3. Подлинник. Рукопись.

Автограф.

¹ Вниманию читателя предлагаются материалы из архивного следственного дела в отношении В. В. Шульгина. Все документы публикуются впервые; орфография и синтаксис, в основном, сохранены (в том числе написания имен собственных и географических названий). По возможности в тексте воспроизведены реквизиты публикуемых документов. Исправлены только явные опечатки и ошибки, затрудняющие восприятие текста. Опущенные фрагменты отмечены отточиями в квадратных скобках. Рукописный текст в документах набран курсивом. Комментарии помещены в конце текста.

**№ 2. Анкета арестованного В. В. Шульгина
от 30 января 1945 г. [2]**

1. Фамилия, имя и отчество	<i>Шульгин Василий</i>
	<i>Витальевич</i>
2. Год и место рождения	<i>1878 гор. Киев</i>
3. Постоянное место жительства до ареста (подробный адрес)	<i>гор. Сремски Карловцы Югославия</i>
	<i>ул. Мажураничева дом № 1(832)</i>
4. Профессия и специальность	<i>Писатель</i>
5. Последнее место работы или род занятий до ареста. Если не работал, когда и откуда уволен	<i>Не работал</i>
6. Национальность	<i>русский</i>
7. Гражданство (при отсутствии паспорта указать, какой документ удостоверяет гражданство или записано со слов)	а) гражд. (подд.) <i>без подданства</i> [3]
	б) паспорт серии – № –
	выдан –
8. Партийность	<i>Б/п с – года</i>
9. Образование общее и специальное (подчеркнуть) и указать что закончил	<u>высшее</u> , среднее, низшее
	специальное
10. Социальное и политическое прошлое	<i>Из дворян</i>
11. Судимость (состоял под судом и следствием, где, когда, за что, приговор)	<i>В 1913[году] [в] гор. Киев присудили к трем</i>
	<i>м-ц[ам] тюрьмы за распространение ложных</i>
	<i>сведений о действиях должностных лиц в печати</i>
12. Участие в отечественной войне (где, когда, в качестве кого)	<i>Не принимал</i>
13. Был ли на территории оккупированной противником (указать: где, когда и что делал)	<i>Проживал в Югославии</i>

14. Состав семьи

Степень родства	Фамилия, имя, отчество, год и место рождения	Место жительства, работы и должность
Отец	<i>Умер в 1878 г.</i>	
Мать	<i>Умер[ла] в 1887 г.</i>	
Жена (муж)	<i>Сидельникова Мария Дмитриевна 45 лет</i>	<i>в Югославии</i>
Дети	<i>Шульгин Дмитрий Васильевич 1905 г.</i>	<i>в Германии</i>
Братья, сестры	<i>Мечелевская Павла Витальевна 80 лет</i>	<i>в Белграде</i>

15. Словесный портрет (нужное подчеркнуть)

1. Рост: высокий (171 – 180 см), очень высокий (свыше 180 см), низкий (155 – 164 см), очень низкий (до 154 см), средний (165 – 170 см).

2. Фигура: толстая, полная, средняя, худощавая, тонкая.

3. Плечи: приподнятые, опущенные, горизонтальные.

4. Шея: короткая, длинная, заметен зоб, выступает кадык.

5. Цвет волос: белокурые, светлорусые, русые, темнорусые, черные, рыжие, с проседью, седые.

6. Цвет глаз: голубые, серые, зеленоватые, светлокарие, карие, черные.

7. Лицо: круглое, овальное, прямоугольное, треугольное, пирамидальное, ромбовидное.

8. Лоб: высокий, низкий, прямой, скошенный, выступающий.

9. Брови: прямые, дугобразные, извилистые – широкие, узкие, сросшиеся.

10. Нос: малый, большой – толстый, тонкий, широкий. Спинка носа: вогнутая, прямая, выпуклая, с горбинкой. Основание носа: приподнятое, горизонтальное, опущенное.

11. Рот: малый, большой. Углы рта: опущены, приподняты.

12. Губы: тонкие, толстые, отвисание нижней губы, приподнятость верхней.

13. Подбородок: скошенный, прямой, выступающий, раздвоенный, с ямкой, с поперечной бороздой.

14. Уши: малые, большие – овальные, треугольные, квадратные, круглые. Оттопыренность ушей: верхняя, нижняя, общая. Мочка уха: сросшаяся, отдельная, наклонная, угловатая, овальная.

16. Особые приметы *Нет* (физические недостатки, увечья, повреждения, придатки: наросты, бородавки, лишние пальцы, пятна, рубцы, шрамы, болезненные движения тела, плешивость, асимметрия лица, разноцветность глаз и другие)

– татуировки (описание) *На левой руке [буквы] В. С.*

17. Прочие особенности и привычки (картавит, заикается, грызет ногти, различные пальцевые манипуляции, жестикулирует (указать как), автоматизм, харкает, сплевывает и т. д. и т. п.) –

18. Когда арестован «24» декабря 1944 г., ордер № –

19. Основание ареста –

20. За кем зачислен *ГУКР СМЕРШ*

Анкета заполнена *Прием[ная] арест[ованных], Ви[утренняя] тюрьма НКГБ СССР*

Город, село, ж.-д. ст. *Москва
Зам ДПН мл. лейтенант з/б (подпись)*

Личная подпись арестованного *В. Шульгин*

*ЦА ФСБ РФ. Д. № Р- 48956. Л. 7 – 8 об. Подлинник. Рукопись.
Автограф.*

№ 3. Постановление о задержании В. В. Шульгина от 17 января 1945 г.

«Утверждаю»

Зам[еститель] нач[альника] 4-го отдела
УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта
подполковник Ивашутин

«18» января 1945 г.

Постановление

(о задержании)

Действующая армия

17 января 1945 г.

Я ст[арший] следователь 2-го отделения 4-го отдела УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта ст[арший] лейтенант Ширяев, рассмотрев материалы задержания Шульгина Василия Витальевича, 1878 г[ода] рож[дения], урож[енец] гор. Киева

Нашел:

Шульгин с 1907 по 1917 год являлся бессменным депутатом 2, 3 и 4-й Государственной Думы, одновременно редактором Киевской черносотенной газеты «Киевлянин» [4].

В период гражданской войны принимал активное участие в борьбе против Советского государства, находясь в составе армий Деникина [5] и Врангеля [6].

В то же время, будучи агентом английской и французской разведок собирал разведывательные данные для названных разведок о внутривнутриполитическом положении России.

Проживая в Болгарии вел активную к.-р. работу против Советского Союза, являясь членом «НТСНП» [7] и «РОВС» [8].

Занимаясь литературной деятельностью Шульгин написал и издал ряд контрреволюционных книг: «Дни», «1920 год», «Три столицы» и другие.

В 1925 году по заданию РОВС в разведывательных целях приехал в Советский Союз (Москву), где имел встречи с агентом немецкой военной разведки Якушевым [9].

На основании изложенного

Постановил:

Шульгина Василия Витальевича подвергнуть задержанию.

Ст[арший] следователь 2-го отделения 4-го отдела

УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта

ст[арший] лейтенант Ширяев

«Утверждаю» – нач[альник] 2-го отделения 4-го отдела

УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта

майор Гусаков

*ЦА ФСБ РФ. Д. № Р- 48956. Л. 9 – 9 об. Подлинник. Рукопись.
Автограф.*

№ 4. Протокол допроса В. В. Шульгина от 2 января 1945 г.

Протокол допроса

«2» января 1945 года

Действующая армия

*Мы – старший оперуполномоченный 3 отд[еления] 1 отдела
Управления контрразведки «Смерш» 3 Украинского фронта – ка-
питан Кацалай и оперуполномоченный – лейтенант Шешик, сего
числа допросили в качестве задержанного*

*Шульгина Василия Витальевича,
рождения 1878 года, уроженца
гор. Киева, по соц. происхождению
из дворян, по национальности –
русский, образование высшее,
бывший член 2 Государственной
Думы, по специальности писатель.
Служил в армии Деникина членом
Особого совещания, проживал в гор.
Карловицы (Югославия)*

Об ответственности за дачу ложных показаний предупрежден
по ст. 95 УК РСФСР – Шульгин

Вопрос: – Расскажите о своей трудовой деятельности.

Ответ: – В 1895 году по окончании Киевской гимназии посту-
пил в Киевский университет на юридический факультет, который
окончил в 1900 году, а затем поступил в Киевский политехниче-
ский университет, который окончил в 1901 году.

В 1902 году был призван на отбытие военной повинности в 3-ю
саперную бригаду, где находился до осени 1902 года, а в декабре
1902 года был произведен в прапорщики запаса полевых инженер-
ных войск и уволен в запас. После увольнения в запас я прибыл
в село Агатовку Буринской волости Островского уезда, где зани-
мался сельским хозяйством до 1905 года. В этом году переехал на
новое место жительства – село Курганы Островского уезда Волин-
ской губернии, где проживал до 1907 года.

В 1907 году был избран членом 2-й Государственной Думы от Волынской губернии, будучи членом 2-й Государственной Думы я выступал на общих собраниях и работал в комиссиях (аграрной по делам Государственной Думы).

После роспуска 2-й Государственной Думы был переизбран в 3-ю Государственную Думу от той же губернии. Являясь членом 3-ей Государственной Думы состоял во фракции (русских националистов). Общее направление моей деятельности было против социалистического и революционного движения и за поддержку реформ Столыпина [10].

В 1912 году был третий раз избран членом Государственной Думы от Волынской губернии, где работал до 26 июля 1914 года и с началом войны поступил добровольцем в русскую армию в связи с роспуском 4-й Государственной Думы. При вторичном созыве 4-й Гос[ударственной] Думы я был отозван из армии и направлен в гор. Ленинград, где служил при Особом совещании в министерстве до 1917 года, наряду с этим был редактором газеты «Киевлянин». После февральской революции прибыл в гор. Киев, где принимал участие в выборах в городскую Думу, во «Всероссийское Учредительное собрание» и в «Украинское Учредительное собрание», причем вел предвыборную агитацию при помощи газеты «Киевлянин». Задачей этой газеты являлось создание монархического строя, продление войны до победы и единство России.

В ноябре 1917 г. я выехал на Дон к генералу Алексееву [11], от которого получил задание вести агитационную работу на страницах своей газеты «Киевлянин», т. е. бороться с социалистическими партиями и революцией, в том числе с партией «большевиков» и за Добровольческую армию [12].

1 марта 1918 г. гор. Киев был занят немецкими войсками, в связи с этим я выпустил один номер газеты «Киевлянин» с передовой статьей, в которой указывал следующее:

«...что закрывая газету, существовавшую 50 лет, обязан сказать, что немцев мы должны рассматривать как врагов, потому что война продолжается, а мы дали слово англичанам и французам вести борьбу против общего врага...»

Вследствие этой статьи ко мне на четвертый день явился представитель французской военной разведки, назвавшийся капитаном Энно [13] и поблагодарил меня от лица Франции и одновременно предложил мне сообщать о всех происходящих политических событиях и связь непосредственно поддерживать через его заместителя Циркаль (чех). На предложение Энно я выразил свое согласие и, после чего через Циркаль, посылал сведения информационного порядка о всех происходящих политических событиях.

Вопрос: – Значит, Вы завербованы французской разведкой. Расскажите об этом подробно?

Ответ: – Да, действительно, в марте 1918 года я был привлечен к шпионской работе со стороны французской разведки капитаном Энно, которому выразил свое согласие, после чего давал материалы информационного порядка о всех происходящих политических событиях и о настроениях населения.

Наряду с этим необходимо отметить, что в марте 1918 года я был привлечен к работе со стороны английской разведки капитаном Вебстером, которому также давал аналогичные материалы как капитану Энно, т. е. о всех происходящих политических событиях в 1918 – 19 годах.

Вопрос: – Воспроизведите текст подписки, данной Вами сотруднику французской разведки капитану Энно и сотруднику английской разведки капитану Вебстер?

Ответ: – Подписки о сотрудничестве с французской и английской разведками не давал, но выразил свое устное согласие.

Вопрос: – Какие Вы получали задания шпионского характера от французской и английской разведок?

Ответ: – В основу моей работы входило сообщать о всех происходящих политических событиях в России, другими сведениями я не интересовался.

Вопрос: – Как Вы практически поддерживали связь с французской и английской разведками?

Ответ: – С французской разведкой я поддерживал связь через заместителя капитана Энно – Циркеля, с которым встречался два-три раза в месяц и давал материалы, интересующие их. Связь с

капитаном Энно и его заместителем поддерживал с марта 1918 по март 1919 года.

С английской разведкой связь поддерживал через капитана Вебстер, которому систематически высылал интересующие его материалы через своих курьеров в гор. Москву. Капитан Вебстер в то время находился на службе при английском посольстве в России и одновременно занимался шпионской работой. Будучи тайным сотрудником французской и английской разведок я был начальником осведомительной организации при армии генерал-лейтенанта Деникина, носившую название «Азбука» [14].

Являясь начальником осведомительной организации «Азбука» занимался агентурно-оперативной работой в частях, входящих в состав армии Деникина, т. е. через свою агентуру вскрывал политические настроения солдат и офицеров и населения города Киева и Одессы.

Вопрос: – Сколько у Вас было агентуры при осведомительной организации «Азбука»?

Ответ: – Агентурно-осведомительной сети из числа солдат и офицерского состава и курьеров было 50 человек, с вышеуказанной агентурой я и мои подчиненные встречались согласно графиков два-три раза в месяц.

Вопрос: – Расскажите о структуре и построении работы в осведомительной организации «Азбука»?

Ответ: – Правильной конструкции и построения работы в осведомительной организации (носившей название «Азбука») не было. Весь информационный материал от агентуры получался в устном порядке и затем обрабатывался мною или моим заместителем Сазенко Анатолием Ивановичем и, в секретном порядке, если заслуживал внимания, направлялся через курьеров командующему Добровольческой армией генерал-лейтенанту Деникину.

Вопрос: – Сколько времени Вы были начальником осведомительной организации «Азбука» при армии Деникина?

Ответ: – Начальником осведомительной организации «Азбука» при армии Деникина я был с марта 1918 года по январь 1920 года и в феврале 1920 года в составе отряда полковника Стесселя бежал из России в Румынию, где в числе других солдат и офицеров я был

разоружен и выгнан из пределов Румынии, откуда проник в Одессу, где проживал на нелегальном положении до июля 1920 года, а затем из гор. Одессы выехал в Крым, в армию генерал-лейтенанта Врангеля. При вторичной попытке проникнуть в Одессу для вывозки оставшихся там лиц я был сильным норд-остом выброшен на территорию Румынии в окрестностях гор. Аккермана, где был арестован румынской разведкой за подозрение в принадлежности к большевистской партии.

Вопрос: – По каким вопросам Вы допрашивались в Румынской разведке?

Ответ: – Будучи на допросах в румынской разведке я допрашивался по вопросам военной обстановки и о численности армии Врангеля и ее вооружении и по своим автобиографическим данным.

Вопрос: – Значит, Вы завербованы румынской разведкой?

Ответ: – Завербован в румынскую разведку я не был, и сотрудничать с ними никто не предлагал.

Вопрос: – Продолжайте Ваши показания.

Ответ: – При выезде из Румынии я выехал в Константинополь, где поступил членом русского совета при армии генерал-лейтенанта Врангеля, являясь членом этого совета, я поддерживал основную идею Врангеля.

Вопрос: – Что входило в идею командующего русской Добровольческой армии генерал-лейтенанта Врангеля?

Ответ: – В идею генерал-лейтенанта Врангеля входило сбережение кадров Добровольческой армии путем создания Русского Общевоинского Союза.

Вопрос: – Что ставил своей программой Русский Общевоинский Союз?

Ответ: – Организация РОВСа ставила своей программой вести непримиримую борьбу против Советской власти, по свержении которой провести в России ряд реформ, т. е. аграрную, присоединиться к реформе Столыпина.

Вопрос: – Когда Вы вступили в организацию РОВС?

Ответ: – В члены РОВСа я вступил с начала его организации, т. е. с 1923 г.

Вопрос: – Расскажите о своей практической деятельности как члена РОВСа?

Ответ: – Будучи членом РОВСа я поддерживал его программу и производил агитационную работу среди участников РОВСа, направленную на свержение Советской власти. Кроме этого занимался вербовкой новых членов организации РОВСа среди которых проводил подготовительную работу, также направленную на свержение Советской власти.

Вопрос: – В каких еще организациях Вы состояли членом?

Ответ: – Будучи членом РОВСа я состоял членом НТСНП.

Вопрос: – Когда Вы вступили в члены НТСНП?

Ответ: – В организацию НТСНП я вступил в 1933 году, где был штатным лектором по всем общим политическим вопросам, где занимался разъяснительной работой о бывшей деятельности царского министра Столыпина. Наряду с этим проводил агитационную работу среди членов НТСНП, направленную против советской России и большевистской партии. Дальше членов НТСНП обучал общественным выступлениям, т. е. выступать на общих собраниях с призывом свергнуть Советскую власть. В направлении разведывательной и контрразведывательной работы я делился своим опытом с членами НТСНП, который приобрел вследствие своей работы с французской и английской разведками и будучи начальником осведомительной организации «Азбука» при армии генерал-лейтенанта Деникина.

Вопрос: – Кого Вы знаете из руководителей РОВСа и НТСНП?

Ответ: – Из руководителей РОВСа и НТСНП я знаю генерал-лейтенанта Кусакского [15] и генерал-лейтенанта Кутепова [16], генерал-майора Миллера [17], генерала Шатилова [18], генерала Климовича [19], Артифексова [20], Абрамова [21] и ряд других. Из руководителей НТСНП я знал председателя Байдалакова [22], секретаря Георгиевского [23], Пайску Марию Дмитриевну, председателя белградского отдела Дилинг и ряд других.

Вопрос: – Сколько Вы времени проживали в городе Берлине?

Ответ: – В Берлине я проживал с осени 1922 по август 1923 года.

Вопрос: – Расскажите, что за цель поездки была начальника Особого отдела Ген[ерального] штаба русской армии генерал-лейтенанта Климовича из Югославии в Берлин встретить Якушева?

Ответ: – Цель поездки начальника Особого отдела Генштаба русской армии генерал-лейтенанта Климовича из Югославии в Берлин встретить Якушева.

Вопрос: – Кто такой Якушев?

Ответ: – Якушев Александр Александрович является крупным агентом немецкой разведки и находился в Советском Союзе, где возглавлял контрреволюционную организацию и занимался шпионской деятельностью.

Вопрос: – Что за цель Вашей поездки из Югославии в Советский Союз?

Ответ: – В 1925 году от начальника Особого отдела Ген[ерального] штаба русской армии генерал-лейтенанта Климовича получил задание выехать в Советский Союз и проверить работу агента Якушева, одновременно возглавляющего контрреволюционную организацию в Москве.

Вопрос: – При каких обстоятельствах Вы были переброшены в Советский Союз для связи с Якушевым?

Ответ: – Осенью 1925 года, выполняя задание начальника Особого отдела Ген[ерального] штаба русской армии генерал-лейтенанта Климовича, я выехал в гор. Варшаву, где встретил крупного агента Липского, который работал в пользу Якушева, при содействии которого был переброшен в Советский Союз.

Вопрос: – Куда Вы прибыли после перехода границы из Варшавы в Советский Союз?

Ответ: – После перехода границы из Варшавы в СССР прибыл в гор. Минск.

Вопрос: – С кем Вы встретились в гор. Минске?

Ответ: – В гор. Минске я встретился с одним агентом – Антоном Антоновичем, фамилию не помню, бывшим прокурором царской России, который находился на личной связи у Якушева.

Вопрос: – Куда Вы уехали из гор. Минска?

Ответ: – Из гор. Минска я совместно с агентом Антоном Антоновичем, фамилии не помню, выезжал в гор. Киев с целью по-

смотреть город, где проживал в течении десяти дней, затем выехал к Якушеву в гор. Москву. Прежде, чем было встретиться с Якушевым, при его содействии был помещен на постоянное место жительства в дачное место, т. е. в 30 километрах от Москвы. Приезжая в Москву я несколько раз виделся с Якушевым, который меня знакомил со своими членами контрреволюционной организации и агентами, которые состояли у него на личной связи. Вспомнить этих лиц я не могу. Продолжая беседу с Якушевым, он в своем заключении говорил, что имя Великого Князя Николая Николаевича в России популярно, а особенно в крестьянской среде. Дальше, на мой вопрос, что ставит своей программой Ваша организация, Якушев ответил: 1. Свержение Советской власти и по свержению которой предполагалось производить в России ряд реформ, как-то аграрная, и в основном, присоединиться к реформе Столыпина. После всех моих пребывания в Советском Союзе и беседы с рядом лиц, работающих в пользу Якушева, пришел к выводу, что подпольная контрреволюционная организация в СССР под руководством Якушева существует и проводит свою программу в жизнь. В феврале 1926 года при помощи Якушева я выехал из Москвы в Минск и в районе Столбцы Минской области перешел границу Польши, оттуда прибыл в Югославию. По прибытию в Югославию я имел встречи с генерал-лейтенантом Климовичем, которому доложил о выполнении задания в Советском Союзе, который предложил вместе с ним пойти к генерал-лейтенанту Врангелю и рассказать о наличии подпольной контрреволюционной организации в России, возглавляемой Якушевым и о положении в России.

Вопрос: – Значит, Вы при содействии польской разведки выполняли шпионские задания в советской России?

Ответ: – Да, действительно, при содействии польской разведки был переброшен в Советский Союз, где собирал сведения шпионского характера, интересующие начальника Особого отдела Генштаба Русской армии генерал-лейтенанта Климовича и командующего генерал-лейтенанта Врангеля.

Вопрос: – Кого Вы знаете из агентов и официальных сотрудников Особого отдела Генерального штаба Русской армии?

Ответ: – Из официальных сотрудников знаю генерал-майора Артифексова и рядового агента Крюк, который в 1925 году переброшен в Бессарабию со шпионскими заданиями.

Вопрос: – Кем был переброшен в Бессарабию агент Крюк?

Ответ: – Кем был переброшен агент Крюк в Бессарабию мне неизвестно, но об этом мне рассказывал генерал-майор Артифексов.

Вопрос: – Значит, Артифексов занимался разведывательной работой на Юге?

Ответ: – Да, действительно, Артифексов, состоя на службе в штабе генерал-лейтенанта Врангеля, занимался разведывательной и контрразведывательной работой.

Вопрос: – Уточните, какой Вы разведкой завербованы и в чью пользу Вы работали?

Ответ: – Осенью 1925 года я был завербован Климовичем в качестве разведчика и при помощи одного из агентов, находящихся в Советском Союзе я был переброшен через польскую границу в СССР со шпионскими заданиями, где пробыл на протяжении полтора месяцев.

Вопрос: – Как Вы продолжали поддерживать связь с разведкой Климовича?

Ответ: – Вернувшись из советской России, о чем я доложил генерал-лейтенанту Климовичу лично о проделанной мною работе и на этом наша связь была прервана ввиду смерти последнего.

Вопрос: – С кем Вы дальше продолжали поддерживать связь и вели свою шпионскую работу?

Ответ: – В 1926 году, будучи в гор. Париже, к Кутепову приезжал агент Якушев из России с польским разведчиком и, по приезду в Париж вышеуказанные лица явились ко мне на квартиру. В моей квартире я с Липским и Якушевым вел беседу на тему о положении в советской России, последние мне рассказали, что их контрреволюционная организация продолжает свою деятельность и надеется на успех в своей работе по свержению Советской власти. В то же время из подпольной контрреволюционной организации из Советского Союза в Париж приезжала Шульц Мария Владиславовна [24], которая вела беседу с Кутеповым в моем присутствии. В этой беседе Шульц Мария Владиславовна подтвердила, что контрре-

волюционная организация имеется, но наряду с этим необходимо указать, что в организации имеется два течения. Первое, возглавляемое Якушевым, которое считает невозможным немедленное выступление против Советской власти, а другое течение, возглавляемое Оперпутом [25], требовало немедленных действий против Советской России. Шульц Мария была сторонницей Оперпута, а Кутепов склонялся к мнению Якушева.

Вопрос: – Кто такой Оперпут и Шульц Мария Владиславовна?

Ответ: – Вышеуказанные лица являлись членами подпольной контрреволюционной организации в советской России по подготовке к свержению Советской власти.

Вопрос: – Уточните, кто такой Липский и его занимаемая должность?

Ответ: – Липский – бывший офицер царской армии и, одновременно был резидентом в Варшаве, связь непосредственно поддерживал с Якушевым, а Якушев поддерживал связь с Генеральным штабом Польской разведки.

Вопрос: – Откуда Вам известно, что Якушев поддерживал связь с Генштабом польской разведки?

Ответ: – В неоднократных беседах Якушев мне рассказывал, что он поддерживает связь с генштабом польской разведки и, что через нее может делать любые комбинации по заброске агентуры в Советский Союз.

Протокол записан с моих слов правильно и мне прочитан.

В. Шульгин

Допросили: старший оперуполномоченный 3 отделения 1 отдела

Управления контрразведки «Смерш» 3-го Укр[аинского] фронта

капитан *Кацалай*

оперуполномоченный 3 отделения 1 отдела УКР «Смерш»

3-го Укр[аинского] фронта

лейтенант *Шешин*

ЦА ФСБ РФ. Д. № Р-48956. Л. 10 – 18. Подлинник. Рукопись.

Автограф.

1. На обороте документа помета фиолетовыми чернилами: «*Читал. В. Шульгин*».

2. В правом верхнем углу надпись фиолетовыми чернилами: «Прибыл в 18-30 30Л-45».

3. Так в тексте.

4. «Киевлянин» – общественно-политическая газета. Издавалась в 1864 – 1919 гг. в Киеве. Выходила 3 раза в неделю, с 1879 – ежедневно. Ред.: В. Я. Шульгин (1864 – 1878), Д. И. Пихно (1878 – 1907), К. И. Симаковский (1907 – 1913), В. В. Шульгин (1913 – 1914), затем одновременно В. В. Шульгин и К. И. Симаковский (1914 – 1919).

5. Деникин, Антон Иванович (1872 – 1947). Родился в семье военного, выходца из крепостных крестьян. Окончил Ловичское реальное училище, Киевское пехотное юнкерское училище (1892), Академию Генерального штаба (1899). Служил в войсковых штабах Варшавского военного округа. Участвовал в русско-японской и 1-й мировой войне. В сентябре 1916 был назначен командующим 8-м армейским корпусом, в феврале 1917 г. – помощником начальника штаба верховного главнокомандующего русской армией, в мае – главнокомандующим армиями Западного фронта, в июне – помощником начальника штаба верховного главнокомандующего, в конце июля – главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. Являлся убежденным противником большевизации армии. Был арестован после выступления Л. Г. Корнилова, но в ноябре 1917 г. выпущен из-под ареста, по приказу генерала Н. Н. Духонина. Уехал в Новочеркасск, где активно участвовал в формировании Добровольческой армии. В январе 1918 г. был назначен командующим войсками Добровольческой армии, а впоследствии (1919) принял на себя командование Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР). После разгрома белогвардейских войск эмигрировал. За границей, отойдя от политической деятельности, занимался литературным трудом, написав, в частности, воспоминание-исследование «Очерки Русской Смуты». В период 2-й мировой войны отказался от сотрудничества с представителями нацистской Германии и осудил тех, кто пошел на это.

6. Врангель, Петр Николаевич (1878 – 1928). Из дворян, барон. Окончил Академию Генерального штаба (1910). Участник русско-японской и 1-й мировой войны. Последний чин и должность в рядах царской армии – генерал-майор (произведен в январе 1917 г.), командующий сводным конным корпусом. В конце 1917 г. уехал в Крым. Участник белого движения. В августе 1918 г. вступил в Добровольческую армию, назначен командиром конного корпуса. В ВСЮР – командир 1-го Кубанского корпуса, командующий Кавказской группой войск, командующий Кавказской добровольческой армией. С декабря 1919 г. – командующий основными силами Добровольческой армии на харьковском направлении. Был отстранен от должности А. И. Деникиным. В марте 1920 г. стал преемником А. И. Деникина на посту Главнокомандующего ВСЮР. После неудачных боев

отвел Русскую армию в Крым, но под натиском Красной армии был вынужден отступить. 2 ноября врангелевская армия эвакуировалась в Турцию. В эмиграции стремился сохранить кадры Русской армии, основал и возглавил РОВС. Умер в Брюсселе.

7. Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (НТСНП) – праворадикальная организация русской эмиграции. Первый съезд НСРМ (Национальный Союз Русской Молодежи – первоначальное название НТСНП), ставший первым общесоюзным съездом, проходил в Белграде 1 – 5 июля 1930 г. В нем приняли участие делегаты из Югославии, Франции, Болгарии, Чехии, Голландии. Члены союза сотрудничали с РОВСом и правоцентристами. Подробнее см.: Политическая история русской эмиграции. 1920 – 1940 гг.: Документы и материалы: Учебное пособие. М., 1999. С. 337 – 392.

8. Русский общевоинский союз (РОВС) – организация, объединяющая эмигрантские военные и военно-морские организации и союзы во всех странах в 1924 – 1940 годах. С 1929 г. имела свой печатный орган – «Часовой».

9. Якушев, Александр Александрович (1876 – 1937) – сотрудник ВЧК-ОГПУ. Из дворян. Окончил Императорский Александровский лицей. Работал в Министерстве путей сообщения; действительный статский советник; в годы Гражданской войны участник антибольшевистского подполья; в 1921 г. организовал подпольную монархическую организацию, о чем стало известно ВЧК. Якушев был арестован и вскоре стал одним из самых главных действующих лиц известной чекистской операции «Трест» – главой образованной чекистами контрреволюционной организации «Монархическое Объединение Центральной России». После окончания операции «Трест» в 1927 г. работал в Наркомате путей сообщения. В 1934 г. арестован, приговорен к 10 годам лагерей, умер в ГУЛАГе.

10. Столыпин, Петр Аркадьевич (1862 – 1911) – политический деятель. Из старинного дворянского рода. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1885). В 1902 г. назначен гродненским, а в 1903 г. саратовским губернатором. С апреля 1906 г. министр внутренних дел, с июня 1906 г. одновременно председатель Совета Министров. Гофмейстер (1906), член Государственного совета (1907), статс-секретарь. 11 сентября 1911 г. смертельно ранен Д. Г. Богровым.

11. Алексеев, Михаил Васильевич (1857 – 1918). Родился в семье солдата сверхсрочной службы. Окончил Московское пехотное юнкерское училище (1876). Участник русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. В 1890 г. окончил Академию Генерального штаба. Участвовал в русско-японской войне, в марте 1904 г. был произведен в генерал-майоры. В октябре 1908 г. был произведен в генерал-лейтенанты. Участвовал в 1-й мировой войне. С августа 1914 г. – начальник штаба Юго-Западного фронта, в сентябре был произведен в генералы от инфантерии, с марта 1915 г. – главнокомандующий армиями Северо-Западного (с 4 августа 1915 г. – Западного) фронта. 18 августа 1915 г.

по личному выбору Николая II был назначен начальником штаба верховного главнокомандующего. Во время Февральской революции был одним из старших военачальников, убедивших Николая II отречься от престола. 1 апреля был назначен Временным правительством верховным главнокомандующим. После провала корниловского выступления, пытаясь спасти его организаторов от расправы, принял должность начальника штаба вновь назначенного главноверха А. Ф. Керенского и арестовал Л. Г. Корнилова и его сподвижников, после чего отправил арестованных в тюрьму под охрану надежных войск. В сентябре подал в отставку и тайно приступил к организации офицерских и юнкерских отрядов. После Октябрьской революции начал формировать в Новочеркасске добровольческие части из прибывающих на Дон офицеров и юнкеров. Участвовал в 1-м Кубанском («Ледяном») походе Добровольческой армии. С августа 1918 г. – «верховный руководитель» Добровольческой армии.

12. Добровольческая армия – контрреволюционные формирования на юге России в 1918 – начале 1920 г. Первоначально (со 2 ноября 1917 г.) Алексеевская организация, называвшаяся по имени инициатора создания добровольческих частей генерала М. В. Алексеева. Центр формирования – Новочеркасск. С приездом на Дон Л. Г. Корнилова официальное командование с 25 декабря 1917 г. было поручено ему. За М. В. Алексеевым оставалось номинальное звание «верховного руководителя» и гражданские дела. Первоначально насчитывала около 2 тысяч бойцов (январь 1918 г.), в некоторые же периоды ее численность достигала 50 тысяч штыков и сабель (сентябрь 1919 г.). В октябре 1919 г. в результате ударов Красной Армии численность Добровольческой армии резко снижается (в январе 1920 г. это уже Добровольческий корпус в 10 тысяч штыков и сабель). В конце марта 1920 г. остатки Добкорпуса эвакуированы в Крым, где влились в состав Русской армии (образована в мае 1920 г., командующий генерал-лейтенант П. Н. Врангель).

13. Энно Эмиль – французский вице-консул, представитель держав Антанты на Украине; капитан французской армии.

14. «Азбука» – условное название разведывательного отделения при Ставке Верховного Главнокомандования ВСЮР. Все агенты имели подпольные клички согласно буквам алфавита. Начальником отделения был член Особого совещания В. А. Степанов, его заместителем – полковник Самохвалов. Основная задача – сбор и анализ сведений о внутреннем и внешнем положении России (как «красной», так и «белой»). Главная квартира отделения находилась сначала в Екатеринодаре, а затем в Таганроге. Отделение имело агентуру во многих регионах страны (Москва, Киев, Омск и др.), а также за границей – в Константинополе, Софии, Белграде, Праге и др. В подразделении, занимавшемся внутренней контрразведкой – так называемой «Азбуке наизнанку», – составлялись политические сводки, которые печатались в трех экземплярах и регулярно представлялись председателю особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР А. М. Драгомирову (с сентября 1919 г. заме-

нен А. С. Лукомским), начальнику военного управления особого совещания А. С. Лукомскому и начальнику штаба ВСЮР И. П. Романовскому. В декабре 1919 г. «Азбука» официально была ликвидирована, но фактически ее деятельность продолжалась до начала 1920.

15. Правильно – Кусонский, Павел Алексеевич (1880 – 1941) – военный и политический деятель; генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1911). Участник 1-й мировой войны; с января 1919 г. – генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии. После эвакуации из Крыма – помощник начальника штаба Главнокомандующего Русской армии. После 1922 г. переехал в Париж, где находился в распоряжении председателя РОВСа генерала А. П. Кутепова, затем генерала Е. К. Миллера. В 1938 г. переехал в Бельгию, работал переводчиком, помогал председателю РОВСа генералу А. П. Архангельскому. 22 июня 1941 г. арестован гестапо, интернирован в концлагере Брейдонк в Бельгии, где вскоре скончался вследствие избиений и пыток.

16. Кутепов, Александр Павлович (1882 – 1930) – военный и политический деятель; генерал от инфантерии. Окончил Петербургское пехотное училище. Участник русско-японской и 1-й мировой войн. В 1917 г. оказал упорное сопротивление повстанцам в Петербурге во время Февральской революции. С декабря 1917 г. – в Добровольческой армии. В 1919 г. – командир 1-го армейского корпуса; с боями дошел до Орла, затем отступал от Орла до Новороссийска, сумев сохранить боеспособность корпуса; в марте 1920 г. прибыл в Крым; в сентябре 1920 г. – командир 1-й армии. После эвакуации из Крыма помощник Главнокомандующего и командир 1-го армейского корпуса в Галлиполи. В 1921 г. привел корпус в Болгарию. В 1924 г. освобожден от должности в связи с отбытием в Париж в распоряжение Великого князя Николая Николаевича. В 1928 г. назначен председателем РОВСа. 26 января 1930 г. похищен в Париже агентами НКВД, в ходе похищения погиб.

17. Миллер, Евгений Карлович (1876 – 1939) – военный и политический деятель. Окончил Николаевскую военную академию Генерального штаба (1892). Участник 1-й мировой войны, с осени 1917 г. представитель Ставки Главковерха при итальянском главном командовании. В январе 1919 г. приглашен в качестве генерал-губернатора во Временное правительство Северной области, в мае Колчаком назначен Главкомом войсками Северной области, в сентябре начальником края. В феврале 1920 г. воссоздал Временное правительство Северной области, заняв в нем посты военного министра и управляющего иностранными делами, вскоре эмигрировал; был уполномоченным генерала Врангеля в Париже. В 1924 – 1930 гг. занимал ряд должностей в РОВСе. В 1930 – 1937 гг. – председатель РОВСа. 22 сентября 1937 г. похищен НКВД в Париже, вывезен в СССР. Расстрелян 11 мая 1939 г.

18. Шатилов, Павел Николаевич (1881 – 1962) – военный и политический деятель; генерал от кавалерии (1920). Окончил Пажеский корпус и Никола-

евскую академию Генерального штаба (1908). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. В Добровольческой армии с конца 1918 г.; начальник 1-й конной дивизии, затем 4-го конного корпуса. С июня 1919 г. – начальник штаба Кавказской армии, с декабря – Добровольческой армии. В начале 1920 г. вместе с генералом Врангелем отчислен и уволен со службы, после избрания Врангеля Главкомом назначен его помощником, с июня 1920 по 1922 гг. – начальник штаба Русской армии. В 1924 – 1934 гг. – начальник 1-го отдела РОВСа во Франции. После похищения генерала Миллера отошел от активной деятельности. Оставил обширные воспоминания, хранящиеся в Колумбийском университете (США), без права публикации до начала XXI в. Скончался в Аньере (под Парижем).

19. Климович, Евгений Константинович (1871 – 1930) – военный и политический деятель, сенатор; генерал-лейтенант. Окончил Павловское военное училище. Перешел на службу в отдельный корпус жандармов. Сделал быструю карьеру во время событий 1905 г. на должности начальника охранного отделения ряда городов, впоследствии московский градоначальник. Во время 1-й мировой войны директор Департамента полиции в Министерстве внутренних дел. В 1917 г. арестован. Бежал, в 1918 г. прибыл в Добровольческую армию. В 1920 г. назначен начальником Особого отдела штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России (контрразведки) и помощником начальника гражданского управления. После эвакуации из Крыма жил в Белграде, скончался в Панчево.

20. Артифексов, Леонид Андреевич (? – 1926) – военный деятель. В 1910 г. – хорунжий 1-го Сибирского полка, участник 1-й мировой войны (командир полка, полковник), участник Белого движения. Играл видную роль в организации Добровольческой армии; произведен генералом А. И. Деникиным в генерал-майоры. В 1920 г. состоял в Крыму при генерале П. Н. Врангеле для особых поручений.

21. Абрамов, Федор Федорович (1870 – 1963) – военный и политический деятель; генерал-лейтенант. Из дворян области Войска Донского. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1898). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. С мая 1917 г. – начальник 1-й Донской конной дивизии. В феврале 1919 г., командуя группой войск, в сложнейших условиях отразил наступление Красной Армии на Новочеркасск. С ноября 1919 г. инспектор кавалерии Донской армии. В апреле 1920 г. сформировал из эвакуированных в Крым донских частей конный корпус, командовал им во всех боях в Таврии летом-осенью 1920 г., особо отличившись при разгроме конного корпуса Д. П. Жлобы. С 1921 г. в эмиграции (в Болгарии); выслан болгарскими властями в Югославию, назначен по совместительству помощником Главнокомандующего Русской армии в этой стране, в 1924 г. вернулся в Болгарию в качестве начальника всех частей и управлений Русской армии. При создании РОВСа назначен председателем 3-го отдела в Болгарии. После похищения

А. П. Кутепова назначен заместителем председателя РОВСа. После похищения Е. К. Миллера (1937) исполнял должность председателя РОВСа (до марта 1938 г.). Во время 2-й мировой войны участвовал в создании казачьих частей, в деятельности Комитета освобождения народов России (КОНР), подписал Пражский манифест. После 2-й мировой войны переехал в США; погиб в автомобильной катастрофе.

22. Байдалаков, Виктор Михайлович (1900 – 1967) – политический деятель; инженер-химик, председатель Совета НТСНП (1931 – 1955). До осени 1941 г. жил в Югославии, затем переехал в Берлин. Летом 1944 г. был арестован гестапо, освобожден в апреле 1945 г.

23. Георгиевский, Михаил Александрович (1888 – 1950) – политический деятель. Уроженец г. Бежица Брянской области. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1913). В 1917 – 1919 гг. – приват-доцент исторического факультета Варшавского университета. С конца 1919 г. – в эмиграции. Преподавал в Белградском университете и в Русской гимназии в Белграде. В 1930 – 1944 гг. – Исполнительный секретарь НТСНП. Осенью 1944 г. арестован военной контрразведкой «Смерш». Расстрелян в 1950 г.

24. Правильно – Захарченко-Шульц, Мария Владиславовна (урожд. Лысова; 1894 – 1927) – политический деятель. Из дворянской семьи, племянница А. П. Кутепова. Окончила Смольный институт. В 1915 г. добровольно ушла на фронт, воевала в кавалерии, была награждена двумя Георгиевскими крестами. Участница Белого движения. С 1920 г. в эмиграции; была в числе лидеров боевой организации РОВСа. С 1923 г. неоднократно выезжала в СССР для установления контактов с «Трестом», а после разоблачения последнего агентом ОГПУ Опперпутом – для проведения террористических актов. 10 июня 1927 г. вместе с Опперпутом и боевиком РОВСа Юрием Петерсом совершила неудачный поджог общежития чекистов на Малой Лубянке, после чего пыталась бежать за границу. 18 июня 1927 г., будучи обнаруженной чекистами при попытке перехода границы в Смоленской области, застрелилась.

25. Правильно – Опперпут-Стаунц, Эдуард Оттович (? – 1928) – политический деятель. Участник Белого движения, офицер, состоял в савинковском «Народном Союзе Защиты Родины и Свободы». В 1921 г. арестован ВЧК и в 1922 г. стал секретным сотрудником ГПУ. Активный участник операции «Трест». В 1927 г. бежал в Финляндию, раскрыл в прессе операцию «Трест», затем вместе с М. В. Захарченко-Шульц вернулся в СССР для проведения терактов. По одной версии, погиб вместе с Захарченко-Шульц при переходе границы в Смоленской области в июне 1927 г., по другой – продолжал работать в ОГПУ, участвовал в провокации против «троцкистско-зиновьевской оппозиции». В западной прессе была запущена версия, согласно которой Опперпут был расстрелян во время Великой отечественной войны «в оккупированном германскими войсками Киеве». См.: Новое о «Тресте» / Публ. Г. Струве; Коммент. С. Войцеховского // Новый журнал. Нью-Йорк, 1976. № 125. С. 210.

Предисловие к публикации «Третий Рейх» Артура Меллера ван ден Брука

«Третий Рейх» Артура Меллера ван ден Брука (1876 – 1925) была написана в 1922 г. Опубликованная годом позже, она стала важнейшим документом немецкой «консервативной революции». Однако с тех пор, как идея «третьего рейха» («третьей империи») была узурпирована нацистами, название этой книги вызывает устойчивые ассоциации с гитлеровским режимом, а ее автор, известный в свое время литературовед и культуролог, нередко упоминается в ряду предтеч Гитлера¹. Между тем, стоит отметить, что обернувшаяся величайшей трагедией XX в. мечта о «третьем рейхе» имела не нацистское, не «революционно-консервативное» и даже не чисто немецкое происхождение. Ее истоки принято искать, с одной стороны, в Откровении Иоанна, повествующем о грядущем тысячелетнем царстве добра и мира, с другой – в универсализме Священной римской империи германской нации. Таким образом, в этой мечте можно увидеть и плод секуляризации христианского на-

---

¹ См. категоричные, но малодоказательные оценки Меллера в советской историографии: *Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1967. С. 317–318; *Бланк А. С.* Из истории раннего фашизма в Германии. М., 1978. С. 109–110; *Одудев С. Ф.* Тропами Заратустры. М., 1976. С. 172–174; *Бессонов Б. Н.* Фашизм: идеология, политика. М., 1985. С. 99–100. Западные авторы чаще склонны полагать, что «крестным отцом» нацистского рейха Меллер стал случайно (см., напр.: *Stern Fr.* Kulturpessimismus als politische Gefahr. Eine Analyse nationaler Ideologie in Deutschland. Bern, 1963. S. 301–302; *Neumann F.* Behemoth. Struktur und Praxis des Nationalsozialismus 1933 – 1944. Frankfurt a. M., 1993. S. 246; *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus. Frankfurt a. M., 1993. S. 73). К.-Э. Бэрш утверждает, что идея «третьего рейха» была позаимствована Гитлером у его наставника Д. Эккарта (См.: *Bärsch C.-E.* Die politische Religion des Nationalsozialismus. München, 1998. S. 52–86).

следования, и проявление не изжитого до сих пор синкретизма религиозного и политического сознания.

Являясь одной из бесчисленных метаморфоз эсхатологии и апокалиптики, представление о конечном «третьем царстве» также претерпело множество трансформаций. На заре христианской эры, начиная с ереси фригийца Монтана (II в.), в нем отражались безусловные надежды верующих на быстрейшее второе пришествие². Наиболее решительную попытку обоснования этих надежд предпринял, связав ход земной истории с догматом о Святой Троице, калабрийский аббат Иоахим Флорский (XII в.). Вплоть до Нового времени его учение внушало многочисленным адептам не только религиозные ожидания «царства Святого Духа», но и, по сути, политическую идею всеобщего европейского порядка, сильного осознанной преданностью народов их единству³. Своей трансформацией в немецкую утопию «третьего рейха» эта универсалистская идея обязана творчеству Новалиса и других романтиков, грезивших о духовном возрождении Германии и ее политическом водительстве ради спасения Европы⁴. Однако настоящую популярность романтический идеал «нового царства» стал завоевывать лишь в начале XX в. благодаря Шт. Георге, в поэзии которого он окрашивался, в основном, культурфилософскими тонами⁵.

После краха, постигшего Германскую империю в результате мировой войны и Ноябрьской революции, идея «третьего рейха» стала жгуче актуальной для многих миллионов немцев, не принявших Версальского диктата западных держав и созданной по «западным» же меркам Веймарской парламентской демократии. Пожалуй, именно Меллер ван ден Брук стал тем «медиумом», который сумел уловить эти настроения и выразить их с пронзительной силой, достаточной для оформления уже не очередной литературной утопии, но подлинного политического мифа⁶. Во всяком случае, его книга стала в конце 1920 – начале 1930-х гг. одной из самых популярных в консервативных кругах Германии, а ее название пре-

---

² См. *Brentjes B. Der Mythos vom Dritten Reich. Drei Jahrtausende Sehnsucht nach Erlösung.* Hannover, 1997. S. 25 – 26.

³ См. *Ebenda.* S. 42 – 52; *Dempf A. Sacrum Imperium. Geschichts- und Staatsphilosophie des Mittelalters und der politischen Renaissance.* München, Wien, 1973. S. 276.

⁴ См., напр.: *Христианство и Европа // Новалис. Гимны к ночи.* М., 1996.

⁵ См., напр.: *Breuer St. Ästhetischer Fundamentalismus. Stefan George und der deutsche Antimodernismus.* Darmstadt, 1995. S. 52 – 62.

⁶ Как замечал Фр. Штерн, «книга Меллера оказала в конце 20-х гг. такое глубокое воздействие потому, что в ней звучало исполненное гнева настроение преданного и разочарованного народа. Его уничтожающая критика правящих слоев Веймарского периода была такой же беспощадной, как тексты Б. Брехта или рисунки Г. Гросса» (*Stern Fr. Op. cit.* S. 304 – 305).

вратилось в излюбленный пароль всех течений набиравшего силу «нового» немецкого национализма⁷. Вслед за ней страну захлестнула лавина сочинений, в которых образ «третьего» или «священного немецкого» рейха предстал в историсофской, «расово-гигиенической», геополитической, политико-правовой, религиозной и прочих ипостасях⁸. Притягательность этого образа может быть объяснена в частности тем, что все его трактовки, являясь прежде всего антитезой далеко не беспорочному Веймарскому режиму, оставляли простор для фантазий относительно достоинств германского имперского идеала⁹. Не была исключением и книга Меллера, которая вопреки ее названию не содержит сколько-нибудь четкой концепции общественного и государственного строя «третьего рейха» или конкретных направлений его политики¹⁰. Такую задачу автор не ставил перед собой ни в данной работе, ни в какой-либо другой.

Как вспоминал один из соратников Меллера М. Х. Бем, первоначально тот хотел озаглавить свою книгу «Третья партия». Но, поскольку воинствующий антилиберализм Меллера и его кружка направлялся против всех партий как таковых и связанного с ними парламентаризма, такое заглавие показалось «вводящим в заблуждение». Бем предлагал назвать книгу «Третья позиция», так как считал, что ее автор во всем искал именно такую позицию, лежащую «вне и поверх всяких противоположностей»¹¹.

---

⁷ Не были исключением и национал-социалисты. Так, в своем дневнике молодой Й. Геббельс писал о книге Меллера как о «пророческом видении», замечая, что ее автор «в порыве внутренней страсти» предельно ясно выразил все то, что «мы, молодые, уже давно понимали инстинктивно» (см. *Reuth R. G. Goebbels. Zürich, 1990. S. 95*).

⁸ См. *Gerhart (Gurian) W. Um des Reiches Zukunft. Nationale Wiedergeburt oder politische Reaktion? Freiburg i. B., 1932. S. 120; Neuror J. Der Mythos vom Dritten Reich. Zur Geistesgeschichte des Nationalsozialismus. Stuttgart, 1957. S. 20 – 27, 264 – 274; Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München, 1962. S. 278 – 306; Breuer St. Anatomie der «Konservativen Revolution». Darmstadt, 1993. S. 104 – 114.*

⁹ Расплывчатость и разнობой представлений о «третьем рейхе», позволявшие сплестись вокруг этого мифа весьма пестрым силам немецких националистов, отмечали как приверженцы, так и критики этой идеи (см., напр.: *Rödel H. Moeller van den Bruck. Standort und Wertung. Berlin, 1939. S. 136; Schwierskott H.-J. Arthur Moeller van den Bruck und die Anfänge des Jungkonservatismus in der Weimarer Republik. Eine Studie über Geschichte und Ideologie des Revolutionären Nationalismus. Göttingen, 1962. S. 107*).

¹⁰ На это указывали практически все критики Меллера. Более того, Г.-К. Кальтенбруннер замечал, что вообще вся публицистика Меллера отличается «почти музыкальной неопределенностью» (*Kaltenbrunner G.-K. Von Dostojewski zum Dritten Reich. Arthur Moeller van den Bruck und die «Konservative Revolution» // Politische Studien. Zweimonatsschrift für Zeitgeschichte und Politik. 20. Jg. H. 184. März / April 1969. S. 195 – 196*).

¹¹ См. *Boehm M. H. Moeller van den Bruck im Kreise seiner politischen Freunde // Deutsches Volkstum. Halbmonatsschrift. 1. Septemberheft 1932. S. 695*.

Другой единомышленник Меллера, В. Германн, также видел смысл его деятельности в поиске абсолютной «позиции» (или, согласно еще одному варианту названия, «третьей точки зрения»), которая возвышалась бы «над все более расплывчатыми понятиями левого и правого». Соединив и примирив в себе (но ни в коем случае не ликвидировав) все «немецкие противоположности», она должна была стать мировоззренческой основой «рейха третьего сплочения»¹².

Сам Меллер объяснял замысел книги о «Третьем Рейхе» в письме к близкому другу и единомышленнику Г. фон Гляйхену, которому и был посвящен его труд¹³. Убежденный в том, что «все зло в немецкой политике исходит от партий», он обещал «разгромить их идеологически» с тем, чтобы расчистить путь к «третьему рейху»¹⁴. Правда, описанию этой конечной цели Меллер отвел лишь заключительную главу своей работы, озаглавленную также «Третий Рейх». Остальные главы содержали пространный разбор идеологий, боровшихся в начале 1920-х гг. на политической сцене Германии и представленных автором в виде «идеальных типов» их приверженцев. Этот разбор обернулся, с одной стороны, непревзойденной по жесткости критикой либерализма, парламентской демократии и «реакции» (консерватизма «старого» образца) как сил, мешающих построению «третьего рейха» и не имеющих шансов в будущем¹⁵. С другой стороны, Меллер постарался выявить позитивный потенциал, заложенный в «социалистическом», «пролетарском» и «демократическом» типах, который позволил бы им (после соответствующей трансформации и слияния с «третьей партией») примкнуть к построению «третьего рейха». Сама же «третья партия», уже существующая и направляющая этот процесс, представлялась Меллеру в образе консерватизма, взявшего на вооружение революционные методы борьбы.

Книга о «Третьем Рейхе» стала политическим завещанием Меллера, добровольно ушедшего из жизни вскоре после ее выхода в свет. Однако выполнение миссии, которую он отводил «революционному консерва-

---

¹² См. *Hermann W. Moeller van den Bruck. Schicksal und Anteil // Die Tat*. 25. Jg. H. 4. Juli 1933. S. 296 – 297.

¹³ Это письмо перепечатывалось в посмертных изданиях «Третьего рейха» в качестве предисловия автора (см. напр.: *Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich*. Hamburg, 1931. S. VII–XI).

¹⁴ *Ebenda*. S. VIII – IX.

¹⁵ «Образцовый» характер этой критики признавали даже нацисты: «Его враги были и нашими врагами, и его политическая схватка с ними в первые послевоенные годы была лучшим немецким боем за сохранение нашей народной субстанции» (*Rödel H. Op. cit.* S. 139).

тизму», взяли на себя силы, не принятые им в расчет. 1 сентября 1933 г., после того, как пришедшие к власти национал-социалисты уничтожили Веймарскую парламентскую систему, А. Гитлер официально объявил, что его государство является «Третьим рейхом», который будет стоять тысячу лет¹⁶. Становление нацистского режима совпало с пиком посмертной популярности Меллера, когда тираж лишь одной его книги о «Третьем рейхе» достиг 130 000 экземпляров, а его имя не сходило со страниц националистической прессы страны¹⁷. В тот период ученики и последователи Меллера в своих многочисленных публикациях представляли его не только «пророком», но даже «зодчим» нацистского «рейха»¹⁸.

Однако нацизм, уже разгромивший открытую оппозицию, не собирался терпеть и лояльных конкурентов, тем более, что при всей своей расплывчатости «революционно-консервативный» проект все больше расходился с реалиями нацистского господства. Постепенно пропаганда этого проекта стала оборачиваться осторожной, но внятной критикой режима. Поэтому альянс нацистов и «революционных консерваторов» продлился ровно столько времени, сколько его требовалось для полной «унификации» политической жизни Германии. С 1935 г. развернулась регулярная и все более агрессивная критика Меллера в нацистской печати. Итог этой кампании был подведен в 1939 г. в санкционированной властями объемистой работе Г. Ределя, вывод которого гласил: «Не «пророком и провидцем «Третьего Рейха» был Меллер ван ден Брук, но последним консерватором. Из его политического мира нет пути в немецкое будущее, поскольку из него нет пути, который вел бы к национал-социализму»¹⁹. Однако в ситуации, когда нацистское государство, поглотив большинство «исконно немецких» земель, готовилось к военной экспансии, неудобным оказалось уже само понятие «третьего рейха». 10 июля 1939 г., следуя ре-

¹⁶ См. *Enzyklopädie des Nationalsozialismus*. München, 1998. S. 435.

¹⁷ См. *Kaltenbrunner G.-K.* Op. cit. S. 196. В 1933 г. в одном из рекламных проспектов издательства «Hanseatische Verlagsanstalt» Й. Геббельс приветствовал распространение «этого столь значимого для идейно-политического развития НСДАП труда».

¹⁸ См., напр.: *Boehm M. H.* Ruf der Jungen. Eine Stimme aus dem Kreise um Moeller van den Bruck. Freiburg i. B., 1933 (раннюю историю основанного Меллером «Июньского клуба» Бем называл «частью предьстории «третьего рейха»); *Adam R.* Moeller van den Bruck. Königsberg, 1933; *Moeller van den Bruck, der Seher und Deuter des Dritten Reiches (Auswahl aus seinen Schriften)*. Paderborn, 1934 (в своем введении к этой подборке В. Готтхардт называл книгу Меллера о «третьем рейхе» манифестом XX века); *Fechter P.* Moeller van den Bruck. Ein politisches Schicksal. Berlin, 1934; *Schmahl E.* Der Aufstieg der nationalen Idee. Stuttgart, 1933/34, S. 273 ff.; *Fechter P.* Das Leben Moellers van den Bruck // *Deutsche Rundschau*, CCXXXIX, 1934. S. 20.

¹⁹ *Rödel H.* Op. cit. S. 164.

шению «фюрера», Й. Геббельс дал указание прессе впредь избегать употребления этого понятия и использовать вместо него другое – «Великогерманский рейх»²⁰.

Споры о том, насколько «консервативен» был в своих взглядах застрельщик немецкой «консервативной революции» и в какой степени его пророчество о «третьем рейхе» вдохновляло нацистов на построение их империи, не утихают среди историков по сей день. Думается, предлагаемая вниманию читателей публикация последней главы книги Меллера о «Третьем Рейхе» позволит им нагляднее представить суть этих споров, имеющих непосредственное отношение к вопросу о возможностях и пределах филиации консервативной идеи.

---

²⁰ Enzyklopädie... S. 435. Объясняя это решение, Г. А. Винклер предполагает, что понятие «Третий рейх» было отвергнуто ввиду подспудно содержащегося в нем намек на возможность существования в будущем «рейхов» с другими порядковыми номерами (См. *Winkler H. A. Der lange Weg nach Westen. Zweiter Band. Deutsche Geschichte vom «Dritten Reich» bis zur Wiedervereinigung. München, 2000. S. 7*). Но, думается, Гитлер, веривший в магию чисел, в этом плане мог удовлетвориться полнотой значения числа «три». Скорее, название «Великогерманский рейх», не создававшее универсалистских иллюзий относительно будущего Европы, более соответствовало государству, готовому приступить к выполнению той внешнеполитической программы, которая была изложена Гитлером в «Майн кампф».

Меллер ван ден Брук А.

Третий Рейх¹

**Мы должны иметь силы жить
среди противоположностей**

I

Третья партия желает Третьего Рейха.

Она – партия преемственности немецкой истории.

Она – партия всех немцев, желающих сохранить Германию для немецкого народа.

Немцы из всех партий здесь воскликнут: и мы хотим того же! Охотно вам верим. Но мы слишком хорошо знаем, что каждый из вас при этом думает о Германии как принадлежности своей партии, желая обустроить ее жизнь по меркам собственной партийной программы.

Вы поднимаете свои знамена и хотите навязать их стране. Вы приходите с красным знаменем, а оно – лишь дразнящее полотно цвета крови без Духа. Оно не сможет стать нашим знаменем, даже если вы украсите его серпом, молотом и пятиконечной звездой. Или же вы развернули черно-красно-золотистое знамя, которое прекраснородушием романтиков было однажды приписано нашему Первому Рейху [1]. Но оно давно утратило тот золотистый блеск, которым его снабдила буйно-мечтательная молодость. Или вы до

---

¹ Перевод выполнен по изданию: *Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. Hamburg, 1931 (3. Aufl.). S. 300 – 322.* В русском тексте сохранено немецкое название «Рейх», поскольку оно, в отличие от близкого ему понятия «империи», имеет сакральный смысловой оттенок и более точно передает мечту автора книги об идеальном немецком государстве, которое, пребывая в вечности, открывает себя лишь мистическому сознанию.

сих пор привержены черно-бело-красному знамени нашего Второго Рейха, которое реяло в согласии с державной идеей покорения мирового океана еще до того, как была освоена суша [2]. Но мы пережили день, когда это знамя, более других наших знамен овеянное славой, погрузилось в водовороты Скапа-Флоу [3].

Сегодня над Германией развевается только одно знамя, которое есть знак страдания, тождественный нашему бытию: одно-единственное знамя, которое не терпит рядом с собой другие цвета и отбирает у людей, идущих под его мрачной сенью, всякую охоту к пестрым вымпелам и радостным штандартам: только черное знамя нужды, унижения и крайнего ожесточения, явленного в сдержанности, чтобы не стать отчаянием – стяг смятения мыслей, кружащих днем и ночью подле судьбы, уготованной нашей безоружной стране сговорившимся против нее миром – стяг сопротивления мужей, не желающих смиренно принимать дело уничтожения, которое должно начаться с расчленения страны и закончиться истреблением нашего народа – стяг выступления немцев, желающих спасти нацию и сбечь Рейх [4].

II

Сегодня это стремление не называют консервативным. Его называют националистическим.

Но это стремление направлено на сохранение всего, что достойно в Германии сохранения. Это стремление сохранить Германию ради Германии. И оно вполне осознанно.

Национализм не заявляет, как это делает патриотизм, что все немецкое достойно сохранения уже потому, что оно – немецкое. Для националиста нация не есть самоцель, стоящая перед нами с прошлых времен: ясная, зримая и уже осуществленная.

Национализм всегда направлен на будущее нации. Он консервативен, ибо знает, что нет будущего без укорененности в прошлом. И он политичен, ибо знает, что может быть уверен в прошлом, как и в будущем, лишь в той мере, в какой он обеспечивает уверенность нации в настоящем. Но в духовном плане он устремлен за пределы этого настоящего. Если бы мы ограничили рассмотрение немецкой истории лишь прошлым, то были бы очень

близки к представлению о том, что она отныне завершена. Нигде не написано, что народ имеет право на вечную жизнь и что он может сослаться на это право ради жалкого настоящего, в котором все еще хочет иметь свою долю. Для всех народов наступает час, когда они умирают или кончают самоубийством. И нельзя представить конец для великого народа более великолепный, нежели гибель в мировой войне, которая заставит напрячься весь мир для того, чтобы справиться с одной-единственной страной.

Национализм понимает нации исходя из их предназначения. Он понимает их исходя из антагонизмов между народами, каждому из которых он направляет собственное послание. Немецкий национализм является на свой лад выражением немецкого универсализма. Он направлен в первую очередь на европейское целое, но не с тем, чтобы, как выразился зрелый Гете [5], «рассеяться во всеобщем», а для того, чтобы утвердить нацию как нечто особое. Он есть выражение немецкой воли к самосохранению и скорее проникнут переживанием, отмеченным у позднего Гете, говорившего, что искусство и наука суть все же лишь «печальное утешение», не способное заменить «гордого сознания принадлежности к сильному народу, которого все уважают и боятся». Романтический национализм думает лишь о себе. Немецкий национализм мыслит себя в связях. Он мыслит себя в перемещении центров тяжести истории. Он хочет сохранить немецкое не потому, что оно является немецким, что, как мы видели, вполне могло бы означать желание сохранить минувшее. Он в гораздо большей степени желает сохранить немецкое в становящемся, в возникающем вокруг нас, в революционных преобразованиях восходящей эпохи. Он жаждет сохранить Германию потому, что это – срединный пункт, потому, что лишь из него Европе удастся удерживать себя в равновесии: именно отсюда, не с Запада, куда Панивиц задним числом перемещал творческий центр нашего континента, и не с Востока, которому Шпенглер, упреждая события, отдал право наследования [6]. Национализм желает сохранить немецкую сущность не для того, чтобы затем от нее отказаться, как советуют слабаки из партии космополитов, эти вырожденцы и отбросы расы; и не для того, чтобы поменять ее на некое «наднациональное образование», с которым

Ферстер, этот продукт вырождения немецкого идеализма, связывает доверчивую надежду ослабевшего рассудка на новое превращение «страны европейской середины» в центр той «человечности», которую сей отщепенец все еще видит сохраненною у французов. Национализм желает сохранить немецкое для того, чтобы дать нации осознать задачу, которая вытекает для нее из этой немецкой сущности, и которую у нее не оспорит ни один другой народ.

Это наша старая и вечная задача, в которой снова и снова находят свое продолжение задачи австрийская, прусская и бисмарковская. Мы теперь окончательно узнали, что можем служить этой задаче, лишь обратившись на Восток и имея свободный тыл на Западе. И сделаться свободными есть наша ближайшая и истинно немецкая задача, оставшаяся нам после смут нашей западной революции. Ферстер называет Бисмарка недоразумением немецкой истории. Но Бисмарк, который был основателем Второго Рейха, будет еще, сверх того, основателем и Третьего Рейха [7].

Консерватизм, отвечавший государству ради государства, подходил к проблеме национальности слишком просто. Поэтому он потерпел крах.

Патриотизм, в духе которого мы были им воспитаны, мнил себя способным объяснить национальность исходя уже из той страны, в которой человек рожден, и из того языка, на котором он говорит. Но этого было недостаточно.

Немцем является не только тот, кто говорит по-немецки, кто родом из Германии или же обладает ее гражданством. Страна и язык являются естественными основаниями нации, но свою историческую самобытность нация приобретает через ценности духовной жизни людей ее крови. Жизнь в осознании своей нации означает жизнь в осознании ее ценностей.

Консерватизм нации стремится сохранить нацию как путем сбережения традиционных ценностей, ибо они поддерживают в ней способность к росту, так и за счет привлечения новых, поскольку они умножают ее жизненные силы.

Нация есть ценностная общность. И национализм есть ценностное сознание. Народы, обладавшие в качестве наций ценностным сознанием, защищали в мировой войне не только свой язык и

свою страну, но – свою культуру. И мы были ими побеждены, поскольку, хотя и были сильны в государственной и, следовательно, в военной областях, т. е. во всем, что должно защищать, но были чрезвычайно слабы во всем, что должно быть защищено. В конце концов, мы думали, что если и проиграем войну, то ее проиграет лишь государство. И только сейчас мы понимаем, что войну проиграла нация. Выступая с позиций консерватизма, изменившего направленность своей воли с охранения государства ради государства на охранение нации, мы должны сказать о том, чего не достиг наш патриотизм, а также о том, что значит национализм в настоящем и что он означает для нашего будущего.

В нашем Первом Рейхе мы обладали сильным ценностным сознанием. Мы связывали с ним глубокие и мощные средневековые представления об особом западном предназначении и оставляли за немецкой нацией миссию его христианского и имперского воплощения. Это был Рейх ради Рейха. Мы восприняли от него отважное и высокомерное самосознание, которое, однако, каждый относил преимущественно к собственной персоне. Это самосознание мы ощущали в народе даже тогда, когда Рейх уже рухнул, а мы все еще говорили о нашей некогда знаменитейшей нации.

Мы были слишком аполитичными, чтобы относить это самосознание ко всей общности. Князя, которым было предназначено решение этой задачи, рано выработали собственное самосознание, но оно шло на пользу лишь жителям отдельных государств. Нации же, напротив, не было дано то национальное самосознание, которое основывалось бы на общих для всех ценностях, а значит, позволило бы ей утвердиться в качестве политической общности. Отсутствие такой общности порой остро переживалось отдельными немцами, жившими в осознании этих ценностей и шедшими таким образом к пониманию предназначения своей нации. И тогда они пытались наполнить ее ценностным сознанием в той же мере, в какой им были преисполнены в те времена испанцы, французы и англичане. Но те же немцы, обретшие национальную идентичность из опыта жизни на чужбине и международных антагонизмов, оставались совершенно непонятыми у себя дома, когда призывали к такому обретению свой народ.

Здесь кроется причина того, почему немецкие националисты всегда оставались на обочине жизни, почему они не воспринимались нацией и почему их усилия оказывались втуне – вплоть до сегодняшнего дня. Людям было не до них. Люди занимались своими профессиональными и хозяйственными делами. И государство во имя государства заботилось о том, чтобы они могли заниматься этим спокойно. За это оно требовало послушания и благодарности. Патриотизм, которому оно учило своих подданных подобно тому, как классный наставник учит сельских детей, был долгом, который оно на них налагало. Националисты, напротив, являлись для такого патриотизма помехой. О них вспоминали лишь во времена бедствий. Но никогда им не дозволялось стать тем, чем они призваны были быть: вождями нации. Государство хотело по возможности делать само и ради себя то, что эти немцы страстно хотели делать сами и во имя нации. Те, кто оправдывал это государство ради государства, конечно, чувствовали пустоту, которую оно оставляло в людях, хотя сами, привыкнув во всем полагаться на него, вряд ли ощущали ее как таковую. И тогда государство попыталось заполнить эту пустоту ради сохранения прежнего отношения к себе своих подданных. Оно ощутило потребность духовно оправдать привычку своих граждан относиться к нему патриотически. И оно действительно оправдало ее при помощи закона и религии. Государство оперлось на трон и алтарь. Вначале оно сослалось на таинство, скрытое за этими двумя понятиями. Оно сослалось на монархический порядок в мире, за который ручается первое из них, и христианский миропорядок, которому поручкой второе. Оно сослалось на правовую ответственность за жизнь людей, которая происходит от монархии, и духовную ответственность, которая происходит от христианства. Оно сослалось на оба представления так, что обе сферы оказались объединены: отечески земное дополнилось отечески небесным, и создалось единство, на которое и оперлось государство. Трон и алтарь ручались за постоянство земных дел согласно надвременным установлениям. И государство было их поверенным.

Но с течением времени все это выветрилось из обоих понятий, выветрилось это и из патриотизма. И данные понятия тоже стали

привычкой, а потому потеряли свое предназначение. Они стали формулами, лишёнными того содержания, которое должны были дать людям. Они стали обыденностями, которые, пожалуй, еще могли вести людей в условиях мира, не подвергающего людей испытанию. Однако им самим пришлось подвергнуться испытанию чрезвычайной ситуацией, которое народ как нация, в конечном счете, не выдержал.

В результате монархический порядок исчезал из мира. Он иссякал уже в личностях, попадавших на престолы, и иссякал задолго до того, как потеря корон удостоверяла их вовсе не монаршую, но самую обычную человеческую сущность. Лишь поэтому стало возможно, что народ позволил им пасть, что он не сплотился в поддержке их во имя символа, в который еще продолжал верить, что он не держался с привычной верностью до конца рядом с ними, как представителями этого символа. Но и только так стало возможно, что эти представители монархического порядка закончили как самые простые обыватели, отринутые во всеобщую трагедию без трагики и перешедшие из средоточия таинства в банальную частную жизнь [8].

В христианском миропорядке произошли похожие перемены. И хотя они не были столь катастрофично очевидными, здесь, подобно тому, как монархи утратили связь с народом, была утрачена связь с общиной. И следствием было растущее отчуждение от церкви, отчуждение, которое поначалу имело так же мало общего с атеизмом, как отчуждение от монархии – с антипатриотизмом. Но уж если трон не поддержал государство, то алтарь не мог поддержать его тем более. Государство потерпело крах само в себе: в той опоре, которую оно воздвигло и подперло подсобными понятиями, в тех основах своего ложного расчета, который позволял ему полагать, что нелюбимый им «национализм» даст себя заменить усердно выпячиваемым «патриотизмом». Однако время и история положили этому государству конец. Осталась лишь нация: только из нее может выйти новое таинство любви к отечеству. Рухнувшее государство сделало под конец патриотизм предметом нашего образования. Но уже в крахе немецкого образования в девятнадцатом веке вообще и в его крахе в вильгельмовскую эпоху особенно,

когда оно все больше подчинялось целям карьеры, социального престижа и экономической выгоды, давал себя знать неизбежный провал также и патриотического образования. Из руин, грозящих похоронить нацию вместе с государством, ныне восстает высвободившееся встречное движение сопротивления – консервативно-революционное движение национализма. Оно хочет жизни нации. Оно хочет того же, что хотело старое государство и что должно хотеть каждое государство. Но оно хочет получить это не в абстрактных понятиях, а в переживании. Оно хочет наверстать то, что было упущено: сопричастность нации к ее предназначению.

Мы славили демократию – не жалкую демократию «общественных» народов, но великолепную демократию государственного народа – за то, что она означает участие нации в ее судьбе – деятельное, энергичное, ответственное политическое участие. И мы распознали в пролетариате стремление приобщиться к тем ценностям, которые до сих пор оставались достоянием других сословий. Демократическое, в том числе пролетарское участие составляет ту сопричастность, которую национализм пытается установить в нации и для нации. Однако национализм отличается от самовосприятия как формальной демократии, так и классово сознательного пролетариата прежде всего тем, что его движение исходит исключительно сверху, но не снизу. Сопричастность предполагает осознание, а именно осознание тех ценностей, к которым нация должна стать сопричастной. Внушить это осознание никогда не удастся, если навстречу ему не будет направлено стремление снизу. В этом смысле национализм хочет проникновения в низы. Но само его внушение дается сознанию сверху.

Лишь сознанию известно, что является предназначением нации. Лишь сознание постигает взаимосвязь ценностей нации. Лишь сознание может сказать нации, что принадлежность к ней означает то же, что и принадлежность к ценностной общности. Демократ, все еще склонный к космополитическим установкам, и тем более пролетарий, все еще приверженный интернационализму, часто мечтают о некоей сфере, якобы расположенной поверх языка и страны, в которой, стираясь, исчезают различия между ценностями разных народов. Националист, напротив, исходит

из того, что ценности суть характернейшее свойство нации, что они – дыхание ее сущности, которая через них приобретает образ и которая, как и все существенное, имеет центр тяжести, не терпящий перемещений.

Ни в одной другой стране ценности не являются столь загадочными, столь необъяснимыми и непостижимыми, столь разрозненными и в то же время столь цельными, как в Германии. Здесь они подобны то сокровенным признаниям, то диким схваткам миров – хрупкие или могучие, приземленные или возвышенные, вплотную приближенные к действительности или совершенно отдаленные от нее – они нигде более не кажутся воплощением столь полярно несовместимого. Ни в одной другой стране они не соединены столь судьбоносным образом с историей нации: это и зеркало, и лик, и трагическая исповедь немецкого человека, сотворившего их среди противоречий этой истории – не для себя, но для нации.

И ни в одной другой стране эти ценности не стремятся в такой степени образовать то единство, которого мы никогда более не достигали со времен нашего Первого Рейха, которое мы упустили в нашем Втором Рейхе – и которое задано нам для Третьего Рейха, наследующего противоречия немецкой истории, но также и ценности, необходимые для достижения этого единства.

III

Мы должны иметь силы жить среди противоположностей.

Немецкая история была полна начинаниями, которые затем оказывались обходными путями. Они оборачивались – и до сих пор оборачиваются – нашими противоположностями.

Мы никогда не приходили к одной определенной цели. Мы всегда достигали все наши цели – если их когда-либо намечали – лишь приблизительно, скачками и на какое-то время. И если нам когда-либо удавалось продвинуться к заранее намеченному пункту, мы тотчас вновь и еще более отдалялись от нашей цели. Но мы также всегда наверстывали упущенное, когда намечали себе следующую цель, вместе с которой могли вновь воспринять старую и которой посвящали восстановленные между тем силы.

Мы были варварами, и мы переняли наследие средиземноморской культуры. Мы были язычниками, и стали защитниками христианства. Мы были разрозненными племенами, и образовали национальную общность. Мы отреклись от наших богов, и последовали за Спасителем. У нас были свои герцоги, и мы избрали себе короля [9]. Мы начинали свою историю с партикуляризма, и мы же стали претендовать на создание универсальной монархии. Мы поставили императора, и мы же делились с Римом господством над земным кругом [10]. Мы были и демократией свободных, и аристократией пожалованных леном. Мы признали Рим, мы присягали ему на верность и поддерживали его, и мы же должны были, несмотря на это, защищать светскую власть против духовного господства [11]. Наши епископы вели борьбу против папы, а наши князья сопротивлялись своему властителю. Нашими добродетелями были и верность, и строптивость. Мы и переправлялись через Альпы, и скакали на Восток. Мы защищали политику гибеллинов, и мы же защищали политику гвельфов [12]. Мы были немцами южными и немцами северными. Мы стали мистиками на Западе и пионерами в колонизованных странах [13]. Мы предавали Штауффенов в зените их власти, вступали один за другим под их корону и передали ее, в конце концов, иностранцам [14]. Мы преодолевали распад Рейха земельным суверенитетом, децентрализовались в большом и централизовались в малом. Мы проводили династическую политику и переросли в Габсбургско-испанское государство, над которым не заходило солнце [15]. Мы не создавали себе столицы, но образовали великую городскую культуру. Мы защищали у стен Вены Запад против Востока и допустили на Рейне прорыв нашей западной границы [16]. Мы противостояли распаду церкви и на тридцать лет предоставили нашу страну в распоряжение разных вероисповеданий для их религиозных битв [17]. Наши протестанты боролись друг с другом в лице кальвинистов и лютеран и позволили распространиться контрреформации [18]. Вестфальский мир помешал императорам установить абсолютную монархию и одновременно признал Францию поручительницей немецкого имперского порядка [19]. Князья делили господство над землями, а императорский дом изнурял себя в династических вой-

нах. Пруссия заняла господствующее положение в Германии [20], но через двадцать лет после Фридриха Наполеон смог продолжить политику Ришелье, направленную против Германии [21].

Сознание нации просыпалось в стихах и идеях, но Рейх распадался. Немецкий идеализм поднял дух до высшего уровня, достигнутого когда-либо человечеством, но народ, исповедующий его, попадал под чужеземное господство. Мы вновь освобождались и тотчас на этом успокаивались. Мы были народом гениев, но мы начинали нашу новую жизнь с пренебрежения Штейном, непризнания Гумбольдта, недооценки Клейста [22]. Мы допустили, чтобы то опережение в духовном развитии, которое мы имели в 1800 г. перед всеми другими народами, было ими наверстано. И мы проводили столетие в разрешении внутринамецких антагонизмов до тех пор, пока окончательно не основали Второй Рейх. «Прусское водительство» и «объединение Германии» стали целями, взаимно перекрывавшими друг друга до тех пор, пока Бисмарку не удалось, наконец, использовать прусскую идею для того, чтобы подчинить немецкой идее любую другую – но тревога за Германию уже омрачала конец его величественной жизни.

Тревога оказалась оправданной. Рейх, основанный Бисмарком, потерпел крах в своей династической основе. Но его творение переживет этот переворот, если он окажется очередным обходным путем, необходимым для окончательного сплочения нации. И теперь настало время напомнить о том, что Бисмарк заблуждался в своих расчетах относительно нации, которые он строил на династической основе. Будучи консервативным человеком, он был озабочен долговечностью своего творения, и постоянно взвешивал опасности, грозившие ему извне, как, впрочем, и внутривнутриполитические возможности. И он временами представлял себе ситуацию, в которой «некоторые немецкие династии будут внезапно устранены». Из этого он заключал, что «таким образом было бы невозможно, чтобы немецкое национальное чувство удерживало всех немцев в жерновах европейской политики на основах международного права».

Эта ситуация настала сегодня. Но не наступили последствия. Рейх остался. И если есть еще в Германии уверенность в чем-то,

то эта уверенность заключена в чувстве общности всех немцев. Немецкие племена, в которых еще Бисмарк видел препятствие для национального единения, теперь стремятся не друг от друга, а друг к другу. Вероятно, они рвутся за пределы внутренних границ, которыми эпоха суверенитетов когда-то произвольно рассекала и соединяла немецкие провинции, и стремятся к тем племенным границам, в рамках которых найдет выражение их принадлежность друг другу.

Но люди чувствуют теперь прежде всего то общее, что объединяет их как немцев, хотя они и являются в остальном немцами южными или немцами северными, немцами западными или немцами восточными. Проблемы унитаризма и федерализма терпят для них свою злободневность. Баварцы, на партикуляризм которых наши враги в своем неведении возлагали перед войной столько надежд, сегодня являются тем самым племенем, которое с особым пылом выразило идею национального обновления. С другой стороны, в пограничных землях рабочие крепко держатся за Рейх и оказывают всем посулам как французов, так и поляков сопротивление, которое не сломить. Они убеждаются на собственном опыте, что нет того Интернационала, который был им обещан, но есть нация, к которой они все принадлежат [23]. Повсюду вдоль внешних границ немецкие земли разом ощутили себя марками [24]. От этих границ внутрь страны постепенно проникает осознание того, что Германия сама является сегодня сплошной маркой, против которой разгорается врожденная враждебность народов, пытающихся в продолжение Версальского немирного договора привести к упадку наше немецкое бытие [25]. Именно это делает нас как народ нацией.

Антагонизмы, которые сопровождали нашу историю, все еще дают о себе знать. Даже самые старые из них, которые мы считали совсем уже отмершими, сегодня вновь воскресают. И есть свой смысл, даже смысл политический, уже в том, что сегодня есть немцы, возвращающиеся в своем сознании к той ранней ступени, которая когда-то стала основой для возвышения Первого Рейха: что есть немцы, ищущие в средневековом, сословном, мистическом и даже в еще более раннем, примитивном и мифическом, те начала, кото-

рые необходимы для нашего нового возвышения; что есть немцы, предпочитающие после нашего опыта западничества, цивилизации и прогресса культуры древней и первобытной истории; что среди нас есть тут – поклонники Донара [26], а там – первохристиане, и что ни одну из форм у нас не любят искренней и не понимают лучше, чем почти варварскую форму романской эпохи.

С антагонизмами же более позднего времени у нас происходит нечто странное – и особенно с теми, что восходят к политике. Они перестают восприниматься как противоречия. Они исчезают. Однажды в нашей истории, на взлете Первого Рейха, мы уже преодолели антагонизм, который до самых основ расколол нацию. Он выражался в кличе: «Здесь Вельф! Здесь Вайблинг!» [27]. Прошли времена, когда этот двойной клич доводил кипение страстей до гражданской войны, и мы уже давно чтим могилы у Палермо так же, как Льва Брауншвейгского [28]. Точно также мы должны устранять все антагонизмы, которые несем с собой из нашего прошлого, не пряча, но возвышая их. Сразу же после краха Второго Рейха прусско-немецкая противоположность, жившая до того в подсознании, отошла назад и уступила место сознанию народной общности. Племена ощутили свою особость сильнее, чем чувствовали до сих пор, но в то же время люди, принадлежащие к ним, намного сильнее чувствуют себя немцами, которыми все они являются. Все немцы, так или иначе, являются сегодня – невзирая на границы и таможи – великонемцами.

И еще один, третий антагонизм отступает в наши дни: конфессиональный. Везде находятся немцы, воспринимающие свое вероисповедание уже не как конфессию, которая разделяет, но как религию, которая сплавливает. Везде католики и протестанты, преодолевая исповедальные различия, сближаются друг с другом как немцы: протестанты проникаются католической идеей единой церкви, а католики уже не считают Лютера зачинщиком Просвещения, рационализма и либерализма, но признают в нем последнего великого и истинно немецкого мистика [29]. Мы должны будем иметь силы для того, чтобы не отрицать и не отвергать, но признавать и соединять все противоположности, которые вобрали в себя из нашей истории.

Мы должны будем иметь силы для того, чтобы и сейчас снова быть «гвельфами», исполненными собственного племенного сознания, и в то же время «гибеллинами», представляющими имперскую идею. Нам понадобятся силы для того, чтобы быть и варварами, и христианами, и католиками, и протестантами, немцами южными и немцами северными, немцами западными и немцами восточными. Нам понадобятся силы для того, чтобы быть для самих себя здесь – пруссаками, а там – австрийцами или баварцами, швабами, франками, гессенцами, саксонцами, фризами, и при этом оставаться друг для друга – немцами.

IV

В таком стиле восприятия и мышления заявляет о себе мировоззренческая основа Третьего Рейха. Однако и на его долю еще остается достаточно антагонизмов. На его долю остаются проблемы федерализма и унитаризма, проблема социализма и проблема пацифизма.

Среди них прежде всего федералистско-унитаристская проблема была в корне искажена веймарской конституцией [30]. Как документ, свидетельствующий о неспособности либералов чему-либо научиться, она была построена на тех самых основах, которые позволили обмануть немецкий народ. Она пыталась увековечить для Германии эти основы, которые наши враги трактуют и используют в свою пользу и в ущерб нам. Она полагала, что именно таким образом, копируя государственные принципы Запада, она «способствует», как в ней записано, «общественному прогрессу». В действительности она настолько же отстала от своего времени, насколько ее опередили чувства людей. Она лишена всякой связи с теми изменениями, которые произошли в немецком народе в результате его становления как нации. Она стремилась ввести единую республику путем параграфов и не заметила, что внутреннее единство образуется в самом национальном теле. Она взяла в качестве основы интермедию революции и положила умозрительные установки между собой и более глубокими силами, которые вновь пробиваются из оборванных корней нашей истории. Она была чисто негативной и сама признавала это, когда декларировала, что

«право Рейха преодолевает право земель». Нет! Право не может преодолевать. Право должно действовать. Поэтому мы должны стремиться к тому, чтобы в Германии право Рейха означало право земель и, наоборот, земельное право означало право Рейха. Нет никакой иной цели, кроме государственной: не преобразовывать федеративное государство обратно в федерацию государств, но создавать Рейх, который будет и тем, и другим – Рейх, который снимет противоположности, подняв то и другое на новый уровень. Лишь в таком государстве вместо парламентаризма станет возможно народное представительство нации, в котором ее жизненная сила предстанет как направление воли.

Связь проблемы социализма с нашими историческими проблемами понял Родбертус, когда увидел «перст провидения» в призывании немецкого государства «обратиться также и к социальному вопросу после того, как оно решит вопрос национальный» [31]. И среди социалистов об этой связи по меньшей мере подозревал Энгельс, когда требовал: «Мы не должны оборачивать вспять революцию, сделанную в 1866 и 1870 гг. сверху, но должны дать ей необходимое завершение и улучшить ее посредством движения снизу» [32]. Революция не вела сразу к социализму. Сначала из нее в пролетариате развивается в виде «движения снизу» то, что мы называем его участием в жизни нации. И это участие должно быть безусловно реализовано в Третьем Рейхе, если ему суждено иметь опору в людях – но не только как материальное участие, как того и поныне требует коммунизм, путающий класс с нацией. Социализм не дает осуществлять себя снизу, как предполагает марксизм. Социализм не дает осуществлять себя и сверху, на что рассчитывали Бисмарк и Вильгельм в своей социальной политике. Социализм даст осуществить себя лишь путем сотрудничества низов и верхов, а не путем социализации прибылей, как полагал Маркс, не делавший различий между предприятием и гешефтом [33]. Он осуществится лишь как социализм самого предприятия, основанный на взаимодействии хозяйственного руководства и трудовой отдачи и устанавливающий равновесие между доходами и запросами.

Однако Интернационал, заповедуя коммунизм, обещал, что и такого социализма не будет нигде в пролетарском мире. Такой

производственный социализм может выйти лишь из определенной общности, сплоченной в хозяйственно-политическом, геополитическом и – в значительной степени – в национальном отношении. Он возможен как первоначальная хозяйственная форма, соразмерная лишь одному определенному народу, какой бы образцовой она ни стала затем для других народов [34]. После немецкой катастрофы народное хозяйство Германии невольно приблизилось в своем духовном самовосприятии к социализму, понятому именно таким образом. Предприятие в нем все более явственно отличается от гешефта. Будучи хозяйством побежденной и скованной нации, оно не получило ни времени, ни пространства, ни свободы движений для того, чтобы претворить это представление о себе в хозяйственную систему. Немецкий предприниматель приложил все усилия для того, чтобы честно сохранить свое предприятие как производство. Но переход предвоенной капиталистической хозяйственной формы в капиталистическую послевоенную уже подготавливается. Он происходит сначала в духовной сфере, в изменении отношения предпринимателя к предприятию, и он же возвещает о новом взгляде на хозяйство, согласно которому естественные различия между предпринимателем и рабочим могут стать не враждебными, но дружескими, не разрушительными, но основополагающе деятельными.

Проблема немецкого пацифизма очень тесно связана с проблемой нашего наднационального предназначения, которая, безусловно, является самой сложной, самой давней и самой значительной проблемой немецкой истории. Жить не только для себя, но для всех народов, воздвигнуть памятник бессмертия, в котором наше нынешнее бытие останется различимым в самые отдаленные времена и для самых дальних людей: это было сокровеннейшим желанием, которое двигало всеми событиями немецкой истории, которое вело нас через нее подобно тому, как ведет и будет вести все великие народы в их истории – в отличие от малых народов, думающих только о собственном «я».

Величие человека – быть в каком-то смысле больше себя самого.

Величие народа – быть еще чем-то сверх того, что он являет собой, и рассказать о себе; обладать еще чем-то, что он может сообщить.

Именно так все великие немцы совершали свой каждодневный труд на земле в осознании той вечности, которой он причастен, и оставляя его плоды после себя.

Им часто даже не приходилось говорить о своей немецкой принадлежности, которая ненамеренно и как нечто само собой разумеющееся была заложена в их творениях, и они могли быть уверены, что немецкий дух будет присутствовать также и в плодах этих творений. Но когда их спрашивали о силе, которой они были обязаны своим творчеством, они заявляли о себе как немцы. И когда их народ находился в опасности, они были на его стороне.

Однако наряду с этим в народе всегда присутствовала своеобразная склонность не отдаваться, но сдаваться, склонность, которой немцы обыкновенно следуют с роковой покорностью, склонность незначительных, но небезвредных идеологов подпадать под образ мыслей других народов, предпочитать иностранные идеи собственным и перебегать туда, где было поднято знамя чужой идеологии. Это те же самые немцы и идеологи, которые сегодня говорят о наднациональном послании и понимают под ним национальное обезличение – и которые ныне восхваляют такой отказ от самости как нечто чисто немецкое. Это те самые, кто, будучи революционерами, подменяли идею политического мира идеей мира мировоззренческого. Еще и сегодня, после событий на Руре и опыта Рейна и Саара, немецкие коммунисты, привычно агитирующие за доктрину мировой революции, не хотят признать, что идея борьбы классов является национальной не только «по форме», что признавал также и Маркс, но и «по содержанию», что всегда отрицалось марксизмом как буржуазная выдумка [35].

Фридрих Энгельс говорил о «лакейском духе» у немцев, который мы несем в своем народном характере еще со времен раздробленности, и ожидал, что немецкая революция вытравит его из нас. Он понимал этот дух внутривнутриполитически – как дух поразительной покорности, которую свободный народ более не обязан оказывать князьям, потерявшим свое монаршее величие. Но самым желанным результатом немецкой революции будет, если она заставит нас понимать этот дух внешнеполитически, как дух ложного восхищения, которое мы более не обязаны дарить ни

одному народу с тех пор, как десятки их поднялись на нас, а двадцать семь нас обманули. И будет хорошо, если этот опыт общения с народами сделает нас смиреннее перед нами самими и высокомернее перед нашими врагами.

Теперь мы являемся народом, который получил предостережение, народом, который извлек из своей истории один-единственный опыт. А именно: мы сможем жить ради нашего наднационального предназначения лишь тогда, когда мы как нация будем в безопасности. Все наши ценности возникли в борьбе за духовное самосохранение немецкой нации. И не утверди мы себя как нация политически, мы совершенно не были бы в состоянии обладать чем-то, что смогли сообщить другим народам. В противном случае мы были бы разбиты и раздроблены на радость тем же народам. Но, в конце концов, это станет нашим уделом, если наше простодушие будет и впредь оборачиваться верой в европейскую добродетель наших врагов.

Идея вечного мира есть, безусловно, идея Третьего Рейха. Но мир необходимо завоевать, а Рейх – отстоять.

V

Второй Рейх был промежуточным Рейхом. Он рухнул потому, что не имел времени стать традицией.

Тем не менее, немецкий консерватизм хотел сохранить этот Рейх. Он не хотел большего. В этом заключалась его вина. Он не хотел меньшего. В этом заключалась его заслуга. Он хотел бы сохранить форму, в которой нам был дан Рейх Бисмарка. Но эта форма была слишком молодой даже для того, чтобы оправдать немецкий консерватизм. Это была незрелая форма, как внутри, так и снаружи.

Второй Рейх был неполным Рейхом. Он не включал в себя Австрию, которая еще со времен Первого Рейха жила наряду с этим Вторым. Он был малогерманским Рейхом, в котором мы снова можем увидеть лишь обходной путь для того, чтобы достичь Великогерманского Рейха.

В нашем Первом Рейхе мы потеряли некоторые страны с чужими языками – Ломбардию и Бургундию. В конце концов, мы

потеряли также и страны нашей собственной языковой и племенной принадлежности – Швейцарию и Нидерланды, а также поселенческие районы в Прибалтике [36]. Но зато, хотя мы в это время и становились все слабее и слабее, мы все сильнее и сильнее спланивали оставшееся.

На протяжении всей нашей новой истории мы заняты работой по расчистке, по устранению границ и дурацких внутренних перегородок, которые оставил на немецкой земле распадавшийся в средневековье Первый Рейх. Мы преодолели мизерность наших государств, которая была выражением нашего бессилия. И мы заменили ее позицией великой державы, которую вернули себе во Втором Рейхе. Мы положили в основу этого Рейха большие немецкие племена и крупные немецкие государства, которым удалось пережить его распад, и малые государства, которые становились в ходе этого распада все меньше и меньше [37].

Исход мировой войны подорвал положение Второго Рейха как великой державы. Революция принесла развязку. Она не смогла предотвратить ни нашего обнищания, ни разорения четырех наших марок. Она оставила нас в остане государства, чью обкомсанную форму мы не признаем в качестве немецкого Рейха немецкой нации. Она упустила возникшую после разгрома центральных держав великогерманскую возможность и не нашла в себе ни мужества, ни воли и честолюбия, чтобы поставить мир перед свершившимся фактом аншлюса немецкой Австрии [38]. Она была малогерманским бунтом и предписала себе в Веймаре конституцию, федералистско-централистские установки которой не содержат ни того, что положено Рейху, ни того, что подобает землям, племенам и провинциям [39].

И все же, революция также многое упростила и вновь соединила, устранив внутринемецкие пережитки, которые мы до того тащили с собой в качестве преграды на пути становления в нацию. Она также является немецким событием, которое обретает смысл лишь в своих последствиях. В своем побочном воздействии, которое становится основным, она является насильственным решением тяжелых немецких проблем. Иной внешний повод для подобного решения мы бы так легко не получили. Революция

устранила малые немецкие династии, которые исполнили свою культурную миссию. И она подготовила членение Рейха на племена, к которому мы сможем перейти в тот момент, когда вновь станем свободной нацией. И если бы эти вещи произошли лишь на карте страны, это было бы не так важно. Важно, что они происходят также в чувствах людей. Мы потеряли в территориях. Но мы сплотились как немцы. И как немцы мы присягаем Рейху, который должен нам остаться.

Это не заслуга революции. Она действовала без осознания того, что она ответственна не перед партией, а перед нацией. Мы живем в неведении и не имея гарантий против того, что революция, если она будет предоставлена сама себе как восстание аполитичного народа, не окажется началом политического конца немецкой нации. Но мы верим, что и она окажется очередной немецкой бессмыслицей, которая обретает свой смысл задним числом. И она обретет этот смысл в той мере, в какой удастся политизировать немецкий народ, который более не может жить в условиях, созданных исходом мировой войны – политизировать народ, привлекая его к участию в собственной национальной судьбе. Мы верим скорее в то, что эта революция является событием нашей национальной истории – тем, в чем ей отказывают классово сознательные пролетарии, но чем она непременно должна стать в силу своей природной принадлежности стране и народу. И как часть нашей истории, она станет всего лишь новым обходным путем, необходимым для того, чтобы мы вырвались из нашей чисто немецкой неподвижности, к которой уже почти привыкли во Втором Рейхе. И мы верим, что этот Второй Рейх был лишь переходом к Третьему, к новому и последнему Рейху, который нам обещан и ради которого мы должны жить, если хотим жить.

Есть немцы, которые утешают себя в нашем поражении тем, что ценности нации останутся непреходящими и тогда, когда крах государства повлечет за собой ее гибель. Это самый жестокий самообман, на который способны немцы. Насколько слабо мы боролись за нашу культуру, настолько сильно наши враги боролись за свою. И эти враги не хотят нашей культуры. Их народы вообще не понимают наших ценностей. Они, каждый на свой лад, считают

себя совершенными в своей культуре. Мысль о том, что они должны будут признать равноценность немецкой культуры, для них невыносима. Они не признают наши ценности. И мы сами не знаем наших ценностей. Из нашей истории видно, что мы всюду отрекались от одних ценностей, чтобы положить начало другим. Это делало немецкую культуру настолько же богатой и разнообразной, насколько она несвязна и труднообозрима. Национализм должен явиться тем связующим и проясняющим началом, которое покажет нации то, что ей принадлежит, поскольку является немецким и представляет ценность: немецкую историю людей.

Это является духовной целью, но в то же время включает в себя и политическую задачу. Если мы погибнем как нация, то, как подсказывает наш опыт отношений с другими народами, погибнет Германия и вместе с ней все, что когда-либо создали немцы. Нет народа, который мог бы нас воспринять.

Народы Запада нас отрицают. Они оценивают все иначе, чем мы, и пасуют перед нашими ценностями. Даже у Клаузевица [40] французский генеральный штаб умудрился найти лишь один «немецкий туман», хотя этот туман уже нередко оборачивался той немецкой ясностью, которая так пугает наших врагов. Когда Антанта давала нам совет отречься от Потсдама и снова идти в Веймар, она пускала в ход свою самую большую ложь [41]. Народы Запада должны ненавидеть Веймар в принципе неизмеримо сильнее, чем они ненавидят Потсдам. Их замутненный взор видел в Потсдаме всего лишь символ немецкого милитаризма, но признай они Веймар символом культуры, тотчас встанет вопрос об иерархии культур, в которой уровень классики возвышается над уровнем классицизма так же, как Гете возвышается над Расином [42]. А немецкая культура зиждется не только на Потсдаме и Веймаре, но на каждом немецком городе в пределах той области, в которой действуют немецкие ценности, и которая простирается далеко на восток от Мюнстера и того места, в котором распят на кресте немецкой судьбы Христос Грюневальда [43].

Правда, народы к востоку от нас берут от немецких ценностей то, что может быть им полезно. Но тот же немецкий язык есть лишь язык международного общения Евразии и Центральной

Европы. Он посредничает в тамошних делах, но не затрагивает души. И если он стал языком-посредником Третьего Интернационала, то и здесь он передает лишь потребный делу интернационализм. Он передает лишь то, что принадлежит марксизму, но не тот великий космос немецкой духовности, который расположен перед Марксом, рядом с Марксом и против Маркса, который опровергает Маркса и при этом остается непостижимым. Даже те из русских, которые не отвергают, подобно Толстому, всю Европу, хотят и могут в силу своей национальной принадлежности принять лишь отдельные наши ценности: систематику, философский идеализм, Гегеля и, может быть, Шиллера [44]. Бесконечность немецкого космоса, которая не ограничивается именами, закрыта и для них, потому что они обладают собственной безграничностью, чуждой нам и, напротив, простирающейся прочь и в сторону от Запада – в Азию.

VI

Немецкий национализм является поборником конечного Рейха. Этот Рейх всегда обещан. И он никогда не исполнится. Он – совершенство, которое будет достигаться только в несовершенстве.

И он есть особое обетование немецкого народа, которое оспаривают у него все другие народы. Они боролись в мировой войне против Рейха, существовавшего ради Рейха, боролись ради мирового господства, в котором мы хотели иметь нашу материальную долю, сочтенную за империалистическое притязание. Каждый из них сам хотел быть не только империей, но и вместилищем латинской, англосаксонской или панславистской идеи. Они уничтожили наш материальный Рейх. И они до сих пор боятся его политической тени.

Но Рейх им пришлось оставить несломленным. Есть лишь один Рейх, подобно тому, как есть лишь одна Церковь. Все остальное, что претендует на это название, есть государство, или община, или секта. Есть только Рейх.

Немецкий национализм борется за возможный Рейх. Немецкий националист нашего времени, будучи немецким человеком, все еще является мистиком. Но как человек политический, он стал скептиком.

Он знает, что осуществление идеи постоянно отодвигается все дальше, что духовность на самом деле являет себя в очень человеческом, а это значит, сугубо политическом, и что нации превращают возложенные на них идеи лишь в той мере, в какой они утвердили и осуществили себя исторически.

Немецкий националист невосприимчив к идеологии ради идеологии. Он распознал обманчивость громких слов, с помощью которых победившие нас народы приписывают себе высокую миссию. Он узнал, что в окружении цивилизации, которой принадлежат эти народы и которая самодовольно называет себя западной, человек не возвышается, но опускается.

В этом нисходящем мире, который сегодня торжествует победу, он стремится спасти немецкое. Он стремится получить его воплощение в ценностях, которые остались непобежденными, потому что они сами по себе непобедимы. Он стремится обеспечить им долговечность в мире тем, что, сражаясь за них, восстанавливает тот ранг, который принадлежит им по праву, и – заметим это сейчас, когда ни одно понятие не кажется более сомнительным, чем понятие европейского – он борется за все, что, исходя из Германии, имеет европейский охват.

Мы думаем не о той Европе сегодняшнего дня, которая слишком достойна презрения, чтобы ее хоть как-то оценивать. Мы думаем о Европе дня вчерашнего, но также и о том, что может снова спастись из нее для дня завтрашнего. И мы думаем о Германии всех времен – о Германии двухтысячелетнего прошлого и о Германии вечного настоящего, о Германии, которая живет в мире духовном, но желает безопасности в мире действительном, и которая может достичь такой безопасности лишь политическими средствами.

Зверь в человеческом облике крадется к нам. Африка просвечивает через Европу. Мы должны быть часовыми у врат, ведущих к ценностям.

1. Речь идет о государстве, начало которому в 962 г. положила коронация императором короля из саксонской династии Оттона I Великого (936 – 973). В 1486 г. это государство получило название «Римская империя германской нации», а в 1512 г. – «Священная римская империя германской нации». Оно прекратило свое существование в августе 1806 г. в результате поражения

русско-австрийских войск под Аустерлицем, подписания Австрией Пресбургского мирного договора (1805) с Францией и образования Рейнского союза (1806 – 1813). Черно-красно-золотистый флаг впервые появился в Германии около 1818 г. у йенских студентов, среди которых было немало ветеранов освободительной борьбы против Наполеона. Вскоре расцветка этого флага, повторявшая основные цвета студенческих корпораций Йены, стала ассоциироваться с борьбой за демократические свободы и национальное единство Германии. Тогда же народная молва приписала его «Священной римской империи германской нации», герб которой имел, начиная с XIV в., такую же расцветку. С 1919 по 1933 гг. черно-красно-золотистое знамя являлось государственным символом Веймарской республики.

2. «Второй Рейх» был основан 18 января 1871 г. в результате объединения Германии под властью прусского короля Вильгельма I Гогенцоллерна (1861–1888). Поражение Германии в первой мировой войне, а затем революция 9 ноября 1918 г. привели к краху державы Гогенцоллернов. Черно-красно-белое знамя было предложено в качестве символа этого государства О. Бисмарком, посчитавшим черно-красно-золотистый триколор слишком «демократичным» для созданного им порядка. Расцветка имперского знамени была искусственно составлена из черно-белого флага Пруссии и красно-белого флага Ганзейского союза.

3. После поражения Германии в Первой мировой войне ее военно-морской флот был интернирован на базе британских ВМС в бухте Скапа-Флоу (Шотландия). После оглашения условий мирного договора, но еще до его подписания, 21.06.1919 г., немецкие корабли были затоплены здесь своими командами.

4. Черное знамя, в котором Меллер видел боевой символ «Третьей партии», было подхвачено после его смерти некоторыми течениями немецкой «консервативной революции».

5. Гете Иоганн Вольфганг (1749 – 1832) – немецкий поэт и мыслитель.

6. Панивиц Рудольф (1881 – 1989), немецкий культурфилософ и писатель, доказывал необходимость новой общности философии, искусства и науки. Шпенглер Освальд (1880 – 1936), немецкий философ и публицист националистического направления. В отличие от Шпенглера, предрекавшего расцвет великой русской религиозной культуры, но убежденного в том, что «время немецкого величия уже прошло» (См.: *Spengler O. Briefe 1913 – 1936. München, 1963. S. 38, 45, 55*), Меллер относил и немцев, и русских к «молодым» народам, борющимся за свое будущее против «старых» наций Европы (См.: *Moeller van den Bruck A. Für und wider Spengler // Ders. Der politische Mensch. Breslau, 1933. S. 9 ff.*).

7. Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен (1815–1898), князь, германский государственный деятель. В 1871–1890 гг. – рейхсканцлер Германской империи.

8. Буржуазно-демократическая революция 9 ноября 1918 г. положила конец правлению династии Гогенцоллернов и свергла 22 монархии, правившие в землях Второй империи.

9. Самостоятельное Германское королевство образовалось на землях восточных франков в 919 г. в результате объединения пяти племенных герцогств – Саксонии, Франконии, Швабии, Баварии и отвоеванной у Франции Лотарингии под властью представителя Саксонского дома Генриха I Птицелова (919–936). Первые обозначения его правителей как «немецких королей» папой Григорием VII (сер. XI в.) имели уничижительный смысл, поскольку ставили под вопрос их право властвовать за пределами собственной страны.

10. Германские императоры длительное время номинально господствовали на Италии, но реально это господство поддерживалось только в период пребывания там императорских войск. Практически для каждой коронации императоров требовался военный поход на Рим, сопровождавшийся подавлением восстаний местного населения.

11. При короновании Оттон I признавал притязания папы на светские владения в Италии, но с сохранением суверенитета императора над ними (при этом от папы требовалось принесение вассальной присяги). Однако возникшее в X в. клонийское движение подготовило возвышение папского престола и его освобождение от императорской опеки. В конце концов (по Вормскому конкордату 1122 г.) папы добились права осуществлять духовную инвеституру, в то время как светская инвеститура оставалась за императорами.

12. Разгоревшееся с середины XI в. на итальянской земле противоборство между германскими императорами и римскими папами сплелось с внутренними противоречиями в Ломбардии и Тоскане. В 1125 г. началась война между возникшими здесь «партией церкви» и «партией империи», которые в XII в. получили названия «гвельфов» и «гибеллинов». Поскольку различные итальянские города, фамилии и сословия в ходе этой борьбы многократно меняли свою партийную ориентацию, лозунги и сами названия партий «гвельфов» и «гибеллинов» имели весьма условный характер.

13. Немецкое продвижение в западнославянские земли с их колонизацией началось в XII в. С 1201 г. немецкие духовно-рыцарские ордена приступили к захвату территорий в Прибалтике.

14. После прекращения дома Штауффенов с сер. XIII в. и до 1356 г. императорский титул присваивался представителями многих династий, в том числе Люксембургско-богемского дома (1347 – 1437).

15. Начиная с Альбрехта II (1438 – 1439) императорский титул окончательно закрепился за представителями Габсбургского дома. В период правления Карла V (1516 – 1556) существовала личная уния между Германской империей и Испанским королевством. Последним королем Испании из Габсбургской династии был Карл II (1665 – 1700).

16. Вена осаждалась турками в 1529 и 1683 гг. В XVI – XVII вв. французские войска переходили границы Германии, в частности, для участия (с 1639 г.) в Тридцатилетней войне.

17. Тридцатилетняя война (1618 – 1648) разгорелась на территории Германской империи в результате династических и религиозных противоречий между входившими в ее состав княжествами с католическим, лютеранским и кальвинистским вероисповеданиями. В ней приняли участие, с одной стороны, Габсбургский блок (испанские и австрийские Габсбурги, а также католические князья Германии), с другой – Антигабсбургская коалиция (протестантские князья Германии в союзе с Францией, Швецией и Данией).

18. Лютеранство – религиозно-политическое течение немецкого протестантизма, основанное Лютером после его выступления в 1517 г. в г. Виттенберге против папских индульгенций и других злоупотреблений католического духовенства («95 тезисов»). Кальвинизм (пуританство) – религиозное течение, основанное Жаном Кальвином (1509 – 1564), который в 1533 г. под влиянием Лютера отрекся от католицизма и примкнул к протестантизму, а с 1536 г. возглавил реформационное движение в Женеве. Контрреформация – религиозно-политическое движение в Западной Европе в XVI – XVII вв., направленное против Реформации и возглавлявшееся папством. Его оплотом и материальной базой были государства с наиболее прочными позициями католицизма, в том числе княжества Юго-Западной и Южной Германии и Австрия. Программой контрреформации стали решения Тридентского собора (1545 – 1563).

19. Вестфальский мир, заключенный 24 октября 1648 г. в г. Мюнстере (Вестфалия), положил конец Тридцатилетней войне. Он был оформлен договором между императором «Священной Римской империи» и его союзниками со Швецией и ее союзниками, а также договором между императором «Священной Римской империи» и его союзниками с Францией и ее союзниками. По условиям этих договоров часть территорий Империи отходила к Швеции и Франции, которые как державы-победительницы объявлялись гарантами выполнения мира. Кроме того, были признаны самостоятельными и вышли из состава империи Швейцария и Голландия. Вестфальский мир закрепил политическую раздробленность Германии.

20. 18 января 1701 г. сын курфюрста Бранденбургского Фридриха Вильгельма Гогенцоллерна (1640 – 1688) Фридрих III короновался в Кенигсберге королем Пруссии Фридрихом I (1701 – 1713). Возвышение Пруссии происходило в годы правления Фридриха Вильгельма I (1713 – 1740) и Фридриха II Великого (1740 – 1786), неоднократно наносившего поражения австрийцам.

21. Ришелье Арман Жан дю Плесси (1585 – 1642), герцог, французский государственный деятель и дипломат. В 1624 – 1642 гг. – председатель королевского совета, фактический правитель Франции. Опасаясь усиления Габсбургов, поддерживал всех, кто боролся против них во время Тридцатилетней войны. Наполеон I Бонапарт (1769 – 1821), французский полководец и государственный деятель, с 1804 г. – император Франции. После поражений, нанесенных австрийской и прусской армиям, навязал немецким державам договоры, обернувшиеся для них территориальными потерями и ослаблением их позиций в Европе.

22. Штейн Генрих (1757 – 1831), глава правительства Пруссии (1807–1808), провел вопреки сопротивлению юнкерства ряд преобразований. Гумбольдт Вильгельм (1767 – 1835), немецкий языковед, философ, государственный деятель и дипломат, один из основателей Берлинского университета (1810). Клейст Генрих фон (1777 – 1811), немецкий писатель-романтик, в творчестве которого отразилась национальная проблематика.

23. Коммунистический (Третий) интернационал был основан 2 марта 1919 г. в Москве по инициативе В. И. Ленина для руководства мировой пролетарской революцией. 15 мая 1943 г. по предложению И. В. Сталина было принято решение о роспуске Коминтерна, и 10 июня того же года он прекратил существование.

24. Марка (от ср. лат. «marga» – граница) – со времен Карла Великого (800 – 814) пограничная область Империи или смежная с ней завоеванная территория, предназначавшаяся для защиты границ и сосредоточения имперских войск.

25. Версальский мирный договор, призванный подвести итоги Первой мировой войны 1914 – 1918 гг., был выработан Парижской мирной конференцией (18.01.1919 – 21.01.1920 гг.) и подписан 28.06.1919 г., с одной стороны, 26 державами Антанты и «ассоциированными» с ними странами (Россия, Китай и США в подписании не участвовали), с другой – побежденной Германией. Согласно договору, возложившему всю ответственность за развязывание войны на Германию, ряд ее пограничных областей отходил к соседним государствам. Кроме того, она лишалась своих колоний, теряла право иметь боеспособную армию, обязывалась к выплате репараций и выполнению ряда других разорительных и унижительных для нее условий.

26. Донар – в древнегерманской мифологии бог-«громовник».

27. Вельфы (Гвельфы) – немецкий княжеский род, имевший с VIII – IX вв. владения в Швабии и Бургундии. Вел упорную борьбу со Штауффенами, находившимися на императорском престоле с 1138 по 1254 гг. Эта борьба нашла отклик и в Италии, в частности, в названиях враждовавших там партий «гвельфов» (произв. от нем. Гвельфы) и «гибеллинов» (произв. от нем. Вайблинг – родовой замок Гогенштауффенов). Распри между этими партиями потеряли значение к середине XIV в., когда «Священная империя» покинула итальянскую политическую сцену.

28. Очевидно, имеются в виду жертвы, понесенные имперскими войсками в 1194 г. при покорении королевства Обеих Сицилий сыном Фридриха I Барбароссы (1152 – 1190) Генрихом VI (1190 – 1197). Тот же Генрих VI продолжил борьбу своего отца против Генриха Льва Баварского (1129 – 1195), который после поражения, понесенного им в 1180 г. от Фридриха I, потерял большую часть своих владений, сохранив лишь Брауншвейг и Люнебург.

29. Лютер Мартин (1483 – 1546), немецкий мыслитель и общественный деятель, глава (с 1517 г.) Реформации в Германии, основатель немецкого

протестантизма (лютеранства), один из создателей общенемецкого литературного языка. Взгляды Лютера были близки идеям немецких мистиков XIV в. Просвещение – идеологическое течение, враждебное феодально-абсолютистскому строю и получившее наибольший размах во Франции в период между 1715 и 1789 гг. Ядро учения просветителей составляет убежденность в решающей роли знаний и особенно познания «естественного порядка» для исправления социальных отношений.

30. Конституция послевоенной Германии была разработана и принята в г. Веймаре Национальным учредительным собранием (6.02.1919 – 31.07.1919 гг.) и вступила в силу 11.08.1919 г. Закрепляя важнейшие завоевания Ноябрьской революции, Веймарская конституция провозглашала Германию демократической парламентской республикой.

31. Родбертус-Ягетцов Карл Иоганн (1805 – 1875), немецкий экономист, выступал с идеей прусского «государственного социализма».

32. Энгельс Фридрих (1820 – 1895), один из основоположников марксизма, друг и соратник К. Маркса.

33. Маркс Карл Генрих (1818 – 1883), немецкий мыслитель, основоположник диалектического и исторического материализма, марксистской политэкономии и научного коммунизма, основатель и руководитель первых международных пролетарских организаций.

34. Здесь звучит сквозной мотив послевоенного творчества Меллера – утверждение о том, что «у каждого народа свой собственный социализм». Эту тему он развил в ряде отдельных работ (см. напр. *Moeller van den Bruck A. Preußentum und Sozialismus // Gewissen. 7.01.1920; Ders. Sozialismus und Außenpolitik. Breslau, 1933*), а также в специальной главе книги о «Третьем рейхе» (см.: *Ders. Das Dritte Reich. Hamburg, 1931. S. 29–78*).

35. «Русский конфликт» разгорелся в связи с прекращением Германией в 1922 г. выплаты репараций, установленных Лондонским ультиматумом от 5 мая 1921 г. Стремясь принудить Германию к продолжению платежей, Франция попыталась завладеть так называемыми продуктивными залогами – угольными шахтами Рурского бассейна и сталелитейной промышленностью Рейнской провинции. Ввод сюда 11 января 1923 г. франко-бельгийских войск поставил экономику Германии на грань краха и вызвал по всей стране активизацию как «правых» националистических сил, так и рабочего движения под «левыми» революционными лозунгами.

36. Италия освободилась от имперского гнета после многочисленных восстаний и войн в 1268 г. Бургундия отошла к Франции в 1482 г. По Вестфальскому миру 1648 г. Империя признала независимость Нидерландов и Швейцарии. Ливонский орден в Прибалтике распался в 1561 г. в результате поражений, нанесенных ему Россией в ходе Ливонской войны (1558 – 1583). Ливония признала главенство Польши. Курляндия образовала особое герцогство, находившееся в зависимости от Польши, Эстляндия подчинилась Швеции, а остров Эзель – Дании.

37. В итоге Тридцатилетней войны власть императора над более чем 300 немецкими княжествами стала символической, а сама империя перестала выступать в качестве фактора европейской политики, сравнимого по влиянию с Англией, Францией или Испанией. В 1871 г. в состав новообразованной Германской империи вошли 22 монархии и несколько вольных городов.

38. Первоначально Веймарская конституция предусматривала возможность включения Австрии в состав Германии (ст. 61). Однако решениями Версальского и Сен-Жерменского (10.09.1919 г.) мирных договоров Германия обязывалась признать независимость Австрии. Под нажимом Антанты правительство Веймарской республики было вынуждено 22 сентября 1919 г. объявить данное положение конституции недействительным.

39. Согласно Веймарской конституции, в состав единого немецкого государства входили 18 земель – 15 республик и 3 вольных города. Федеративность Веймарской Германии была во многих отношениях условной. Оставляя важнейшие вопросы в ведении империи, ее конституция предоставляла землям возможность конкурировать с рейхстагом в уголовном и гражданском законодательстве, при том, что право империи имело во всех подобных случаях решающий перевес над партикулярным правом земель.

40. Клаузевиц Карл фон (1780 – 1831), немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии.

41. Антанта (от фр.: «Entente cordiale» – сердечное согласие) – союз Англии, Франции и России, сложившийся в 1893 – 1907 гг. (именовавшийся также после присоединения к нему в 1915 г. Италии «Четверным согласием»). В годы Первой мировой войны вокруг Антанты сплотилось 25 государств. Потсдам – резиденция прусских королей и (с 1871 г.) германских императоров. Веймар – город, в котором жили и работали Гете, Шиллер и другие деятели немецкой культуры, и который часто называют «культурной столицей» Германии.

42. Расин Жан (1639 – 1699), французский поэт и драматург.

43. «Распятие Христа» (1505) – произведение немецкого художника и инженера Матиаса Нойрадта по прозвищу Грюневальд (ок. 1470 – 1528), работавшего в г. Галле (Заале). С творчеством Грюневальда, который считается одним из самых значительных немецких художников своего времени, принято связывать расцвет позднегоготической живописи в Германии.

44. Толстой Лев Николаевич (1828 – 1910), русский писатель и мыслитель. Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770 – 1831), немецкий философ, представитель немецкой классической философии. Шиллер Фридрих (1759 – 1805), немецкий поэт, философ и историк.

Аленов Сергей Георгиевич – канд. ист. наук, доцент исторического факультета Воронежского государственного университета.

Байсвенгер Мартин – magistr artium, аспирант Университета Нотр Дам, США.

Вишленкова Елена Анатольевна – д-р ист. наук, профессор Казанского университета, заведующая кафедрой истории России до XX века.

Кретинин Сергей Владимирович – д-р ист. наук, профессор исторического факультета Воронежского государственного университета.

Минаков Аркадий Юрьевич – канд. ист. наук, доцент исторического факультета Воронежского государственного университета.

Мяжкова Елена Михайловна – канд. ист. наук, доцент Института истории Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

Репников Александр Витальевич – канд. ист. наук, специалист 1-й категории Российского государственного архива социально-политической истории Федеральной архивной службы Российской Федерации (РГА СПИ ФАС РФ), доцент Российской Академии театрального искусства (ГИТИС), Москва.

Федорова Мария Михайловна – канд. филос. наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, Москва.

Христофоров Василий Сепанович – канд. юрид. наук, начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России.

Программа “Межрегиональные исследования в общественных науках” была инициирована Министерством образования и науки Российской Федерации, “ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)” и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. “ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)” осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231

Электронная почта: info@ino-center.ru,

Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО "ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)" – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Биллингтона, и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки "развития и распространения знаний и понимания". Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами

Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна "творить реальное и прочное добро в этом мире".

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.

КОНСЕРВАТИЗМ В РОССИИ И МИРЕ

Часть III

коллективная монография

Лицензия ИД № 00437 от 10.11.99
Подписано в печать 23.09.04. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$
Объем 13,87 п.л. Тираж 500. Заказ № 809

Отпечатано в типографии ВГУ
394000, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 3

МИОН

Межрегиональные
исследования
в общественных
науках

